

**ЗАПАДНО-УРАЛЬСКИЙ
ИНСТИТУТ
ЭКОНОМИКИ И ПРАВА**

Частное образовательное учреждение высшего образования
«Западно-Уральский институт экономики и права»
(ЧОУ ВО «ЗУИЭП»)

**СБОРНИК НАУЧНЫХ ТРУДОВ
«ВОПРОСЫ ЦИФРОВОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ: ЭКОНОМИКА,
ПРАВО, СОЦИАЛЬНЫЕ
КОМПЕТЕНЦИИ»**

Пермь 2026г.

Частное образовательное учреждение высшего образования
«Западно-Уральский институт экономики и права»
(ЧОУ ВО «ЗУИЭП»)

ВОПРОСЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ: ЭКОНОМИКА, ПРАВО, СОЦИАЛЬНЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ

Сборник научных трудов

Пермь 2026

УДК 338.2:340.1:004

ББК 65.012:67:16.2

В74

- В74 **Вопросы** цифровой трансформации: экономика, право, социальные компетенции : сборник научных трудов / отв. ред. канд. экон. наук, доцент О. М. Палкина ; Западно-Уральский институт экономики и права. – Электронные данные. – Пермь, 2026. – 19,1 Мб ; 250 с. – Режим доступа: <https://zuiep.ru/students/science/>. – Заглавие с экрана.

ISBN 978-5-89919-215-10

Сборник научных трудов посвящен вопросам цифровой трансформации в сферах экономики, права, социальных компетенций. Ученые, преподаватели, представители бизнеса и студенты рассматривают в своих научных статьях приоритетные направления трансформации общества в разных сферах: теоретические и практические вопросы развития науки в условиях цифровой трансформации, перспективы ее развития, личность в условиях цифровой трансформации общества, современные вызовы развития юридической науки в условиях цифровой трансформации, стратегическое управление развитием региона, роль искусственного интеллекта в современном обществе, введение цифрового рубля – в контексте экономических, правовых, психологических и социокультурных аспектов.

Настоящее научное издание предназначено для преподавателей вузов и сузов, студентов, практических работников в области экономики и права.

УДК 338.2:340.1:004

ББК 65.012:67:16.2

Печатается по решению Ученого совета
Западно-Уральского института экономики и права

Редакционная коллегия:
Н. Н. Агафонова, А. С. Волков, О. М. Палкина

ISBN 978-5-89919-215-10

© ЧОУ ВО «ЗУИЭП», 2026

ТРЕНДЫ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ И КЛЮЧЕВЫЕ СМЫСЛЫ

Н. Н. Агафонова

Канд. ист. наук, доцент, Западно-Уральский институт
экономики и права, Пермь, Россия, rector@zuiep.ru

Аннотация. В статье рассмотрены тренды развития современного высшего образования и его ключевые смыслы. Автор выделяет два основных тренда развития высшего образования в России: введение новой модели высшего образования и использование инструментов искусственного интеллекта (ИИ) в реализации образовательных программ. Представлено понимание новой модели высшего образования в России, проанализированы отказ от Болонской системы образования и формирование собственной системы высшего образования, отражающей российскую специфику и потребности экономики и общества. Также отмечена значимость подготовки студентов в системе среднего профессионального образования как ступени продолжения образования в высших учебных заведениях. Автор раскрывает сущность проекта эффективного образования, разработанного и внедряемого в ЧОУ ВО «Западно-Уральский институт экономики и права». Концепция современного подхода к образовательному процессу в вузе разработана с учетом тенденции развития и применения в образовательном процессе инструментов искусственного интеллекта.

Ключевые слова: высшее образование, новая модель высшего образования, цифровизация, искусственный интеллект, система образования, архитектура смыслов

TRENDS IN HIGHER EDUCATION DEVELOPMENT AND KEY MEANINGS

N. N. Agafonova

Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, West Ural Institute
of Economics and Law, Perm, Russia, rector@zuiep.ru

Abstract. The article discusses the trends in the development of modern higher education and its key meanings. The author highlights two main trends in the development of higher education in Russia: the introduction of a new model of higher education and the use of artificial intelligence (AI) tools in the implementation of educational programs. The article presents an understanding of the new model of higher education in Russia, the rejection of the Bologna system of education, and the formation of its own system of higher education that reflects the Russian specifics and the needs of the economy and society. The article also emphasizes the importance of training students in the system of secondary vocational education as a step towards higher education. The author reveals the essence of the effective education project developed and implemented at the West Ural Institute of Economics and Law. The concept of a modern approach to the educational process at a university has been developed taking into account the trend of development and application of artificial intelligence tools in the educational process.

Keywords: higher education, new model of higher education, digitalization, artificial intelligence, education system, and architecture of meanings

В современном образовательном пространстве в условиях трансформационных процессов, развития цифровизации и искусственного интеллекта образовательные организации обязаны выстраивать собственные стратегии развития и траектории внутреннего планирования с использованием современных технологий и эффективных управленческих подходов. В этом аспекте особенно важным становится разработка механизмов и технологий, позволяющих руководителям образовательных организаций прогнозировать восприятие населением России, в том числе потенциальными абитуриентами, трансформационных изменений и степени влияния этих изменений на образовательный процесс.

Ключевыми трендами в развитии высшего образования в 2026 г. являются, во-первых, введение новой модели высшего образования, во-вторых, использование инструментов искусственного интеллекта (ИИ).

Согласно Указу Президента Российской Федерации от 12.05.2023 № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования» (Указ Президента Российской Федерации от 12.05.2023 № 343) реализация проекта по совершенствованию системы высшего образования началась с осени 2023 г. и продлится до выпуска 2026 г. Так у вузов есть время для понимания новой модели [3].

Новая структура высшего образования предусматривает (п. 2 Указа президента № 343 от 12.05.2023):

- два уровня высшего образования – базовое высшее образование и специализированное высшее образование (четыре-шесть лет обучения);
- один уровень профессионального образования – аспирантура (четыре года);
- один уровень специализированного высшего образования – магистратура, ординатура, ассистентура-стажировка (один-три года) [2].

Сроки обучения по каждой образовательной программе будут устанавливать сами образовательные организации в соответствии с рекомендациями Минобрнауки. Например, согласно «Перечню специальностей и направлений подготовки высшего образования, в соответствии с которым осуществляется реализация образовательных программ базового высшего образования, программ специализированного высшего образования пилотного проекта с указанием сроков обучения и присваиваемых квалификаций» (Проект приказа Минобрнауки России «Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования, научных специальностей», в соответствии с которыми осуществляется реализация образовательных программ пилотного проекта, предусмотренного Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2023 г. № 343 «О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования») по направлению 38.03.01 Экономика, Базовое высшее образование, квалификация «Инженер-экономист», рекомендован срок обучения 6 лет [1]. Понятия «бакалавриат» в новой системе образования нет.

Таким образом, вместо привычной схемы «бакалавриат плюс магистратура» будет сформирована модель единого образовательного цикла, включающая три вышеназванных уровня. Наиболее значимым акцентом будут внутренние изменения, которые выражаются в адаптации образовательных программ к запросам рынка труда, бизнеса, технологического и научного вектора развития страны.

С 1 сентября 2025 г. вступили в силу нормативные документы о государственном регулировании числа платных мест в вузах. Так Министерство науки и высшего образования предполагает решить две основные задачи: повышение качества образования и подготовка специалистов, которые действительно нужны рынку труда. В 2026 г. система ограничения количества платных мест в вузах будет формироваться согласно разработанной методике [5]. Так, утверждена методика определения предельного количества мест для приема на платное обучение в вузы на 2026/2027 учебный год. Предложения о предельном количестве мест для приема на платное обучение формируются Министерством науки и высшего образования Российской Федерации по направлениям подготовки и специальностям высшего образования, научным специальностям, включенным в перечень, утверждаемый для всех расположенных на территории Российской Федерации образовательных организаций, за исключением организаций, осуществляющих образовательную деятельность и находящихся в ведении федеральных государственных органов. В случае если в 2023/2024 и 2025/2026 учебных годах принятые на обучение по соответствующим направлениям и форме обучения в образовательной организации отсутствовали, то такая организация вправе установить число мест для платного приема на 2026/2027 учебный год не менее 10 мест, но не более 20 мест [5].

Отметим, что в данной ситуации стратегически важным для будущих абитуриентов становится выбор пути получения высшего образования и профессии через систему среднего профессионального образования. Поступление в колледж дает возможность получить конкретную профессию и открывает путь для поступления в вуз по результатам внутренних вступительных испытаний. Эта тенденция обуславливает открытие и развитие Западно-Уральским институтом экономики и права (ЧОУ ВО «ЗУИЭП») направлений среднего профессионального образования по нескольким аккредитованным специальностям. С 2022 г. действует Автономная некоммерческая профессиональная образовательная организация «Современный цифровой колледж при Западно-Уральском институте экономики и права» (АНПОО «СЦК при ЗУИЭП»).

Такая практика ЧОУ ВО «ЗУИЭП» позволяет выстраивать стратегию получения образования в свете ключевых трендов развития современной образовательной системы. Данная стратегия в своей эволюции прошла несколько этапов – от дисциплинарного знания к технократическому и на современном этапе к формированию кадровой компетентности в процессе обучения в вузе. В институте активно применяется методика проектного менеджмента. Методологически правильное использование проектного подхода в управлении позволяет сформулировать четкие стратегические и тактические шаги, разработать и реализовать эффективные практические решения. Проектный подход имеет существенные преимущества, такие как рискоориентированность, оперативная адаптация к изменениям, синергия ресурсов и командообразование. Фактор формирования и наличия команды в реализации проекта очень важен, так как члены проектной команды несут персональную ответственность за реализацию конкретных задач и конечный результат. Командообразование – это отдельная важная тема для изучения.

В рамках проекта эффективного образования разработана концепция современного подхода к образовательному процессу в вузе.

К успешному результату приводят такие факторы, как:

- гибкое мышление;
- адаптивное поведение и конструктивное взаимодействие внутри и вне компании;
- вариативность действий;
- ориентация на результат (ОИР).

Также в рамках указанных факторов подразумевается способность достигать результата в сложных условиях, в короткие сроки с преодолением очевидных и неочевидных препятствий.

Не менее значим фокус на образовательные потребности: гибкость в обучении, участие в проектировании образовательных продуктов, обратная связь как способ корректировки, гибкость в обучении в зависимости от потребностей и изменений. На рисунке представлена модель профориентационного акселератора, предложенная в проекте эффективного образования.

ПРОФОРИЕНТАЦИОННЫЙ АКСЕЛЕРАТОР		
Участник	Действие	Эффективность
Студент	Тренировка навыков и профессиональных компетенций («мышц» профессионала)	Время на прокачку себя и идеи. Будущее рабочее время (фьючерс-контракт)
Предприятие (организация)	Решение задач (рутинные, операционные, проектные). Сотрудник с фьючерсом (гарантия наличия трудового ресурса)	Время компетенций
Сотрудник-акселератор в организации	Фьючерс / опцион за «тренировку мышц» – бюджет времени	Время для наращивания компетенций

Рис. Профориентационный акселератор

Наиболее значимым трендом также является применение инструментов искусственного интеллекта (ИИ) в сфере образования и преподавателями, и студентами, и сотрудниками вуза. Умение пользоваться инструментами ИИ превращается в самостоятельную профессиональную компетенцию. В этом случае всем участникам образовательного процесса необходимо овладеть новыми навыками, например навыком промпт-инжиниринга. Умение грамотно, четко составлять промты, формулировать задания для ИИ гарантирует экономию времени – его не надо будет тратить на выполнение рутинных задач. Это создает ощущение, будто длинные траектории развития не окупаются, а профессиональный рост теперь не обязателен, ведь достаточно освоить ИИ-инструменты. Однако использование инструментов ИИ не отменяет необходимость овладения фундаментальными знаниями.

ИИ – ключевой ориентир в образовании. Специалисты НИУ «Высшая школа экономики» (ВШЭ) в июне 2025 г. провели опрос среди 1,3 тыс. абитуриентов, собирающихся поступать на IT-направления. В результате:

- 67 % выбрали искусственный интеллект как приоритетное направление;

– 52 % считают, что знания в области ИИ необходимы вне зависимости от профиля;

– 67 % отметили, что интерес вызывают такие направления в ИИ, как машинное обучение, генеративные модели, компьютерное зрение [6].

Вследствие развития данных тенденций формируется монополия вузов на обучение и систематизацию знаний. Архитектура смыслов и мышления становится высшей функцией. Новое высшее образование – это когнитивное высшее образование, направленное на развитие стратегического мышления, создание архитектуры смыслов, интеллектуальной безопасности и суверенитета.

Что такое архитектура смыслов? Это организация информации и знаний, основа эффективной системы коммуникаций, единство философии, дизайна, практического проектирования – от проектирования карьеры к проектированию карьерных и коммуникационных стратегий.

Будущее наступает быстрее, чем обновляются учебные программы. Но, подводя итог, можно сказать, что в разработке образовательных программ высшего образования необходимо учитывать конечную цель – создание оптимальной стратегии подготовки современных специалистов с учетом ключевых трендов в образовании.

Библиографический список

1. Перечень многосторонних и двусторонних международных договоров Российской Федерации по вопросам признания дипломов об образовании и ученых степеней (по состоянию на 1 ноября 2023 года). URL: vsrf.ru/documents/international_practice/33250/ (дата обращения: 19.11.25).

2. Проект приказа Минобрнауки России «Об утверждении перечней специальностей и направлений подготовки высшего образования, научных специальностей, в соответствии с которыми осуществляется реализация образовательных программ пилотного проекта, предусмотренного Указом Президента Российской Федерации от 12 мая 2023 г. № 343 “О некоторых вопросах совершенствования системы высшего образования”». URL: <https://regulation.gov.ru/Regulation/Npa/PublicView?npaID=139483> (дата обращения 19.12.2025 г.)

3. Палкина О. М. Новая модель высшего образования в России и Болонская система// Вызовы общества в период цифровой трансформации : сб. науч. тр. / отв. ред. канд. экон. наук, доцент О. М. Палкина; Зап.-Урал. ин-т экономики и права. Электронные данные. Пермь, 2024. 17,3 Мб; 170 с. С. 74. URL: <https://zuiep.ru/students/science/>

4. О внесении изменений в Порядок приема на обучение по образовательным программам высшего образования – программам бакалавриата, программам специалитета, программам магистратуры, утвержденный приказом Министерства науки и высшего образования Российской Федерации от 27 ноября 2024 г. № 821 : приказ Минобрнауки России от 26.11.2025 № 905. Зарег. в Минюсте России 28.11.2025 № 84353.

5. Об утверждении методики определения предельного количества мест для приема на обучение по образовательным программам высшего образования по договорам об образовании, заключаемым при приеме на обучение за счет средств физического и (или) юридического лица, на 2026/27 учебный год : приказ Минобрнауки России от 27.11.2025 № 913 Зарег. в Минюсте России 28.11.2025 № 84345.

6. Опрос НИУ ВШЭ по ИИ. URL: <https://dzen.ru/a/aF6cpkeBv07BecLL> (дата обращения: 22.12.2025).

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ НА БУДУЩЕЕ ЭКОНОМИКИ И ПРАВА

Т. И. Азанова

Студентка, Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Пермь, Россия, azanova252004@gmail.com

Научный руководитель: Э. Р. Кузнецова, д-р экон. наук, профессор,
Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Пермь, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию влияния цифрового рубля на экономику и правовую систему России. Цель работы – проанализировать потенциальные преимущества и вызовы, связанные с внедрением цифровой валюты Банка России, и предложить возможные пути адаптации законодательства. Рассмотрены ключевые свойства цифрового рубля, его отличия от существующих форм денег, а также прогнозируемые эффекты на ключевые секторы экономики, представленные в табличной форме. Особое внимание уделено правовым аспектам: проанализированы вызовы в сферах гражданского, уголовного и банковского права и предложены варианты их регулирования. Результаты исследования могут быть использованы законодательными и исполнительными органами власти, финансовыми организациями, научным сообществом для формирования сбалансированной правовой базы и стратегии внедрения цифрового рубля. Автор приходит к выводу, что цифровой рубль представляет собой фундаментальную инновацию, способную повысить эффективность, прозрачность и доступность финансовых услуг, а также укрепить финансовый суверенитет страны. Успех его внедрения напрямую зависит от способности правовой системы проактивно и сбалансированно реагировать на возникающие вызовы.

Ключевые слова: цифровой рубль, цифровая валюта, Банк России, финансовая экосистема, программируемые деньги, умные контракты, финансовый суверенитет, правовое регулирование, дедолларизация, трансграничные расчеты

THE IMPACT OF THE DIGITAL RUBLE ON THE FUTURE OF ECONOMY AND LAW

T. I. Azanova

Student of the Perm Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Perm, Russia,
azanova252004@gmail.com

Scientific supervisor: E. R. Kuznetsova, Doctor of Economic Sciences,
Professor, Perm Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Perm, Russia

Abstract. The article examines the impact of the digital ruble on the economy and the legal system of Russia. The aim is to analyze the potential benefits and challenges associated with the introduction of the Bank of Russia's digital currency and to propose possible ways of adapting legislation. The article reviews the key properties of the digital ruble, its differences from existing forms of money, and the projected effects on key economic sectors, presented in a table. Particular attention is paid to legal aspects: challenges in the fields of civil, criminal, and banking law are

analyzed, and regulatory options are proposed. The research results can be used by legislative and executive authorities, financial institutions, and the scientific community to form a balanced legal framework and implementation strategy for the digital ruble. The author concludes that the digital ruble is a fundamental innovation capable of enhancing the efficiency, transparency, and accessibility of financial services, as well as strengthening the country's financial sovereignty. The success of its implementation directly depends on the legal system's ability to respond to emerging challenges proactively and in a balanced manner.

Keywords: Digital Ruble, digital currency, Bank of Russia, financial ecosystem, programmable money, smart contracts, financial sovereignty, legal regulation, dedollarization, cross-border payments

В эпоху стремительной цифровизации деньги, как основной инструмент экономических отношений, не могут функционировать в прежней форме. На смену наличным и безналичным расчетам приходит третья, принципиально новая форма денег – цифровая. Цифровой рубль, разрабатываемый Банком России, – это не просто очередной платежный сервис, это ядро будущей финансовой экосистемы, которое радикально преобразит экономику и потребует пересмотра многих правовых норм [1, с. 5].

Цифровой рубль – это цифровая валюта, эмитируемая Банком России, которая будет иметь ту же ценность, что и традиционные рубли [2, с. 3]. Его революционность заключается в уникальных свойствах. В отличие от безналичных средств, которые являются записью на счете в коммерческом банке, цифровой рубль станет прямым обязательством Центробанка. Это предоставит гражданам и бизнесу возможность открывать кошельки напрямую у регулятора, минуя посредников. Ключевым отличием становится программируемость: такие деньги можно наделить определенными свойствами [8]. Немаловажными преимуществами являются также возможность проведения офлайн-платежей в условиях нестабильной связи, а также значительное снижение издержек и повышение скорости транзакций за счет упрощения расчетных цепочек. Цифровой рубль может стать основой для создания новых финансовых сервисов и умных контрактов, что откроет путь к более технологичному и эффективному финансовому рынку. Кроме того, его повсеместное внедрение способно повысить финансовую включенность населения, особенно в удаленных регионах страны.

Развитие цифрового рубля невозможно рассматривать в отрыве от глобальных процессов. Сегодня центральные банки по всему миру, от Китая до Европейского союза, активно исследуют и тестируют собственные цифровые валюты. В этом контексте цифровой рубль становится не только инструментом внутренней модернизации, но и ключевым элементом укрепления позиций России в международной финансовой системе. Его внедрение может упростить и удешевить трансграничные расчеты, снизив зависимость от посредников в лице глобальных платежных систем и корреспондентских сетей [7, с. 18]. В перспективе это открывает путь к созданию прямых каналов для расчетов с партнерами по ЕАЭС, БРИКС и другим дружественным странам, что является мощным фактором дедолларизации и усиления финансового суверенитета.

Внедрение цифрового рубля ознаменует создание более эффективной и прозрачной экономической среды. Для граждан это означает повышение финансовой инклюзии, когда любой человек с базовым смартфоном получит доступ к безопасным и де-

шевым платежным услугам. Финансовая жизнь людей упростится благодаря ведению всего спектра операций – от переводов до оплаты ЖКХ и налогов – через единый кошелек. Откроются и новые возможности, такие как «умные контракты» для аренды или страхования, где расчеты будут происходить автоматически. Для бизнеса внедрение цифрового рубля предвещает снижение операционных затрат благодаря отсутствию комиссий за эквайринг и переводы, а также повышение прозрачности цепочек поставок. Это позволит в реальном времени отслеживать движение товаров и автоматизировать расчеты, сокращая риски [9]. В перспективе программируемые деньги обеспечат возможности для создания совершенно новых бизнес-моделей, таких как полностью автоматизированная экономика совместного потребления [6, 8]. Для государства открываются пути для повышения эффективности бюджетной политики, в частности, за счет точечных социальных выплат, исключая нецелевое использование. Высокая степень отслеживаемости транзакций усложнит возможности для отмывания денег и ухода от налогов, а создание собственной технологически продвинутой платежной инфраструктуры укрепит финансовый суверенитет страны [4].

Перечисленные преимущества цифрового рубля носят не только качественный, но и измеримый характер. Экономический эффект от его внедрения будет проявляться в повышении скорости обращения денег, снижении транзакционных издержек для всех участников экономики – от рядового гражданина до крупной корпорации – и в стимулировании инновационной активности в финансовом секторе. Прогнозируемое влияние этой инновации на ключевые секторы экономики и общества в цифрах наглядно демонстрирует масштаб предстоящих изменений, что отражено в табл. 1.

Таблица 1

Прогнозируемые эффекты внедрения цифрового рубля

Аспект анализа	Ожидаемый эффект	Потенциальные количественные показатели
1	2	3
Финансовая инклюзия	Расширение доступа к финансовым услугам для населения, особенно в удаленных регионах	Увеличение доли населения с доступом к платежным услугам до 98 % к 2030 г. Снижение стоимости базовых платежей для пользователя на 50–70 %
Экономия затрат	Снижение операционных издержек для бизнеса и государства за счет упрощения расчетных цепочек	Ежегодная экономия для ритейла на эквайринге: до 100 млрд руб. Сокращение расходов бюджета на администрирование выплат: на 15–25 %
Трансграничные расчеты	Упрощение и удешевление международных платежей, снижение зависимости от иностранных платежных систем	Сокращение времени проведения трансграничной операции: с 2–5 дней до 1 мин. Снижение комиссии за перевод: с 5–7 до 1–2 %

1	2	3
Борьба с теневой экономикой	Повышение прозрачности транзакций для регулятора	Возможное увеличение налоговых поступлений за счет легализации части оборотов: на 5–7 % в среднесрочной перспективе
Влияние на банковский сектор	Риск краткосрочного оттока средств из коммерческих банков (дезинтермедиации) в пользу кошельков ЦР у Банка России	Отток ликвидности из банковской системы на начальном этапе: 5–10 % от средств физлиц. Рост конкуренции за клиента за счет новых услуг
Новые технологии	Внедрение программируемых денег и смарт-контрактов для автоматизации финансовых и юридических процессов	Доля автоматизированных платежей (ЖКХ, аренда, страхование) с использованием ЦР: до 30 % к 2030 г.

Представленные данные в табл. 1 убедительно показывают, что цифровой рубль – это мощный катализатор изменений, способный принести значительную экономию, повысить прозрачность и создать новые рыночные возможности. Однако реализация этого потенциала сопряжена с комплексом вызовов, особенно в правовой сфере [3, 7].

Цифровой рубль бросает вызов не только технологическим устоям, но и самой основе правового поля. Его интеграция в экономику требует точечной и продуманной адаптации законодательства, которая должна не препятствовать инновациям и гарантировать защиту прав всех участников. Табл. 2 наглядно демонстрирует ключевые правовые барьеры на этом пути и предлагает возможные векторы их преодоления, формируя дорожную карту для будущих реформ.

Таблица 2

Ключевые правовые вызовы внедрения цифрового рубля

Сфера права	Основные вызовы	Возможные пути регулирования
Гражданское и финансовое право	Закрепление правового статуса ЦР. Легитимация «умных контрактов». Баланс конфиденциальности и прозрачности	Внесение поправок в ГК РФ и ФЗ «О ЦБ РФ». Приравнивание исполненного смарт-контракта к обычной сделке. Четкое определение в законе круга лиц и оснований для доступа к данным
Уголовное и административное право	Появление новых составов преступлений. Регулирование офлайн-платежей и их отслеживание	Введение в УК РФ статей о кибермошенничестве с ЦР. Установление лимитов на офлайн-транзакции и правил их последующей регистрации
Банковское право	Риск оттока средств из коммерческих банков. Определение новой роли кредитных организаций	Введение тарифов на хранение больших сумм в ЦР. Закрепление за банками роли операторов и поставщиков надстроенных услуг (кредиты, инвестсоветы)

Из табл. 2 следует, что правовое сопровождение цифрового рубля представляет собой комплексную задачу, затрагивающую фундаментальные основы гражданских, уголовных и финансовых отношений [3, 5]. Успех этого проекта будет напрямую зависеть от способности законодателя не просто реагировать на вызовы, а проактивно создавать

сбалансированную правовую среду. В ней инновационный потенциал программируемых денег и «умных контрактов» должен быть раскрыт в полной мере, но при этом надежно защищен от злоупотреблений [8, с. 85]. Исходя из этого создание адекватного правового поля для цифрового рубля станет тестом на зрелость всей российской правовой системы, ее готовности к работе в условиях цифровой экономики будущего.

Таким образом, цифровой рубль представляет собой не просто технологическое обновление платежной системы, а фундаментальную трансформацию финансовой и правовой среды России. Его внедрение способно стать катализатором повышения эффективности, прозрачности и доступности финансовых услуг, а также укрепить экономический суверенитет страны в условиях глобальной цифровизации. Ожидаемые преимущества включают расширение финансовой инклюзии, значительное снижение операционных издержек, упрощение трансграничных расчетов и создание основы для внедрения передовых технологий, таких как программируемые деньги и смарт-контракты. В то же время реализация этих преимуществ требует преодоления ряда правовых вызовов, связанных с определением статуса цифрового рубля, защитой персональных данных, предотвращением киберпреступлений и адаптацией роли коммерческих банков. Успешное внедрение цифрового рубля будет зависеть от способности законодательной системы своевременно и сбалансированно реагировать на возникающие вызовы, создавая гибкое, но надежное правовое поле. В конечном счете цифровой рубль – это не только инструмент модернизации экономики, но и тест на готовность правовой системы России к работе в условиях цифрового будущего.

Библиографический список

1. О цифровых валютах центральных банков // Сайт Банка России. URL: https://www.cbr.ru/analytics/d_ok/dig_currency/ (дата обращения: 26.10.2025).
2. О проведении экспериментов по использованию цифрового рубля : Информационное письмо Банка России от 07.02.2023 № 4-ОИ // Сайт «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_442660 (дата обращения: 26.10.2025).
3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
4. О Центральном банке Российской Федерации (Банке России) : федер. закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собр. законодательства Рос. Федеации. 2002. № 28. Ст. 2790.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.02.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
6. Auer R., Cornell G., Frost J. Rise of the central bank digital currencies: drivers, approaches and technologies // BIS Working Papers. 2020. № 880. URL: <https://www.bis.org/publ/work880.htm> (дата обращения: 26.10.2025).
7. Борисова Ю. В. Цифровой рубль: правовая природа и вызовы для финансового права // Банковское право. 2023. № 2. С. 15–22.
8. Петров А. А. Смарт-контракты и программируемые деньги: новые вызовы для гражданского оборота // Закон. 2022. № 5. С. 78–90.
9. Кузнецова Э. Р. Проблемы формирования финансовых инструментов в цифровой экономике // Тенденции развития мировой торговли в XXI веке : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 55-летию учебного заведения (Пермь, 22–31 октября 2019 г.). Пермь: Перм. ин-т (филиал) РЭУ им. Г. В. Плеханова, 2019. С. 520–525.

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ РОССИИ: ПРАВОВЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ВНЕДРЕНИЯ

Е. А. Акулова

Студентка, Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Пермь, Россия, akulovali13@gmail.com

Научный руководитель: Э. Р. Кузнецова, д-р экон. наук, профессор,
Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Пермь, Россия,

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу внедрения цифрового рубля в Российской Федерации с акцентом на правовые и экономические аспекты. Цель работы – выявить потенциальные преимущества, риски и системные последствия введения цифровой валюты центрального банка (CBDC) для финансовой системы и экономики страны. В статье рассмотрены юридические основы эмиссии и обращения цифрового рубля, его отличия от существующих форм денег, а также проанализированы такие экономические вызовы, как трансформация банковского сектора, риски кибербезопасности и влияние на денежно-кредитную политику. Результаты исследования могут быть использованы регуляторами, финансовыми организациями и законодателями для формирования сбалансированной правовой среды и минимизации сопутствующих рисков. Автор приходит к выводу, что успешная реализация проекта цифрового рубля возможна только при условии синхронного развития регулирования, технологической инфраструктуры и мер по защите прав пользователей.

Ключевые слова: цифровой рубль, CBDC, цифровая валюта центрального банка, финансовые технологии, правовое регулирование, банковский сектор, денежно-кредитная политика, платежная система

THE DIGITAL RUBLE OF RUSSIA: LEGAL AND ECONOMIC ASPECTS OF IMPLEMENTATION

E. A. Akulova

Student, Perm Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Perm, Russia, akulovali13@gmail.com

Scientific supervisor: E. R. Kuznetsova, Doctor of Economic Sciences,
Professor, Perm Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Perm, Russia

Abstract. The article is devoted to a comprehensive analysis of the introduction of the digital ruble in the Russian Federation, focusing on the legal and economic aspects. The aim is to identify the potential benefits, risks and systemic consequences of the introduction of the central bank digital currency (CBDC) for the country's financial system and economy. The article examines the legal framework for the issuance and circulation of the digital ruble, its differences from existing forms of money, and analyzes economic challenges such as the transformation of the banking sector, cybersecurity risks, and the impact on monetary policy. The research results can be used by

regulators, financial institutions and legislators to form a balanced legal environment and minimize the associated risks. The author concludes that the successful implementation of the digital ruble project is possible only if regulation, technological infrastructure and user rights protection measures are developed in sync.

Keywords: digital ruble, CBDC, central bank digital currency, fintech, legal regulation, banking sector, monetary policy, payment system

Современная мировая финансовая система переживает эпоху глубокой трансформации, движимой стремительным развитием цифровых технологий. На фоне роста популярности криптоактивов и частных стабильных коинов (stablecoins) центральные банки по всему миру активизировали исследования и пилотные проекты по созданию собственных цифровых валют (Central Bank Digital Currency, CBDC). Для Российской Федерации данный вопрос приобрел особую актуальность в условиях структурной перестройки экономики и финансовой системы, направленной на обеспечение технологического суверенитета и устойчивости перед внешними вызовам.

Цифровой рубль представляет собой не просто техническую инновацию, а фундаментальное нововведение, способное изменить ландшафт денежного обращения. Позиционируемый как третья форма денег – наряду с наличными и безналичными средствами, он сочетает в себе надежность и суверенную гарантию государства, присущие традиционным деньгам, с программными преимуществами цифровых активов, такими как высокая скорость расчетов, программируемость и снижение транзакционных издержек [1].

Целью данной работы является комплексный анализ правовых и экономических аспектов внедрения цифрового рубля в России. Для достижения этой цели в статье решаются следующие задачи: раскрывается правовая природа и статус цифрового рубля в системе национального законодательства; оценивается его потенциальное воздействие на ключевые секторы экономики, в первую очередь на банковскую систему и механизм реализации денежно-кредитной политики; выявляются основные риски и challenges, связанные с его внедрением; формулируются рекомендации по построению сбалансированной экосистемы для его успешной интеграции в финансовую инфраструктуру страны.

Цифровой рубль – это обязательство Банка России, выраженное в цифровой форме, которое эмитируется и учитывается в специальной платформе, разрабатываемой мегарегулятором. Его правовой статус закреплен в Федеральном законе «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который определяет его как национальную платежную единицу [2].

Ключевые правовые аспекты включают:

- эмиссию и контроль – исключительное право эмиссии принадлежит Банку России;
- безотзывность и окончательность расчетов – операции с цифровым рублем являются безотзывными, что снижает расчетные риски;
- конфиденциальность и прозрачность – законодатель ищет баланс между защитой персональных данных пользователей и необходимостью противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма (ПОД/ФТ). Доступ к детализи-

рованной информации о транзакциях будет иметь только Банк России, в то время как коммерческие банки-операторы будут видеть лишь общие данные по счетам своих клиентов.

Наглядно место цифрового рубля в денежной системе России представлено на рис. 1.

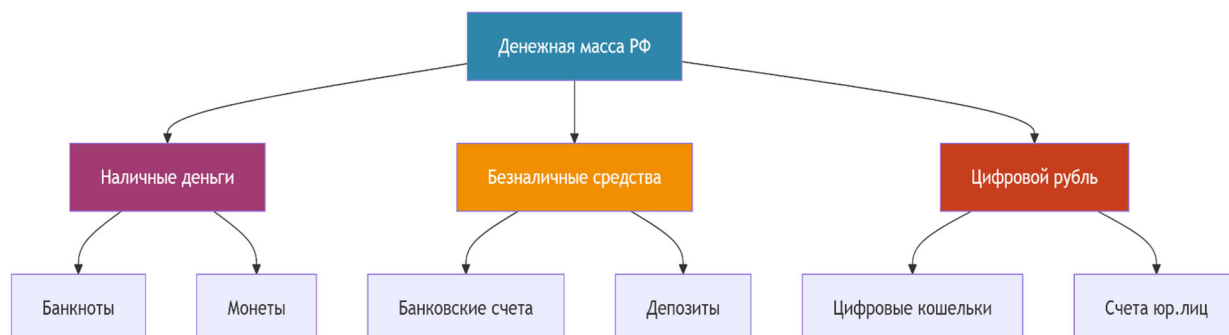

Рис. 1. Место цифрового рубля в структуре денежной массы Российской Федерации

Внедрение цифрового рубля несет в себе значительные экономические последствия – как позитивные, так и сопряженные с рисками. Схематично основные преимущества и вызовы представлены на рис. 2.

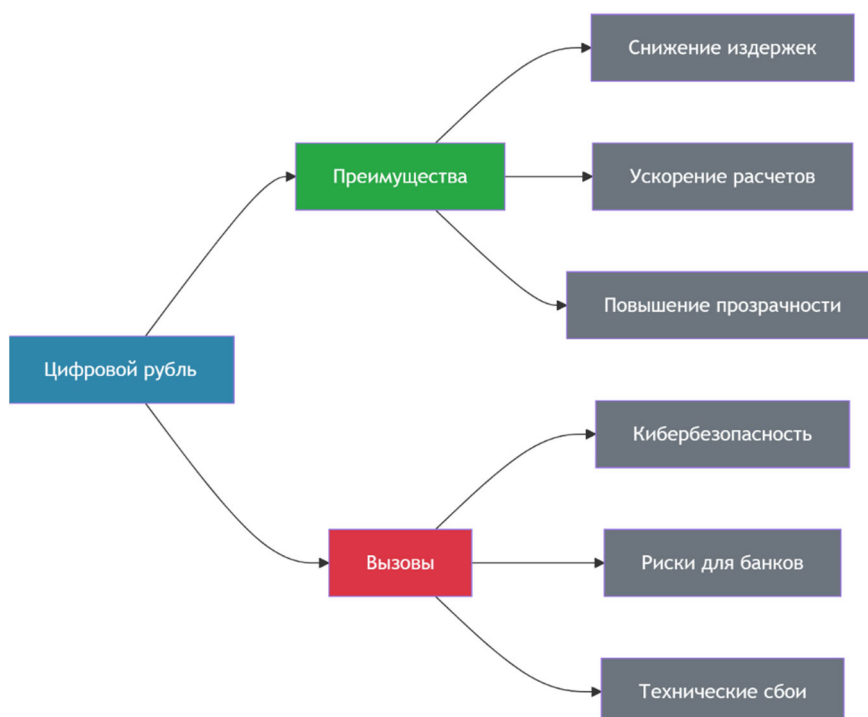

Рис. 2. Ключевые преимущества и вызовы внедрения цифрового рубля

Потенциальные преимущества:

1. Снижение издержек: сокращение затрат на эмиссию, хранение, транспортировку и обработку наличных денег, а также комиссий в платежных системах.

2. Повышение доступности финансовых услуг: упрощение и удешевление процедур открытия счетов и проведения платежей для населения и бизнеса, в том числе в удаленных и малодоступных регионах.

3. Повышение эффективности денежно-кредитной политики: прямые трансакции между ЦБ и населением могут ускорить трансмиссионный механизм политики, например, при проведении целевых стимулирующих выплат или реализации программ умной монетарной политики [3].

4. Развитие цифровой экономики: создание новой технологической платформы для внедрения «умных контрактов» в расчетах (например, в госзакупках или цепочек поставок), что повысит прозрачность и автоматизацию.

Ключевые вызовы и риски:

1. Трансформация банковского сектора («дизинтермедиация»): существует риск оттока средств населения из депозитов коммерческих банков на более надежные цифровые кошельки ЦБ, что может повысить стоимость фондирования для банков и снизить их кредитный потенциал, особенно в период финансовой нестабильности [4]. Данный риск иллюстрирует рис. 3.

2. Кибербезопасность: централизованная платформа ЦБ становится критически важной инфраструктурой (Critical National Infrastructure) и привлекательной мишенью для масштабных кибератак.

3. Операционные риски: сбои в работе платформы (технические проблемы, DDoS-атаки) могут парализовать значительную часть расчетов в экономике.

4. Вопросы конфиденциальности: возникают опасения относительно создания системы тотального контроля над финансовыми потоками граждан, что требует четких законодательных гарантий.

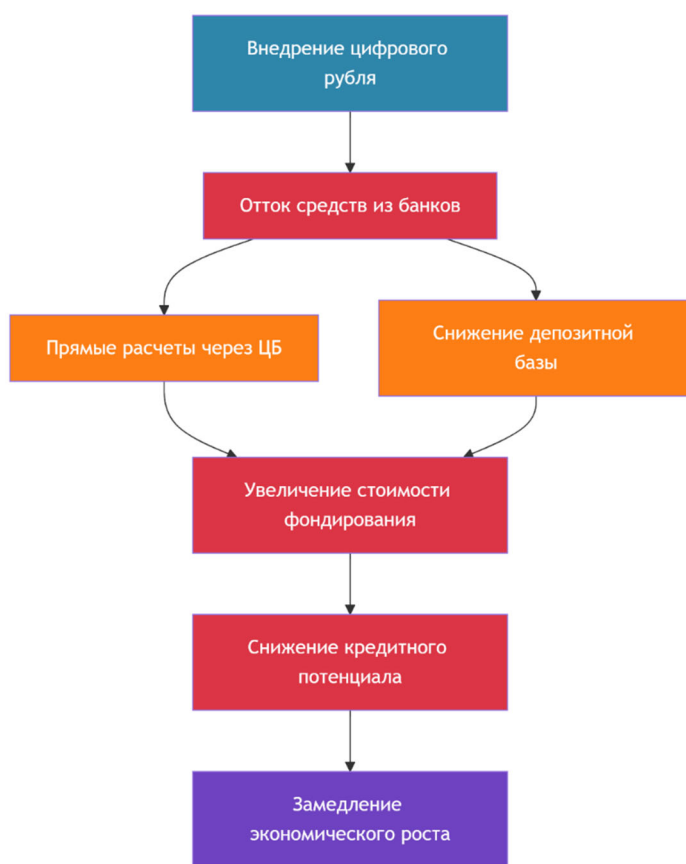

Рис. 3. Схема риска дезинтермедиации банковского сектора

Успешная реализация проекта цифрового рубля требует взвешенного подхода и поэтапного внедрения. Основные направления для дальнейшего развития включают:

- Совершенствование правовой базы: необходимо детально урегулировать вопросы наследования цифровых активов, процедуры банкротства, ареста счетов и взыскания долгов с цифровых кошельков.

- Стимулирование спроса: разработка удобных и интуитивно понятных интерфейсов, интеграция с популярными сервисами (госуслуги, онлайн-коммерция) и проведение образовательных кампаний для населения и бизнеса о преимуществах и правилах безопасности.

- Минимизация рисков для банков: Банк России рассматривает возможность установления лимитов на хранение цифровых рублей для физических лиц, а также развитие банками новых услуг, связанных с цифровым рублем (например, консультационных или услуг по интеграции), чтобы минимизировать угрозу дезинтермедиации.

- Международное взаимодействие: активная работа в международных организациях (МВФ, БМР) по разработке стандартов для кросс-бордерных расчетов в цифровых валютах, что является стратегической возможностью для обхода санкционных ограничений и развития новых торговых путей.

Таким образом, цифровой рубль открывает новую главу в развитии финансовой системы России. Он обладает значительным потенциалом для повышения эффективности, скорости и прозрачности расчетов, стимулирования инноваций и укрепления финансового суверенитета страны. Однако его внедрение сопряжено с комплексом правовых и экономических вызовов, требующих системного и скоординированного решения.

Будущее цифрового рубля зависит от способности регулятора, правительства и финансового сообщества создать устойчивую, безопасную и инклюзивную экосистему, где технологические инновации будут гармонично сочетаться с финансовой стабильностью, защитой прав потребителей и сохранением конкуренции в банковском секторе. Реализация этого амбициозного проекта станет тестом на зрелость российской цифровой экономики и определит ее позиции в глобальном финансовом ландшафте на долгие годы.

Библиографический список

1. Банк России. Концепция по внедрению цифрового рубля. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/120075/Concept_1210202020.pdf (дата обращения: 28.11.2025).

2. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: www.pravo.gov.ru. (дата обращения: 28.11.2025).

3. Абрамова М. А., Шамраев А. В. Цифровой рубль в системе современного денежного обращения // Деньги и кредит. 2021. № 80(4). С. 44–61.

4. Головнин М. Ю., Малкина М. Ю. Влияние цифрового рубля на денежную политику и финансовую стабильность // Вопросы экономики. 2022. № 5. С. 63–78.

5. Захаров А. В. Правовые проблемы регулирования цифровых валют центральных банков // Финансовое право. 2023. № 1. С. 25–30.

ПРОБЛЕМЫ ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ СТУДЕНТОВ

Н. Е. Бабарыкина

Начальник отдела воспитательной работы, Пермский филиал
Финансового университета при Правительстве Российской Федерации,
Пермь, Россия, babarikina-nadya@mail.ru

Аннотация. В статье проанализированы подходы отечественных исследователей к анализу проблемы психологической безопасности личности. Особую актуальность данная проблема приобретает в юношеском возрасте, в период кризиса идентичности, поиска себя.

Ключевые слова: юношеский возраст, психологическая безопасность личности, безопасность студентов

PROBLEMS OF PSYCHOLOGICAL SECURITY OF STUDENTS' PERSONAL

N. E. Babarykina

Head of the Educational Work Department, Perm Branch
of the Financial University under the Government of the Russian Federation,
Perm, Russia, babarikina-nadya@mail.ru

Abstract. The article analyzes the scientific approaches of Russian researchers on the problem of psychological security of the individual. This problem becomes particularly relevant in adolescence, during a period of identity crisis, self-search.

Keywords: adolescence, psychological security of the individual, the safety of students

Проблема исследования. Актуальность исследования проблемы психологической безопасности в современном мире обусловлена множеством факторов, которые делают ее изучение критически важным для личного и профессионального благополучия людей. Современный мир характеризуется быстрыми темпами жизни, информационным перегрузом, нестабильностью и неопределенностью. Все это приводит к увеличению стресса, тревожности у людей, что негативно влияет на их психологическое здоровье, способность функционировать. Юношеский возраст – это период значительных изменений, в котором молодые люди сталкиваются со множеством психологических, эмоциональных и социальных изменений. Он является «сенситивным периодом для развития основных социогенных потенций человека» (С. И. Самыгина). Психологическая безопасность выступает основой для здорового и гармоничного развития юноши, она помогает ему чувствовать себя уверенно, справляться с эмоциональным напряжением, разрабатывать механизмы саморегуляции. В насто-

ящее время психологическая безопасность личности в системе профессионального образования является недостаточно изученной проблемой.

Понятие психологической безопасности личности. Психологическая безопасность личности – это сложный и многогранный феномен, который можно описать как ощущение защищенности и уверенности в себе, позволяющее человеку свободно выражать себя, свои мысли и чувства, не опасаясь негативных последствий. Это чувство защищенности и доверия к себе и окружающему миру, которое позволяет человеку чувствовать себя комфортно и спокойно в различных ситуациях.

В исследованиях отечественных ученых (Р. В. Агузумцян и соавт., И. А. Баева, А. В. Литвинова и соавт., А. В. Малокоедова и др.) психологическая безопасность рассматривается как интегративная категория (процесс, свойство, состояние), проявляющаяся на нескольких уровнях: общества, локальной среды, личности. При этом психологическая безопасность личности означает «состояние защищенности, обеспечивающее духовно-нравственную, эмоциональную, волевую, когнитивную устойчивость к стресс-факторам» [5, с. 9].

В настоящее время формирование психологической безопасности являются актуальным во многих сферах жизнедеятельности человека, в том числе в системе образования. Важным остается вопрос о достижении высокого уровня образования личности в условиях психологической безопасности. Студенческий возраст выпадает на 17–20 лет и в возрастной периодизации обозначается как *юношеский возраст*.

В юношеском возрасте, по мнению Э. Эриксона, случается кризис идентичности, который связан с поиском себя, молодые люди могут пробовать разные роли и стили поведения, чтобы понять, что им подходит. Возраст характеризуется эмоциональной нестабильностью, перепадами настроения, проявляется чувствительность к критике, развивается способность к абстрактному и логическому мышлению, что позволяет рассуждать о сложных концепциях и идеях. Молодые люди начинают более критически оценивать информацию, стремятся соответствовать ожиданиям своей социальной группы, возрастает важность взаимодействия со сверстниками. Юноши начинают стремиться к большей независимости от родителей, что может привести к конфликтам. В этот период формируется самооценка, которая может быть еще нестабильной и зависеть от внешних факторов. Молодые люди начинают задумываться о своих чувствах, мыслях и поступках, возрастает интерес к противоположному полу.

С. И. Кон подчеркивает «слабость сознательной саморегуляции поведения, трудности в целеполагании, умение предвидеть последствия своих поступков, в связи с чем возникает вероятность немотивированного риска».

Т. Д. Марциновская отмечает, что самоуважение влияет на образ «Я» и самооценку в юношеском возрасте. Важным остается вопрос переживания личностью психологической безопасности, от которой будет зависеть процесс самореализации.

Немаловажной проблемой в студенческом возрасте является самообеспечение психологической безопасности личности. При этом источником безопасности для студента является сам студент, который способен контролировать ситуацию и проектировать выход из нее.

А. Д. Тырсыкова в своем исследовании представляет «смысловые, субъективно ориентированные стратегии формирования психологической безопасности студента,

направленные на выстраивание собственной траектории развития и самореализации. Личность в студенческой среде с позиции психологической безопасности рассматривается как субъект деятельности, который способен регулировать сам процесс целеполагания своей деятельности, способен к рефлексии, к детализированной Я-концепции», что подразумевает наличие у него «субъектного способа жизнедеятельности и системы личностно значимых целей в будущем» [9, с. 111].

Формирование личной безопасности студентов на основе компетентностного подхода описано в исследовании О. В. Писарь: «Личная безопасность – это интегративное качество, предполагающее защищенность жизненно важных интересов личности. Безопасность личности должна представлять собой динамичное образование, своевременно и адекватно реагирующее на меняющиеся опасности и угрозы. Поэтому педагогический процесс формирования личной безопасности направлен на усвоение и развитие компетентности студентов в данной области, влияющей на их гражданскую, нравственную, коммуникативно-творческую направленность, социальное самоопределение и самосовершенствование, образ жизни» [8, с. 33].

За последние годы достаточное большое количество работ было посвящено исследованию психологической безопасности и коммуникативных трудностей при онлайн-обучении [3, с. 152]. Сегодня с развитием информационных технологий и социальных сетей стало особенно актуально обеспечение информационно-психологической безопасности студентов.

В исследовании С. В. Хусаиновой представлена «адаптивная модель психологического сопровождения обучающихся, обуславливающая состояние психологической безопасности и адекватные условия развития стабильных психологических качеств обучающихся посредством усилий руководителей образовательных организаций, педагогов, психологов через формирование социально безопасной образовательной среды» [10, с. 20].

Р. В. Агузумян и соавт. провели ряд исследований, посвященных психологической безопасности личности и психологической безопасности личности студента. В результате был выделен «фактор «отношения» в социально-психологическом и индивидуально-психологическом контексте как наиболее значимые в переживании студентами психологической безопасности» [1, с. 58].

Исследования Л. В. Скоровой, А. Ю. Качимской (2019) показали, что «безопасность студентов обеспечивается прежде всего системой отношений “преподаватель – студент” <...> в контексте учебно-профессиональной деятельности студенты склонны оценивать угрозы, нарушающие ощущение безопасности в образовательной среде вуза, представленные в трех компонентах: в профессиональных качествах преподавателя, в его личностных характеристиках и в межличностном взаимодействии с ним» [7, с. 639].

Е. В. Абраменко, Е. Г. Ефимов (2019) доказали влияние стрессоустойчивости и конфликтности на психологическую безопасность студентов. Так, высокий показатель стресса у студентов вызывает снижение уровня психофизического состояния и психосоциального здоровья. Высокая стрессоустойчивость и бесконфликтность являются залогом психологического благополучия и стабильности, что благоприятно сказывается на психологической безопасности.

В исследовании Т. А. Поповой (2023) обнаружено, что психологическая безопасность у студентов и субъективное благополучие взаимосвязаны с выбором стратегии совладания со стрессом.

Исследования, проведенные учеными факультета экстремальной психологии МГППУ (А. В. Литвинова, Т. Н. Березина, А. В. Кокурин, В. И. Екимова), позволили определить, что «моделирование смешанной реальности, погружение в виртуальную реальность, в отличие от виртуальных игр, способствуют повышению психологического благополучия, уверенности, самоэффективности обучающихся разного возраста, формированию профессиональной принадлежности, ценностей и намерений, определяющих психологическую безопасность» [4, с. 100].

На сегодняшний день в условиях напряженной социокультурной среды важным становится вопрос, связанный с ресурсами психологической безопасности личности. Так, И. А. Бaeвой и соавт. была предложена теоретическая модель, включающая в себя внешние и внутренние ресурсы психологической безопасности студентов, к которым относятся когнитивная регуляция эмоций, конструктивные защитные механизмы, просоциальные ценности, социальный интеллект [2, с. 13].

Данная статья позволяет выделить ряд проблем психологической безопасности личности студентов. Психологическая безопасность личности студентов – это важный аспект их общего благополучия и успешного обучения. Это внутреннее состояние, которое основано на уверенности в себе. Оно включает в себя чувство защищенности, поддержки в студенческой среде. Безопасность личности основана на внутренних убеждениях. Студент с высокой психологической безопасностью личности может чувствовать себя комфортно даже в негативной среде.

На основе проведенного теоретического анализа можно выделить следующие ключевые проблемы психологической безопасности личности студентов:

- проблема самообеспечения психологической безопасности: студенты оказываются в ситуации, когда им необходимо самим заботиться о своей психологической безопасности, в связи с чем они вынуждены формировать собственные стратегии психологической безопасности;

- проблема влияния социальных сетей, онлайн-обучения, VR на психологическую безопасность личности студентов: кибербуллинг может приводить к снижению самооценки, появлению неуверенности в себе, тревоге и депрессии, а смешанная виртуальная реальность, наоборот, способствует повышению психологического благополучия;

- проблема психологической безопасности личности, связанная с саморегуляцией и стрессоустойчивостью: студенты часто испытывают стресс, связанный с учебой, экзаменами, оценкой, конфликтами в студенческой среде и с преподавателями, при этом им не всегда удается справиться с ситуацией и управлять своим стрессом;

- проблема психологической безопасности личности в контексте межличностных отношений в студенческой среде: студентам не хватает поддержки со стороны преподавателей, студентов, руководства, что может увеличивать уровень стресса и неуверенности в себе;

- проблема ресурсов психологической безопасности личности студентов;

- проблема психологической безопасности личности студентов во взаимосвязи с психологически безопасной образовательной средой. Если личность студента не

готова справляться с негативными эмоциями, трудностями, тогда необходимо создать благоприятную среду.

Для преодоления выделенных проблем важно создать безопасную и поддерживающую среду, систему психологической поддержки, развивать навыки саморегуляции, поощрять позитивное самовосприятие, подключать внешние и внутренние ресурсы психологической безопасности личности, проводить профилактические мероприятия, направленные на предупреждение психологической безопасности.

Библиографический список

1. Агузумцян Р. В., Галстян А. С., Мурадян Е. Б. Психологическая безопасность личности студента // Вестник практической психологии образования. 2010. Т. 7, № 2. С. 56–63. URL: https://psyjournals.ru/journals/bppe/archive/2010_n2/34622.
2. Баева И. А., Лактионова Е. Б., Кондакова И. В., Пежемская Ю.С., Соколова М.-Е.-Л. С., Савенко Ю.С. Ресурсы психологической безопасности студентов в напряженной социокультурной среде: обзор теоретических и эмпирических исследований // Психолого-педагогические исследования. 2024. Т. 16, № 2. С. 3–29. DOI: 10.17759/psyedu.2024160201
3. Кисляков П. А., Шмелева Е. А. Психологическая безопасность и коммуникативные трудности преподавателей и студентов при длительном онлайн-обучении // Высшее образование в России. 2023. Т. 32, № 1. С. 148–164.
4. Литвинова А. В., Березина Т. Н., Кокурин А. В., Екимова В. И. Психологическая безопасность обучающихся во взаимодействии с виртуальной реальностью // Современная зарубежная психология. 2022. Т. 11, № 3. С. 94–104.
5. Литвинова А. В., Котенева А. В., Кокурин А. В., Иванов В. С. Проблемы психологической безопасности личности в экстремальных условиях жизнедеятельности // Современная зарубежная психология. 2021. Т. 10, № 1. С. 8–16. DOI: <https://doi.org/10.17759/jmfp.2021100101>
6. Лызь Н. А. Формирование безопасной личности в образовательном процессе вуза : автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Таганрог, 2006. 43 с.
7. Скорова Л. В., Качимская А. Ю. Субъективное оценивание студентами психологической безопасности в вузе // Герценовские чтения: психологические исследования в образовании. 2019. № 2. С. 633–644.
8. Писарь О. В. Формирование личной безопасности студентов на основе компетентностного подхода : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. Казань, 2009. 42 с.
9. Тырсикова А. Д. Формирование стратегий психологической безопасности студентов вуза : дис... канд. психол. наук. Пятигорск, 2012. 199 с.
10. Хусаинова С. В. Психологическая устойчивость обучающегося в учебно-профессиональной деятельности: концепция и технология обеспечения : автореф. дис. ... д-ра психол. наук. СПб., 2020. 39 с.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ НА ФИНАНСОВОЕ СОСТОЯНИЕ ОРГАНИЗАЦИИ ПО ДАННЫМ БУХГАЛТЕРСКОЙ ОТЧЕТНОСТИ

Е. И. Березина, А. Р. Хайруллина

Студентки, Пермский финансово-экономический колледж, Пермь, Россия,
ula191075@gmail.com

Научный руководитель: Л. Г. Петрунькина, заведующая кафедрой
бухгалтерского и налогового учета,
Пермский финансово-экономический колледж, Пермь, Россия

Аннотация. Исследование посвящено анализу влияния цифрового рубля Банка России на финансовое состояние организаций. Цель работы – определить степень этого влияния и разработать практические рекомендации для эффективного перехода на новую форму расчетов. В ходе исследования были выявлены особенности цифрового рубля, определена методика его отражения в бухгалтерском учете в составе денежных средств и проанализировано воздействие на ключевые финансовые показатели. Установлено, что цифровой рубль позитивно влияет на коэффициенты абсолютной и срочной ликвидности, ускоряет оборот капитала, но связан с операционными рисками. Результаты имеют теоретическую ценность для развития принципов учета цифровых активов и практическую значимость для бухгалтерских и финансовых служб предприятий в части адаптации учетной политики, отчетности и управления рисками. Внедрение цифрового рубля улучшает ликвидность и прозрачность денежных потоков организаций, однако требует от них заблаговременной подготовки и усиления кибербезопасности для минимизации рисков.

Ключевые слова: цифровой рубль, предприятия, баланс, ликвидность, потоки, организация, риски, документация, контроль, исследование

THE IMPACT OF THE DIGITAL RUBLE ON THE FINANCIAL CONDITION OF THE ORGANIZATION ACCORDING TO THE FINANCIAL STATEMENTS

E. I. Berezina, A. R. Khairullina

Students, Perm Financial and Economic College, Perm, Russia, ula191075@gmail.com

Scientific supervisor: L. G. Petrunkina, Head of the Department of Accounting
and Taxation, Perm Financial and Economic College, Perm, Russia

Abstract. The study is devoted to the analysis of the impact of the Bank of Russia's digital ruble on organizations' financial condition. The aim of this work is to determine the extent of such influence and develop practical recommendations for an effective transition to a new form of payment. During the research, specific features of the digital ruble were identified, its accounting methodology as part of monetary funds was defined, and its effect on key financial indicators was analyzed. It has been established that the digital ruble positively affects absolute and quick liquidity ratios, accelerates capital turnover but also entails operational risks. The results have theoretical

value in developing principles for accounting digital assets and practical significance for companies' accounting and finance departments regarding adaptation of accounting policies, reporting procedures, and risk management strategies. Implementation of the digital ruble improves organizational liquidity and transparency of cash flows, however it requires advance preparation from businesses and enhanced cybersecurity measures to minimize potential risks.

Keywords: digital ruble, enterprises, balance sheet, liquidity, cash flows, organization, risks, documentation, control, research

Современные условия требуют активного освоения новых форм денег, одной из которых является цифровой рубль, созданный Центральным Банком России. Значимость темы связана с тем, что внедрение цифрового рубля как официальной формы денег обязательно затронет все российские предприятия. Этот процесс приведет к серьезным изменениям в отчетности организаций: в бухгалтерском балансе появится новый вид активов – «цифровые рубли», что скажется на показателях ликвидности, а в отчете о движении денежных средств изменится структура потоков за счет быстрого перевода средств и сокращения издержек.

Уже сейчас компании начинают задумываться о последствиях перехода на цифровую валюту, так как она меняет не только технику платежей, но и сам принцип ведения финансового учета, анализа и планирования. Всё это сказывается на финансовых результатах и устойчивом развитии бизнеса.

Основная цель работы – выяснить степень влияния цифрового рубля на финансовое состояние организаций и сформулировать рекомендации по успешному переходу на данную форму расчетов.

Для достижения указанной цели выделены четыре главные задачи:

- изучить концепцию цифрового рубля и его роль в актуальных экономических процессах;
- определить правила учета операций с цифровым рублем в бухгалтерской отчетности;
- проанализировать, каким образом цифровой рубль воздействует на активы, пассивы и итоги деятельности предприятия;
- предложить практические советы по правильному переходу на использование цифрового рубля и оценить сопутствующие риски.

Эта работа важна не только для науки, но и для практической деятельности организаций. Она помогает глубже разобраться в особенностях бухгалтерского учета и финансового анализа в эпоху цифровых денег. Исследование направлено на расширение существующих теоретических рамок, с уточнением принципов учета и оценкой цифровых активов. В частности, будут предложены новые подходы к оценке ликвидности, платежеспособности и эффективности денежных потоков, что послужит базой для дальнейших исследований в сфере цифровой экономики.

Для тех, кто занимается практическими вопросами, работа тоже окажется весьма полезной, поскольку в ней содержатся конкретные рекомендации для бухгалтеров и финансовых менеджеров по изменению учетной политики, контролю и отчетности. Полученные результаты помогают руководителям предвидеть изменения в важных показателях, понимать новые риски и извлекать максимальную выгоду от внедрения цифрового рубля.

Сам цифровой рубль – это официальная цифровая версия российского рубля, разработанная Центробанком России. Отличительной чертой цифрового рубля является использование новейших технологий распределенного реестра (DLT), что гарантирует безопасность и прозрачность любых сделок. Благодаря цифровой валюте упростились межбанковские и корпоративные расчеты, снизилась стоимость обслуживания и число мошеннических схем.

Главное достоинство цифрового рубля – это его способность совершать переводы практически мгновенно и недорого. Именно поэтому малый и средний бизнес сможет быстро получать доступ к своим средствам. Конечно, внедрение цифрового рубля пока сталкивается с некоторыми ограничениями: техническая инфраструктура пока еще развивается, и широкое распространение потребовало бы значительных вложений со стороны государства и банков.

Центробанк России постепенно вводит цифровой рубль, подготовив специальный законопроект, который официально признает его формой оплаты. Процесс поддерживают Минфин России и агентство по страхованию вкладов, защищающее права владельцев цифровых денег.

Интересно отметить, что традиционный рубль представлен наличными деньгами и остатками на банковских счетах, тогда как цифровой рубль находится исключительно в виртуальном пространстве – специальных электронных кошельках. Поэтому меняются даже сами подходы к ведению учета и контролю за движениями денежных средств, возрастают требования к автоматизированным системам и обработке большого объема данных.

Теперь поговорим подробнее о том, как цифровой рубль влияет на бухгалтерскую отчетность.

Прежде всего, он появляется в балансе организации как особый вид оборотных активов – цифровые рубли. Скорее всего, его будут учитывать на дополнительном к счету 55 счете, что сделает контроль за денежными потоками намного прозрачнее.

Рассмотрим, как это повлияет на показатели ликвидности. Поскольку цифровой рубль доступен моментально, его присутствие улучшит коэффициент абсолютной ликвидности:

$$K_{ал} = \frac{\text{Денежные средства}}{\text{Краткосрочные обязательства}}, \quad (1)$$

где $K_{ал}$ – коэффициент абсолютной ликвидности; Денежные средства – остаток денежных средств на балансе; Краткосрочные обязательства – объем краткосрочных обязательств организации.

Здесь знаменатель увеличится на сумму цифровых рублей, что позитивно скажется на способности предприятия оплачивать свои долги вовремя.

Также вырастет коэффициент срочной ликвидности:

$$K_{сл} = \frac{\text{Денежные средства} + \text{Краткосрочная дебиторская задолженность}}{\text{Краткосрочные обязательства}}, \quad (2)$$

где $K_{сл}$ – коэффициент срочной ликвидности; Денежные средства – остаток денежных средств на балансе; Краткосрочная дебиторская задолженность – задолженность контрагентов перед организацией; Краткосрочные обязательства – объем краткосрочных обязательств организации.

Иными словами, общая картина платежеспособности улучшится.

Переход на расчеты в цифровом рубле сулит большие перемены для организации, открывая перед ней новые горизонты, но одновременно порождая непростые вызовы. Руководство и сотрудники бухгалтерии должны заранее оценить последствия перехода, выстроить пошаговый план действий и предусмотреть возможные опасности.

Чтобы начать пользоваться цифровым рублем осознанно, важно сначала честно подсчитать плюсы и минусы. Главные достоинства ясны: скорость проведения платежей резко возрастает, снижаются комиссии и административные расходы, повышается прозрачность денежных потоков. Особенно выиграет малый и средний бизнес, которому нужны гибкость и доступность средств. Однако стоит учесть серьезные начальные траты на обновление программного обеспечения, подготовку сотрудников и возможное упущение процентов от накопления оставшихся невостребованными цифровых рублей.

Хорошо проработанный план действий поможет свести недостатки к минимуму и извлечь максимум пользы от использования цифровой валюты. Параллельно нужно обратить особое внимание на возникновение новых рисков. Главный источник опасений – операционные риски, связанные с нестабильностью работы электронных платформ, возможностью атак злоумышленников и сложностью интеграции с прежними технологиями. Не стоит забывать и о риске потери ликвидности, так как хранение цифровых рублей на счетах не приносит процента.

Чтобы защититься от неожиданностей, необходимо усилить информационную безопасность компании, контролировать обстановку и создать запасные схемы на случай форс-мажора. Тогда внедрение цифрового рубля пройдет гладко и безопасно.

Появление цифрового рубля внесет ощутимые изменения в бухгалтерскую отчетность. Необходимо обновить действующую документацию, ознакомить персонал с особенностями работы и наладить связь с проверяющими инстанциями. Возникает новый вид активов – цифровые рубли, которые попадут в раздел оборотных средств, усиливая финансовую устойчивость и повышая ликвидность организации.

Одновременно меняются и отчеты о движении денежных средств: расчеты начнут проводиться молниеносно, перестроятся графики поступлений и выплат. Значит, компаниям предстоит пересмотреть подход к оценке собственной платежеспособности и укрепить внутренний контроль.

Таким образом, наше исследование показало, что цифровой рубль заметно преобразует финансовое состояние организации, обновляя систему отчетности и делая потоки средств более прозрачными. Хотя появились новые риски, такие как угроза взлома и недостаточный уровень готовности инфраструктуры, разработаны рекомендации, помогающие справиться с ними. Впереди – интересные открытия и дальнейшее изучение темы, например, анализ того, как цифровой рубль повлияет на цены, маркетинг и кадры. Тема далеко не исчерпана, и наши исследования создают хорошую почву для будущих шагов.

Библиографический список

1. Центральный банк Российской Федерации. Концепция цифрового рубля // Сайт Банка России. URL: <https://www.cbr.ru/digital-ruble/concept.pdf> (дата обращения: 01.12.2025).

2. Савицкая Г. В. Анализ хозяйственной деятельности предприятия : учебник. 5-е изд., перераб. и доп. Минск : Новое знание, 2010. 656 с.
3. Пронина Е. А. Информационная безопасность и защита персональных данных в эпоху цифровой трансформации // Вестник ТГУ. Серия Экономика. Управление. Право. 2023. № 1. С. 12–21.
4. О национальной платёжной системе : федер. закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (редакция от 20 декабря 2022 г.) // Сайт «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_115625/ (дата обращения: 01.12.2025).
5. Кириченко А. С. Экономико-статистический анализ современного этапа развития цифровых валют центрального банка // Проблемы современной экономики. 2022. № 4. С. 32–39.

ДИАГНОСТИКА СФОРМИРОВАННОСТИ ЛОГИЧЕСКИХ УНИВЕРСАЛЬНЫХ УЧЕБНЫХ ДЕЙСТВИЙ УЧАЩИХСЯ НА УРОКАХ ГЕОМЕТРИИ

Н. С. Березнева

Преподаватель математики, Пермский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации, Пермь, Россия, NSBerezneva@fa.ru

Аннотация. Предметом исследования данной статьи является формирование логических универсальных учебных действий учащихся на уроках геометрии в средней школе. Цель исследования – разработать, теоретически обосновать и опытно-экспериментальным путем проверить результативность методики. В данной статье разработано средство – диагностическая карта – для диагностики таких логических универсальных учебных действий, как выдвижение гипотез и их обоснование, построение логической цепи рассуждений, доказательство. В ходе исследования представлены работы для текущей и итоговой диагностики. Материал статьи будет полезен для учителей математики, работающих в средней школе.

Ключевые слова: диагностика, логические универсальные учебные действия, геометрия, задача, гипотеза, доказательство

DIAGNOSTICS OF THE FORMATION OF LOGICAL UNIVERSAL LEARNING ACTIONS OF STUDENTS IN GEOMETRY LESSONS

N. S. Berezneva

Mathematics teacher, Perm Branch of the Financial University under
the Government of the Russian Federation, Perm, Russia, NSBerezneva@fa.ru

Abstract. The subject of this article is the development of students' logical universal learning activities in geometry lessons in secondary schools. The aim of the study is to develop, theoretically substantiate, and experimentally test the effectiveness of this methodology. This article develops a tool for assessing such logical universal learning activities as: hypothesizing and justifying them; constructing a logical chain of reasoning; and proving. A diagnostic chart has been developed for this purpose. The study presents work for ongoing and final assessment. This material will be useful for mathematics teachers working in secondary schools.

Key words: diagnostics, logical universal training actions, geometry, problem, hypothesis, proof

Решение геометрических задач вызывает трудности у многих учащихся. К сожалению, геометрия – это один из самых нелюбимых детьми учебных предметов. Объясняется это прежде всего тем, что редко какая-либо задача по геометрии может

быть решена с использованием определенной теоремы или формулы. При решении большинство задач требует применения разнообразных теоретических знаний, доказательства утверждений, справедливых лишь при определенном расположении фигуры, применения различных формул. Чтобы научиться хорошо решать задачи, необходимо решить достаточно большое их количество, ознакомившись с различными методами, приемами и подходами.

На уроках геометрии освоение учебного материала связано с развитием логических универсальных учебных действий (УУД), так как задания учебных пособий по математике дают ученикам возможность отрабатывать логические, знаково-символические действия, развивать такие важнейшие мыслительные операции, как анализ, синтез, классификация, аналогия, сравнение и т. п. Большинство задач по геометрии предложены учащимся в текстовой форме, в которой информацию ученикам нужно выделить и преобразовать в тетрадах в знаково-символической форме, при необходимости сделать соответствующий чертеж.

Формирование УУД в обучении математике реализуется у обучаемых в основной школе через решение обобщенных классов учебных задач на уроках и во внеурочной деятельности. Выделяют следующие виды учебных задач: учебно-познавательные задачи, учебно-практические задачи, учебные задачи [1, с. 15].

Учебно-познавательные задачи. К ним относят задачи, направленные на формирование и оценку умений и навыков, способствующих усвоению систематических знаний и освоению навыка самостоятельного приобретения, переноса и интеграции знаний. Задачи строятся для развития, воспитания, открытия нового знания. Учебно-познавательные задачи нельзя решить по готовым образцам, для их решения прогнозируют новые способы, в которых нужна догадка, прикидка, ориентация на перспективы познания. Такие задачи ориентированы на углубление и совершенствование имеющихся знаний и умений.

Пример учебно-познавательной задачи

Чтобы измерить на местности расстояние между двумя точками A и B , из которых одна (точка A) недоступна, провешивают направление отрезка AB (рис. 1) и на его продолжении отмеряют произвольный отрезок BE . Выбирают на местности точку D , из которой видна точка A и можно пройти к точкам B и E . Провешивают прямые BDQ и EDF и отмеряют $FD = DE$ и $DQ = BD$. Затем идут по прямой FQ , глядя на точку A , пока не найдут точку H , которая лежит на прямой AD . Тогда HQ равно искомому расстоянию. Докажите [5, с. 39].

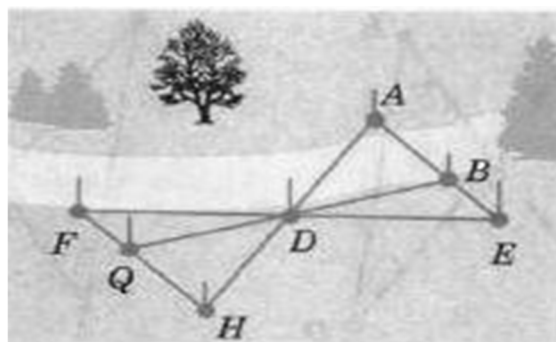

Рис. 1. Задача к теме урока «Второй признак равенства треугольников»

Учебно-практические задачи. Они охватывают формирование и оценку навыка разрешения проблем (проблемных ситуаций), сотрудничества коммуникации.

Пример учебно-практической задачи

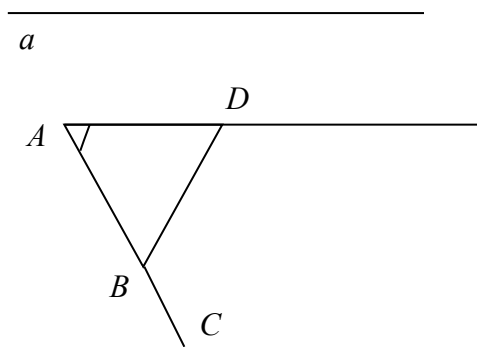

Рис. 2. Задача «Провешивание прямой на местности»

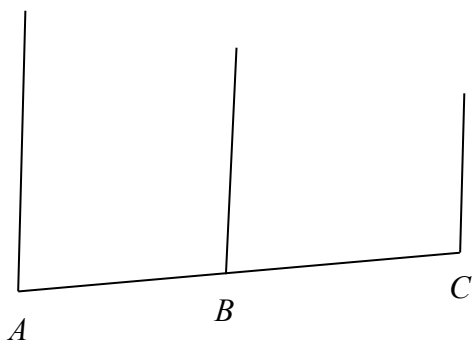

Рис. 3. Задача «Провешивание прямой на местности»

Возникла необходимость проложить тропинку в сторону от дороги так, чтобы $\angle BAD$ между направлениями тропинки и дороги составлял 60° . Как поместить на местности направление проектируемой тропинки, если есть возможность воспользоваться для этой цели только недлинным шнуром?

Решение: Чтобы тропинку расположить под углом 60° по отношению к дороге, необходимо воспользоваться свойством углов равностороннего треугольника, построив вдоль дороги из шнура такой треугольник (рис. 2).

Теперь воспользуемся приемом провешивания прямой. Он заключается в следующем. Сначала отмечаем какие-нибудь точки A и B . Для этой цели используют вехи – шесты длиной 2 м, заостренные на одном конце, чтобы их можно было воткнуть в землю. Третью веху ставят так, чтобы вехи, стоящие в точках A и B , закрывали ее от наблюдателя, находящегося в точке A (точка C на рис. 3). Следующую веху ставят так, чтобы ее закрывали вехи, стоящие в точках B и C и т. д.

Учебные задачи. Этот класс задач направлен на формирование навыков организации собственной деятельности, включает в себя формирование и оценку: навыка самоорганизации и саморегуляции; навыка рефлексии; ценностно-смысловых установок. Этот класс задач реализуется посредством: выполнения учащимися специально сформулированных предметных заданий; создания специальных ситуаций на уроках и во внеурочное время; проведения уроков и внеурочных занятий специального вида; организации самостоятельной деятельности определенной формы; реализации проектной и учебно-исследовательской деятельности учащихся [1, с. 19].

При работе над теоремой этапы мотивации, выдвижения гипотезы, формулировки утверждений, поиска плана доказательства, обучения доказательству с помощью текста с пропусками говорят о постановке учебной задачи. В случае проведения только одного доказательства можно говорить о математической задаче [3, с. 187].

Еще одним эффективным средством, способствующим формированию логических УУД, являются *проблемно-поисковые задания*.

Каждую математическую задачу можно рассматривать как проблему. Но чтобы она стимулировала учащихся к проблемно-поисковой деятельности, задание должно быть сформулировано в проблемно-поисковом контексте. При выполнении таких заданий необходимо найти проблему, выполнить поиск и предложить варианты его решения.

Пример проблемно-поискового задания

По рис. 4 определите, что дано? Будет ли каждая точка X , прямой OX , одинаково удалена от точек A и B ? Обоснуйте ответ.

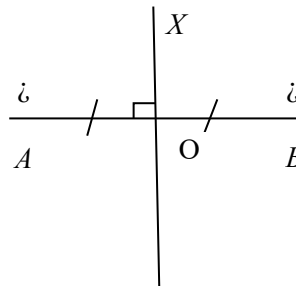

Рис. 4. Пример проблемно-поискового задания

Также учащимся можно предложить проблемно-поисковые задания творческого характера. При этом известно только условие задачи, а вопрос – должны выдвинуть сами учащиеся и решить ее.

Особое значение логическим УУД придается в процессе изучения математики, так как выполнение всех математических операций происходит на основе сформированных логических УУД, что является основой для успешного обучения геометрии.

Качество развития любых умений и навыков, в том числе и логических УУД, во многом зависит от того, как организована система оценивания, насколько точно она отражает реальный уровень сформированности диагностируемых результатов обучения.

На сегодняшний день существует множество технологий для диагностики универсальных учебных действий. В данной статье разработано средство для диагностики таких логических УУД, как выдвижение гипотез и их обоснование, построение логической цепи рассуждений, доказательство.

Диагностика логических универсальных учебных действий у учащихся на уроках геометрии

Цель: выявление уровня сформированности логических действий.

Оцениваемые УУД: выдвижение гипотез и их обоснование, построение логической цепи рассуждений, доказательство.

Метод оценивания: диагностическая контрольная работа.

Критерии оценивания: умение выдвигать гипотезы; умение формулировать теорему и вставлять пропущенные слова в формулировке; умение воспроизводить доказательство, а также заполнять пропуски в доказательстве.

Уровни оценивания:

1. Учащийся не способен самостоятельно выполнить задания.
2. Учащийся выполняет задания с помощью учителя или самостоятельно, но неуверенно.
3. Учащийся самостоятельно выполняет задания.

Представим диагностическую карту как удобную форму отслеживания результатов формирования логических УУД (таблица).

Данную технологию целесообразно применять на уроках повторения или закрепления изученного материала. Учителю необходимо рассчитать время, чтобы все обучающиеся смогли выполнить задания.

При проведении диагностики уровня сформированности УУД можно пользоваться уже готовыми средствами, но для достижения наилучших результатов и более точной оценки необходимо переработать, доработать или пересмотреть готовую технологию.

Диагностическая карта «Уровень сформированности логических УУД»

Дата «__» _____ Ф.И. ученика _____ класс _____

№ п/п	Элементы логических УУД	Критерии	Балл
1	Умение выдвигать гипотезы (ЛД1)	Умеет самостоятельно выдвигать гипотезы	2
		Выдвигает гипотезы при помощи учителя	1
		Не способен выдвигать гипотезы	0
2	Умение формулировать теорему и вставлять пропущенные слова в формулировке (ЛД2)	Умеет самостоятельно формулировать теорему и вставлять пропущенные слова в формулировку	2
		Умеет при помощи учителя формулировать теорему и вставить слова в формулировку	1
		Не способен самостоятельно сформулировать теорему и вставить слова в формулировку	0
3	Умение воспроизводить доказательство и заполнять пропуски в доказательстве (ЛД3)	Умеет самостоятельно воспроизводить доказательство и заполнять пропуски в доказательстве	2
		Неуверенно доказывает при помощи учителя. Частично заполняет пропуски в доказательстве	1
		Испытывает затруднения при доказательстве.	0
Итоги: 6 баллов – высокий уровень 5–3 балла – средний уровень менее 3 баллов – низкий уровень			

Задания для диагностики логических универсальных учебных действий.

В учебном процессе целесообразна реализация двух типов диагностики логических УУД: *текущая диагностика*; *итоговая диагностика*.

Текущая диагностика предполагает включение диагностических заданий в самостоятельную или домашнюю работу обучающихся на протяжении всего процесса обучения.

Итоговая диагностика – контрольная работа по окончании изучаемой главы учебника с включением заданий на проверку логических УУД.

В процессе текущей диагностики сформированности логических УУД необходимо систематически заполнять карту «Уровень сформированности логических УУД» (см. табл. 1), которая будет отражать текущий уровень сформированности логических УУД каждого обучающегося.

В ходе исследования для учащихся разработаны следующие задания: 1) самостоятельная работа по теме «Основные свойства простейших геометрических фигур»; 2) домашняя работа по теме «Смежные и вертикальные углы»; контрольная работа по теме «Признаки равенства треугольников».

Самостоятельная работа (для *текущей диагностики*) по теме «Основные свойства простейших геометрических фигур»

1. *Заполните пропуски:* «Через точку, не лежащую на данной прямой, можно провести не более _____ прямой, _____ данной.

2. *Сформулируйте* основные свойства измерения углов.

3. *Решите задачи.*

1) Прямой угол AOB разделен лучом OC на два угла. Один из них на 12° больше другого. Найдите градусную меру полученных углов.

2) $\angle MNF = \angle DEF$, $MN = 13$ см, $\angle FE = 75^\circ$. Найдите длину стороны DE и градусную меру угла N .

Домашняя работа (для текущей диагностики) по теме «Смежные и вертикальные углы»

1. Докажите, что сумма смежных углов равна 180° .

2. Заполните пропуски: «_____ углы равны»

3. Решите задачи.

1) Прямые AB и CD пересекаются в точке O .

а) Выпишите две пары смежных углов. Каким свойством они обладают?

б) Какие из углов, образовавшихся при пересечении этих прямых, равны? Как они называются?

2) а) Один из смежных углов в 3 раза меньше другого. Найдите эти углы.

б) Могут ли два смежных угла быть тупыми? Ответ обоснуйте.

Контрольная работа (для итоговой диагностики) по теме «Признаки равенства треугольников»

1. Сформулируйте первый признак равенства треугольников.

2. Заполните пропуски: «В равнобедренном треугольнике _____, проведенная к основанию, является _____ и высотой».

3. Восстановите доказательство: Пусть $\triangle ABC$ и $\triangle A_1B_1C_1$ – два треугольника, у которых $AB=A_1B_1$, $\angle A=\angle A_1$ и $\angle B=\angle B_1$. Докажите, что треугольники равны. Пусть $A_1B_2C_2$ – треугольник, равный треугольнику ABC , с вершиной B_2 на луче A_1B_1 и вершиной C_2 в той же полуплоскости относительно прямой A_1B_1 , где лежит вершина C .

4. Решите задачу. Равнобедренные треугольники ACD и BCD имеют общее основание CD . Докажите, что $\angle ADB = \angle ACB$.

5. Объясните. В равнобедренном $\triangle ABC$ с основанием AC , отрезок BM – медиана. Чем еще является отрезок BM в треугольнике ABC ?

Если необходимо проверить качество усвоения знаний, то можно применить оценочную систему согласно ФГОС, а именно: 90–100 % – «5»; 70–89 % – «4»; 50–69 % – «3»; менее 50 % – «2».

У ученика, который за контрольную работу получил «4», средний уровень сформированности логических УУД. Следует еще раз проработать теоретический материал и решить аналогичные задачи.

Ученик, который получил «3», имеет низкий уровень сформированности логических УУД и нуждается в консультации учителя. Если ученик получил «2», значит, логические УУД не сформированы совсем.

В зависимости от выявленного уровня сформированности логических УУД учитель и ученик выстраивают дальнейшую совместную работу.

Библиографический список

1. Формирование универсальных учебных действий средствами учебного предмета «Математика» в основной школе : учеб.-метод. пособие / сост. И. Н. Власова, И. В. Косолапова, И. В. Магданова, И. В. Мусихина. Перм. гос. гуманитар.-пед. ун-т. Пермь, 2014. 124 с.
2. Теория и технология обучения математике в средней школе: учеб. пособие для студентов математических специальностей педагогических вузов / Т. А. Иванова, Е. Н. Перевощикова, Л. И. Кузнецова, Т. П. Григорьева / под ред. Т. А. Ивановой. 2-е изд., испр. и доп. Н. Новгород : НГПУ, 2009. 355 с.
3. Стефанова Н. Л. Методика и технология обучения математике / Курс лекций : пособие для вузов / под ред. Н. Л. Стефановой, Н. С. Подходовой. М. : Дрофа, 2005. 415 с.
4. Формирование универсальных учебных действий в основной школе: от действия к мысли. Система заданий: пособие для учителя / А. Г. Асмолов, Г. В. Бурменская, И. А. Володарская и др.; под ред. А. Г. Асмолова. М.: Просвещение, 2010. – 159 с.
5. Погорелов А. В. Геометрия. 7–9 классы: учебник для общеобразовательных организаций. М.: Просвещение, 2014. 240 с.

ТЕЛЕФОННОЕ МОШЕННИЧЕСТВО КАК СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВАЯ ПРОБЛЕМА: ПРИЧИНЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ И МЕРЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ

С. А. Братчикова

Студентка, Западно-Уральский институт экономики и права,
Пермь, Россия, woeron@mail.ru

Научный руководитель: И. И. Машкова, ст. преподаватель,
Западно-Уральский институт экономики и права, Пермь, Россия

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению телефонного мошенничества как комплексной социально-правовой проблемы современного общества. Автором выделены криминологические, социально-экономические причины его широкого распространения, а также специфические методы, используемые преступниками. Особое внимание уделено анализу психологических механизмов социальной инженерии, лежащих в основе большинства телефонных афер, и их влиянию на различные группы населения. Автором произведена оценка эффективности существующих правовых и организационных мер противодействия, включая деятельность правоохранительных органов и финансовых институтов. В статье освещены соответствующие нормативно-правовые акты, предусматривающие ответственность за данное преступление. На основе анализа судебной практики, статистических данных, а также выявленных системных уязвимостей даны практические рекомендации по совершенствованию системы профилактики, правового регулирования и межведомственного взаимодействия в целях борьбы с телефонным мошенничеством.

Ключевые слова: телефонное мошенничество, социальная инженерия, профилактика

PHONE SCAM AS A SOCIO-LEGAL PROBLEM: REASONS FOR SPREAD AND COUNTERMEASURES

S. A. Bratchikova

Student, West Ural Institute of Economics and Law, Perm, Russia, sozinova143@mail.ru

Scientific supervisor: I. I. Mashkova, Senior Lecturer,
West Ural Institute of Economics and Law, Perm, Russia

Abstract. The article focuses on telephone fraud as a complex socio-legal problem in modern society. The author highlights the criminological, socio-economic, and specific methods used by criminals to perpetrate this crime. The article also examines the psychological mechanisms of social engineering that underlie most telephone scams and their impact on various population groups. The author assesses the effectiveness of existing legal and organizational measures to combat this crime, including the role of law enforcement agencies and financial institutions. The article also provides an overview of relevant legal acts that address the responsibility for this crime. Based on the analysis of judicial practice, statistical data, and identified systemic vulnerabilities, practical recommendations have been provided for improving the system of prevention, legal regulation, and interagency cooperation in order to combat telephoning.

Keywords: phone scams, social engineering, and prevention

Телефонное мошенничество – это современная схема обогащения, при которой преступник, не устанавливая личного контакта, обманом выманивает деньги у жертвы во время телефонного разговора. Для этого мошенники обычно представляются сотрудниками банков, сотрудниками правоохранительных органов или знакомыми (родственниками) [7].

Телефонное мошенничество квалифицируется по ст. 159 УК РФ как хищение чужого имущества путем обмана или злоупотребления доверием [1].

Социальная инженерия – это искусство обмана, когда преступник с помощью психологических уловок и специальных речевых техник манипулирует людьми. Все эти уловки и техники и являются приемами социальной инженерии, цель которых – заставить жертву добровольно раскрыть информацию или выполнить нужные злоумышленнику действия [8].

Данные ВЦИОМ показывают, что телефонное мошенничество в России стремительно распространяется: за три года (с 2021 по 2024 г.) доля россиян, получавших фейковые звонки, выросла с 57 до 67 %. В свою очередь уровень СМС-мошенничества несколько снизился и сейчас затрагивает около 17 % населения.

Также ВЦИОМ дает портрет потенциальной жертвы:

- наиболее уязвимы жители Москвы и Санкт-Петербурга (85 % сталкивались с мошенничеством), в сельской местности этот показатель составляет 57 %;
- чем выше уровень образования, тем чаще люди сообщают о таких звонках, это связано не с повышенным интересом мошенников, а с лучшей способностью образованных людей распознать обман;
- молодежь (18–34 года) чаще сталкивается с СМС-мошенничеством (до 25 %), что отражает их предпочтение текстовому общению, при этом именно среди молодежи (18–24 года) наибольшая доля тех, кто не сталкивался с мошенничеством вообще (40 %), что может объясняться малым уровнем доходов [9].

Причины телефонных мошенничеств.

1. Телефонные мошенники играют на чувствах. Эмоции позволяют им блокировать логику жертвы и добиваться быстрых действий. Каждый сценарий звонка рассчитан на то, чтобы за минуты вызвать реакцию с помощью отработанных фраз и уловок.

Злоумышленники пользуются определенными эмоциональными триггерами:

- страх и тревога: сообщение о проблеме (попытка списания, подозрительная активность) мгновенно вводит в стресс. Страх сужает внимание и заставляет действовать быстро, без раздумий;
- срочность и дефицит времени: мошенники создают иллюзию ограниченного времени: «подтвердите за минуту», «платежное окно закрывается». Это лишает жертву возможности проверить информацию;
- авторитет и статус: использование профессиональной лексики, упоминание должностей («старший специалист», «служба безопасности») и имитация официальных процедур заставляют доверять и подчиняться;
- доверие к брендам: названия известных банков, магазинов или госорганов снижают бдительность, особенно если звонок совпадает с реальными ожиданиями (например, после заказа или оплаты);

– выгода и любопытство: обещание бонусов, возврата средств или участия в акции пробуждает желание получить преимущество. Часто это лишь первый шаг перед переходом к сценарию с угрозой;

– стадное чувство и нормальность: фразы вроде «все клиенты проходят эту процедуру» или «это стандартная практика» создают иллюзию, что ситуация обычная и безопасная.

Каждая афера построена на четком сценарии, где есть начало, развитие и цель – завладеть деньгами или данными. Мошенники мастерски создают напряжение и лишают жертву возможности спокойно оценить ситуацию. Сценарии телефонных мошенничеств могут быть различными:

1. Списание с карты – звонят из банка и сообщают о подозрительной операции. Чтобы «отменить» ее, просят назвать код из СМС или перевести деньги на «защищенный счет».

2. Поддельный номер – на телефоне высвечивается реальный номер банка. Звонящий знает имя адресата и часть данных, убеждает не прерывать разговор, чтобы «не сорвать проверку».

3. Проблемы с посылкой – сначала приходит СМС о доставке, затем звонок с просьбой оплатить «таможенный сбор» или перейти по ссылке для подтверждения адреса.

4. Угрозы от госорганов – представляются сотрудниками налоговой, суда или полиции, требуют срочно оплатить штраф или долг, угрожая блокировкой счетов.

5. Близкие в опасности – сообщают, что ваш родственник попал в беду (ДТП, задержание), и просят срочно перевести деньги на помощь.

6. Перерегистрация SIM-карты – представляются поддержкой оператора связи, утверждают, что сим-карту пытаются переоформить, и просят сообщить код из СМС для «защиты».

7. Бесплатный подарок или выигрыш – сообщают, что адресат выиграл приз или получил право на особые условия, а для оформления просят «подтвердить личность» данными карты или паролями [10].

Номер телефона стал цифровым паспортом, через него на сегодняшний день осуществляется доступ к банковским счетам, государственным услугам, данным о недвижимости, социальным сетям и всей личной информации.

В связи с увеличением количеств телефонных мошенничеств, появляются способы борьбы с ними и законы, направленные на защиту населения.

С 1 сентября 2025 г. вступило в силу положение, позволяющее гражданам установить запрет на заключение договоров мобильной связи от своего имени. Заявление можно подать через портал Госуслуг или в Многофункциональном центре (МФЦ).

Целью данного положения является пресечение практики оформления SIM-карт по утраченным или поддельным документам без ведома их владельцев. Данные «анонимные» номера активно используются в преступных схемах.

В соответствии с российским законодательством потерпевший вправе требовать компенсации, если будет доказана халатность оператора связи или банка. Судебное разбирательство может установить как вину финансовой организации, так и ошибки самого клиента. Однако сложившаяся практика показывает, что привлечь оператора к ответственности удастся в основном при наличии доказанного матери-

ального ущерба. Федеральный закон № 126 «О связи» устанавливает критерии качества услуг связи и предписывает операторам защищать конфиденциальность пользователей [2].

Кабмин запускает пилотный проект по борьбе с фейковыми сайтами и приложениями, притворяющимися официальными площадками государственных ведомств. Новая инициатива, утвержденная распоряжением от 31 мая 2025 г. № 1403-р, направлена на противодействие фишингу – массовому воровству персональных данных и аккаунтов граждан. Основная задача пилотного проекта – запустить усовершенствованную технологию обнаружения и оперативного закрытия опасных площадок. Часто фейковые сайты маскируются под известные бренды, государственные порталы или коммерческие платформы, заманивая пользователей схожими названиями, логотипами и интерфейсами [6].

Абонент имеет право отказаться от оплаты услуг связи, оказанных без его согласия, ненадлежащего качества или вовсе не предоставленных.

Порядок действий для защиты прав следующий: нужно отправить оператору связи письменную претензию с изложением требований; если ответ оператора не удовлетворил или отсутствует, следует обратиться с жалобой в Роспотребнадзор [11].

В случае полного или частичного отказа оператора удовлетворить законные требования абонента – последний вправе обратиться в суд.

С 1 августа 2025 г. абоненты сотовых операторов вправе отказаться от получения рассылок. Такое право предусмотрено п. 2 ст. 9 федерального закона от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ «О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3].

С декабря 2024 г. действуют следующие правила телефонной связи:

- оператор обязан уведомить об изменении тарифа за 10 дней;
- тарифный план нельзя менять без согласия абонента;
- все дополнительные услуги должны подключаться только с согласия пользователя.

Услуги связи преимущественно регулируются тремя нормативными правовыми актами: федеральным законом № 126-ФЗ «О связи» [2]; законом РФ «О защите прав потребителей» [4]; постановлением Правительства РФ от 30 декабря 2024 г. № 1994, устанавливающим правила оказания услуг телефонной связи [5].

Главная защита от мошенников – критическое мышление и спокойствие.

Способы самозащиты:

- защита аккаунтов и паролей (нужно использовать только уникальные сложные пароли для каждого важного аккаунта);
- двухфакторная аутентификация (2FA) (является дополнительным кодом для входа, который приходит на телефон);
- регулярная проверка (периодический просмотр активности в аккаунтах (соцсетях, почте));
- контроль мобильной связи и номеров (периодическая проверка сим-карт на себя – через портал «Госуслуги»);
- разделение номеров (стратегия «трех номеров»):

1. Только для банка, госуслуг, налогов. Никому не сообщается.
2. Для общения с друзьями, коллегами, знакомыми.
3. Для регистрации на сайтах, заказов, сервисов. Можно использовать временные номера;
 - своевременное обновление операционной системы и приложений, тем самым закрываются уязвимости, которыми пользуются хакеры;
 - финансовый и имущественный контроль (два раза в год осуществлять проверку отчета через «Госуслуги»);
 - регулярная проверка личного кабинета на сайте ФНС, чтобы видеть начисления и оплаты;
 - через «Госуслуги» или МФЦ можно установить запрет на регистрацию сделок без личного присутствия;
 - настройка уведомлений из Росреестра о любых действиях в отношении личной собственности;
 - раз в год осуществлять проверку выписки из ЕГРН;
 - помощь близким, в первую очередь лицам, находящимся в группе риска (пожилые люди, дети).

Таким образом, телефонное мошенничество переросло в масштабную социально-правовую угрозу. Его устойчивое распространение обусловлено совокупностью трех ключевых факторов:

1. Технологическая доступность (спуфинг, IP-телефония, фишинг), что позволяет преступникам действовать анонимно и массово.
2. Социально-психологическая уязвимость населения, особенно в условиях информационной перегрузки и доверия к официальным институтам.
3. Правовой характер преступлений, затрудняющий оперативное выявление и привлечение организаторов к ответственности.

Борьба с этим явлением требует системного подхода, в котором меры государственного принуждения должны быть неразрывно связаны с укреплением цифрового суверенитета граждан.

Проанализировав причины и меры борьбы с телефонным мошенничеством, можно отметить, что телефонное мошенничество, как и наркоторговля, безгранична. Ни одна страна не может в одиночку полностью искоренить это явление. Поэтому ключом к успеху является комплексный и многоуровневый подход, объединяющий:

- жесткое правовое и технологическое регулирование цифрового пространства;
- укрепление финансовой безопасности на уровне банков и платежных систем;
- системное просвещение населения, направленное на формирование «цифрового иммунитета» и критического мышления у всех социальных групп.

Путем объединения усилий государства, бизнеса (операторы связи, банки, IT-компании) и гражданского общества можно создать устойчивую систему защиты, способную адаптироваться к эволюции мошеннических схем и обеспечить безопасность цифровой среды.

Библиографический список

1. Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 17.11.2025) // Сайт «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 08.12.2025).
2. О связи : федер. закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ // Сайт «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_43224/ (дата обращения: 08.12.2025).
3. О создании государственной информационной системы противодействия правонарушениям, совершаемым с использованием информационных и коммуникационных технологий, и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 1 апреля 2025 г. № 41-ФЗ: // Сайт «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_502182/ (дата обращения: 08.12.2025 г.).
4. О защите прав потребителей : закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 07.07.2025 // Сайт «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_305/ (дата обращения: 08.12.2025).
5. Об утверждении Правил оказания услуг телефонной связи и перечня организаций, имеющих право осуществлять подтверждение сведений об абоненте – физическом лице : постановление Правительства Российской Федерации от 30 декабря 2024 г. № 1994 // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/411140793/?ysclid=miw80a8298222964275> (дата обращения: 08.12.2025 г.).
6. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 31 мая 2025 г. № 1403-р // [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412009376/?ysclid=miw81wjbko95482229> (дата обращения: 08.12.2025).
7. Разъяснение прокурора «Что такое телефонное мошенничество и какой вид наказания грозит за данное преступление» Московской межрегиональной транспортной прокуратуры. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/ru/mmtpr/activity/legal-education/explain/e85221/?ysclid=mivuoix0kp995866767> (дата обращения: 08.12.2025).
8. Демидова-Петрова Е. В., Зотина Е. В. Телефонное мошенничество: современные угрозы и вызовы. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/telefonnoe-moshennichestvo-sovremennye-ugrozy-i-vyzovy/viewer> (дата обращения: 08.12.2025).
9. Телефонное мошенничество: мониторинг // Всероссийский центр изучения общественного мнения. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/telefonnoe-moshennichestvo-monitoring?ysclid=mivw5movfn40203237> (дата обращения: 08.12.2025 г.).
10. Психология жертв – почему люди верят телефонным мошенникам и как распознать манипуляцию // SecurityLab. URL: <https://www.securitylab.ru/blog/personal/paragraph/356129.php?ysclid=mivxjprooa2517444823> (дата обращения 08.12.2025).
11. Телефонные мошенники: какие схемы они используют для обмана // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: <https://www.garant.ru/article/1814213/?ysclid=mivxd6vew5692026947> (дата обращения: 08.12.2025).

**ИИ В ТВОРЧЕСТВЕ: УГРОЗА ИЛИ ПОМОЩНИК?
НА ПРИМЕРЕ НЕЙРОСЕТЕЙ ДЛЯ ГЕНЕРАЦИИ ИЗОБРАЖЕНИЙ
(MIDJOURNEY, DALL-E)**

С. И. Вербицкая

Студентка, Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Пермь, Россия, verbitskaya_3131@mail.ru

Научный руководитель: Э. Р. Кузнецова, д-р экон. наук, профессор,
Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Пермь, Россия

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу влияния генеративного искусственного интеллекта на сферу художественного и визуального творчества на примере нейросетей Midjourney и DALL-E. Цель исследования – выявить преимущества и риски использования ИИ в креативной деятельности, а также определить его роль в трансформации традиционных представлений о творчестве и авторстве. В работе рассматриваются технологические основы функционирования нейросетей, правовые и этические аспекты их применения, социальные и культурные последствия распространения ИИ-генерируемых изображений. Практическая значимость статьи заключается в возможности использования полученных выводов при разработке образовательных программ и нормативных подходов в сфере креативных индустрий.

Ключевые слова: искусственный интеллект, творчество, генерация изображений, Midjourney, DALL-E, авторское право, цифровая этика, креативные индустрии

**AIIN CREATIVITY: THREAT OR HELPER?
USING THE EXAMPLE OF NEURAL NETWORKS
FOR IMAGE GENERATION (MIDJOURNEY, DALL-E)**

S. I. Verbitskaya

Student, Perm Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Perm, Russia, verbitskaya_3131@mail.ru
Scientific supervisor: E. R. Kuznetsova, Doctor of Economics,
Professor, Perm Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Perm, Russia

Abstract. The article analyzes the impact of generative artificial intelligence on artistic and visual creativity using Midjourney and DALL-E as examples. The purpose of the study is to identify the advantages and risks of AI application in creative activities and to determine its role in transforming traditional concepts of creativity and authorship. The paper examines the technological foundations of neural networks, legal and ethical aspects of their use, as well as social and cultural consequences of the spread of AI-generated images. The practical significance lies in the ap-

plicability of the results for developing educational programs and regulatory approaches in creative industries.

Keywords: artificial intelligence, creativity, image generation, Midjourney, DALL-E, copyright, digitalethics, creative industries

Активное развитие генеративных нейросетей для создания изображений, таких как Midjourney и DALL-E, в корне меняет ландшафт творческих индустрий. Эти технологии, позволяющие генерировать уникальные визуальные произведения по текстовому описанию, открывают беспрецедентные возможности для дизайна, рекламы, образования и индивидуального творчества [1]. Однако, наряду с инновационным потенциалом, данные системы порождают комплекс серьезных правовых, этических и социально-экономических вызовов, заставляя пересматривать традиционные понятия авторства, оригинальности и ценности человеческого труда [2].

Использование нейросетей для генерации изображений (Midjourney, DALL-E) в творческой сфере ставит новые вызовы, связанные с переопределением авторства, оригинальности и коммерческой ценности произведений. Стремительное развитие технологий на фоне их общедоступности обнажает системное отставание существующих правовых норм (в области авторского права, интеллектуальной собственности и лицензирования) от реальной практики, формируя в них значительные пробелы [3]. При этом международный опыт регулирования этой сферы, от строгих подходов Евросоюза в рамках AI Act до более гибких принципов США, демонстрирует разнообразные, но не универсальные решения [4].

Таким образом, острая необходимость в глубоком анализе сложившейся ситуации становится очевидной для разработки адекватных и сбалансированных правовых механизмов, учитывающих уникальные особенности креативных индустрий. Успешное построение эффективной системы регулирования требует комплексного подхода, который интегрирует внутренние потребности – в первую очередь защиту авторских прав создателей и обеспечение прозрачности для заказчиков – с глобальными трендами, такими как установление правил обучения нейросетей и введение обязательной маркировки AI-контента [4]. Именно такой сбалансированный фундамент способен обеспечить защиту интересов всех участников процесса: от отдельных художников и правообладателей до общества, вступающего в эпоху алгоритмического творчества, в целом.

Активное развитие генеративных нейросетей, таких как Midjourney и DALL-E, коренным образом трансформирует сферу творчества. Эти инструменты, создающие визуальные произведения по текстовому запросу, открывают новые горизонты для дизайнеров, иллюстраторов и цифровых художников, выступая в роли мощного помощника. Они значительно ускоряют процесс визуализации идей, предоставляют доступ к сложным стилям и техникам, что делает профессиональное творчество более доступным и позволяет преодолеть технические барьеры [1]. Однако параллельно с этими возможностями возникают серьезные угрозы, которые могут подорвать основы творческих индустрий.

Главные вызовы связаны с правовыми и этическими аспектами. Согласно Гражданскому кодексу РФ (далее – ГК РФ) (ст. 1255) авторское право распространяется на произведения, созданные творческим трудом человека. Контент, сгенериро-

ванный ИИ, находится в правовой «серой зоне», что ставит под вопрос права на его использование, распространение и коммерциализацию [5]. Ключевая проблема – обучение этих моделей на миллиардах изображений, часто без ведома и согласия правообладателей, что потенциально нарушает нормы об интеллектуальной собственности (гл. 70 ГК РФ) [6]. Попытки полностью запретить технологии неконструктивны, так же как и игнорирование их дестабилизирующего потенциала. Следовательно, будущее креативных индустрий лежит не в противопоставлении «человека» и «машины», а в построении такой экосистемы, где ценность человеческого замысла, критического мышления и кураторской функции будет законодательно и экономически защищена, а технологии займут отведенную им роль.

Таким образом, нейросети-генераторы представляют собой двойственную силу. Как помощник – они демократизируют творчество и расширяют инструментарий художника. Как угроза – дестабилизируют правовое поле, ставят под сомнение ценность уникального авторского стиля и могут привести к девальвации труда творческих профессионалов. Преодоление этой дихотомии требует скорейшего формирования сбалансированной правовой и этической рамки, которая будет стимулировать инновации, защищая при этом права и интересы человека-творца [7].

Проблемы, вызванные распространением нейросетевых генераторов изображений, затрагивают глубинные основы художественного творчества, переопределяя понятия оригинальности, авторского вклада и культурной ценности произведений [8]. Такие системы, как Midjourney и DALL-E, создают прецеденты для размывания уникальности творческого почерка, позволяя с минимальными усилиями реплицировать и монетизировать художественные методы, формировавшиеся авторами на протяжении длительного времени [9]. Создание произведений «под стиль» живого художника без его санкции противоречит фундаментальным нормам творческой среды.

Качественно новым вызовом становится эволюция генеративных моделей из вспомогательных средств в самостоятельные «продукционные платформы», генерирующие неограниченные объемы технически безупречного, но содержательно обедненного визуального материала. Это девальвирует не только рыночную стоимость профессионального творчества, но и сущность художественного выражения, замещая его технологически сконструированным результатом [8]. Формируется феномен «иллюзии мастерства» – визуально убедительный, но лишенный смыслового ядра продукт алгоритма постепенно становится культурной нормой, стирая различия между подлинным искусством и его цифровой имитацией [10].

Самостоятельным комплексным вопросом остается проблема культурной ангажированности обучающих данных. Тренируясь на ограниченных корпусах, отражающих доминирующие (часто западные) культурные нарративы, модели неосознанно тиражируют и закрепляют определенные визуальные каноны, оттесняя на периферию локальные художественные традиции, этническое многообразие и авангардные течения, что способствует прогрессирующей гомогенизации мирового визуального пространства [8, 10]. Возникает парадоксальная ситуация: инструмент, призванный расширять возможности выражения, на деле может привести к новой форме культурного империализма и эстетическому единообразию. Российским культурным институциям и IT-сообществу необходимо уделить особое внимание

развитию и обучению нейросетей на репрезентативных массивах данных, отражающих национальное художественное наследие и современные локальные практики. Это вопрос не только культурного суверенитета, но и конкурентного преимущества в глобальном цифровом пространстве.

Объем технологической трансформации в творческой сфере становится очевиден из статистики: аналитики фиксируют рост объема изображений, созданных нейросетями, что требует пересмотра традиционных подходов к авторству и оценке творческого труда [11]. Сложность этико-правовых вопросов проявляется при анализе конкретных ситуаций, формирующих современную практику взаимодействия художников с технологиями.

Знаковым примером стало использование стиля современной российской художницы для генерации коммерческих иллюстраций через Midjourney без ее согласия. Этот прецедент, как и аналогичные кейсы на международном уровне, вызвал дискуссию о необходимости защиты художественного почерка и создал риски экономического ущерба для оригинальных создателей [9, 10].

Подобные кейсы указывают на пробел в законодательстве: сегодня защищается конкретное произведение, но не уникальный стиль или «творческий почерк» как набор устойчивых, узнаваемых приемов. В эпоху ИИ, способного деконструировать и гибридизировать стили, этого недостаточно. Требуется юридическая доктрина, которая позволила бы признавать и защищать совокупность формальных признаков, составляющих индивидуальный стиль художника, от неправомерного алгоритмического клонирования в коммерческих целях.

Параллельно развивается конструктивный сценарий интеграции технологий в творческий процесс. Ряд студий внедряют модели легального сотрудничества, где художники делегируют нейросетям выполнение технических задач при сохранении концептуального контроля [1]. Судебная система также начинает формировать прецеденты, закладывая юридический фундамент для регулирования отношений в сфере алгоритмического творчества [5].

Современные статистические данные иллюстрируют парадоксальную двойственность технологической реальности в творческой сфере. С одной стороны, визуальная убедительность ИИ-генерации достигла критического уровня, и даже профессионалы с трудом отличают ее от работ человека [10]. Параллельно происходит активная институционализация технологий: более половины российских дизайн-студий интегрировали нейросети в рабочий процесс [8].

Однако возникает когнитивный разрыв: в то время как руководство ожидает повсеместного внедрения ИИ, многие рядовые дизайнеры выражают опасения относительно девальвации своей профессии [1]. Особую тревогу вызывает скрытая динамика использования, создающая неконтролируемые правовые риски [11]. Эта статистика свидетельствует о глубокой трансформации профессии. Задача образовательных учреждений, готовящих специалистов для креативных индустрий, – кардинально пересмотреть учебные планы. Акцент должен сместиться с освоения чисто технических навыков (которые легко автоматизируются) на развитие сильных надпрофессиональных компетенций: концептуальное мышление, арт-дирекшн, работа с нарративом, глубокое понимание культурного контекста и, что немаловажно, юридическая и цифровая грамотность в вопросах использования ИИ.

Этот статистический портрет выявляет фундаментальное противоречие: технологическая адаптация опережает формирование критического восприятия и правовых механизмов. Ситуация создает системные риски для всей экосистемы творческих индустрий [8, 11, 10].

Для снижения этических и правовых рисков требуется системный подход. Разработка стандартов обязательной маркировки контента, созданного с помощью ИИ, призвана обеспечить прозрачность и основу для осознанного взаимодействия [4]. Развиваются технические решения для атрибуции, однако возможности генерации пока опережают способность к верификации [1].

Организационным ответом на растущие вызовы становятся отраслевые инициативы по саморегулированию. Российские профессиональные ассоциации, такие как Гильдия цифровых художников, работают над созданием этических хартий и стандартов. Особую сложность представляет феномен технологической «галлюцинации», создающий правовые коллизии, связанные с непреднамеренным нарушением авторских прав [6]. Наиболее перспективной видится модель «слоеного» регулирования, сочетающего: жесткие законодательные нормы на уровне принципов (например, обязательная маркировка, запрет на коммерческое использование стиля живого художника без лицензии); гибкие отраслевые стандарты, разработанные самим профессиональным сообществом для конкретных сфер (дизайн, иллюстрация, GameDev); технические и образовательные инициативы (внедрение цифровых водяных знаков, курсы по prompt engineering и ИИ-праву для творческих специальностей).

На практике первым шагом к такой системе может стать разработка и добровольное принятие крупными цифровыми площадками (такими как Яндекс, VK, российские стоки) единого технического стандарта для метаданных, указывающих на использование ИИ и авторство промпта. Это создаст де-факто стандарт еще до принятия закона.

Преодоление обозначенных проблем требует комплексной стратегии, включающей развитие законодательства, поддержку отраслевых стандартов прозрачности и внедрение образовательных программ по цифровой и правовой грамотности для творческих профессионалов [7]. Такой многоуровневый подход позволит создать среду, в которой технология будет выступать именно помощником, а ее потенциал — направляться на развитие, а не на размывание основ художественного творчества.

Библиографический список

1. Как нейросети меняют дизайн и визуальные коммуникации // Forbes. 2023. URL: <https://www.forbes.ru/tekhnologii/537685-iiskusstvo-komu-prinadlezat-avtorskie-prava-na-tvorcestvo-nejrosetej> (дата обращения: 22.12.2024).
2. Авторство в эпоху ИИ: кого считать автором сгенерированного контента?// РБК. 2023. URL: <https://companies.rbc.ru/news/xsUe5gQ46M/avtorstvo-v-epohu-ii-kogo-schitat-avtorom-sgenerirovannogo-kontenta/> (дата обращения: 22.12.2024).
3. Кому принадлежат права на произведения, созданные искусственным интеллектом?//Habr.2023.URL:<https://habr.com/ru/companies/sberbank/articles/932044/> (дата обращения: 22.12.2024).

4. Евросоюз согласовал закон об искусственном интеллекте. Что он означает для создателей нейросетей? // ТАСС. 2024. URL: <https://tass.ru/mezhdunarodnaya-panorama/19497141> (дата обращения: 22.12.2024).
5. Искусственный интеллект: проблемы правового регулирования российской федерации // КиберЛенинка. 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/iskusstvennyy-intellekt-problemy-pravovogo-regulirovaniya-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 22.12.2024).
6. Правовые особенности использования и регулирования генеративного искусственного интеллекта для развития инновационной деятельности субъектами бизнеса// КиберЛенинка. 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovye-osobennosti-ispolzovaniya-i-regulirovaniya-generativnogo-iskusstvennogo-intellekta-dlya-razvitiya-innovatsionnoy/viewer> (дата обращения: 22.12.2024).
7. Авторство в эпоху ИИ: кого считать автором сгенерированного контента//РБК.2023. URL: <https://companies.rbc.ru/news/xsUe5gQ46M/avtorstvo-v-epohu-ii-kogo-schitat-avtorom-sgenerirovannogo-kontenta/> (дата обращения: 22.12.2024).
8. Обзор современных генеративных нейросетей: отечественная и зарубежная практика// КиберЛенинка. 2024. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-sovremennyh-generativnyh-neyrosetey-otchestvennaya-i-zarubezhnaya-praktika/viewer> (дата обращения: 22.12.2024).
9. Использование изображений, сгенерированных нейросетью Midjourney, в коммерческих целях//Midjo. 2024. URL: <https://midjo.ru/midjourney-news/midjourney-prava-na-kartinki/> (дата обращения: 22.12.2024).
10. Актуальные тенденции влияния искусственного интеллекта на современную визуальную культуру // КиберЛенинка. 2023. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/aktualnye-tendentsii-vliyaniya-iskusstvennogo-intellekta-na-sovremennuyu-vizualnuyu-kulturu/viewer> (дата обращения: 22.12.2024).
11. Рынок искусственного интеллекта в России: применение в различных отраслях и перспективы развития // Delprof.ru. 2024. URL: <https://delprof.ru/press-center/open-analytics/rynok-iskusstvennogo-intellekta-v-rossii/> (дата обращения: 22.12.2024).

ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ЗАКУПОК В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

А. С. Волков

Ст. преподаватель, Западно-Уральский институт
экономики и права, Пермь, Россия, asvolkov@zuiep.ru

Аннотация. Настоящая статья посвящена изучению специфики организации и осуществления государственных и муниципальных закупок образовательных услуг. Обращается внимание на основные проблемы, возникающие при организации, проведении и осуществлении закупок, предлагаются способы их решения. Рассматриваются вопросы описания предмета договора, необходимости соблюдения конкуренции на рынке образовательных услуг, контроля исполнения договоров и формирования цены договора. Отдельное внимание уделено отсутствию единого законодательного подхода к определению результата оказания образовательных услуг, что препятствует объективной оценке эффективности проведенных закупок.

Ключевые слова: государственный заказчик, государственный контракт (договор), образовательная услуга, предмет договора, компетенции, эффективность, исполнение договора

FEATURES OF PUBLIC PROCUREMENT IN THE FIELD OF EDUCATION

A. S. Volkov

Senior Lecturer, West Ural Institute
of Economics and Law, Perm, Russia, asvolkov@zuiep.ru

Abstract. This article examines the specifics of organizing and implementing state and municipal procurement of educational services. It highlights the main problems that arise during the organization, execution, and implementation of such procurement and proposes solutions to overcome them. The article addresses issues related to describing the subject of the contract, ensuring competition in the market for educational services, monitoring contract performance, and determining the contract price. Particular attention is paid to the absence of a unified legislative approach to defining the outcome of educational service provision, which hinders an objective assessment of the effectiveness of procurement.

Keywords: state customer, state contract (agreement), educational service, subject of the contract, competencies, effectiveness, contract performance

Организация государственных и муниципальных закупок (далее – государственные закупки) образовательных услуг представляет собой сложную задачу, связанную с необходимостью удовлетворения потребностей государственных и муниципальных заказчиков в предоставлении качественной образовательной услуги. При этом в качестве, условно, первой проблемы, возникающей в процессе проведения

закупки, можно назвать специфичность образовательных услуг как «товара» или «услуги», что обусловлено индивидуальностью содержания каждой конкретной образовательной программы, различиями в квалификации и практических навыках преподавателей, разнообразием учебных материалов и технологий обучения. Важнейшей задачей при организации закупок является обеспечение высокого качества образовательных услуг при рациональном использовании бюджетных средств.

Однако практика показывает, что современные процессы государственных закупок сопровождаются серьезными проблемами, такими как:

- сложность точной и исчерпывающей формулировки предмета договора;
- фактическая невозможность эффективной конкуренции по качественным характеристикам;
- сложность осуществления контроля исполнения договоров;
- отсутствие эффективных и объективных методов оценки качества оказанных образовательных услуг.

В частности, одним из важнейших аспектов является проблема определения конкретного результата оказанной образовательной услуги. Отсутствие общепринятых критериев и единой методики измерения качества образовательных услуг приводит к значительным рискам снижения эффективности образовательных программ и неудовлетворенности пользователей услугами. Используемые в большинстве случаев категории: количество часов образовательной услуги, наличие методических и учебных материалов, наличие ученой степени у преподавательского состава, успешная сдача итогового (квалификационного) экзамена – лишь косвенно позволяют оценить полученный результат.

Основной проблемой является невозможность полно и точно сформулировать предмет договора через описание его результата. «Обычный» способ описания через потребительские свойства, характеристики, содержащиеся в ФГОС, профстандарте и т. д., в данном случае не может обеспечить необходимую степень конкретности. Образовательные услуги обладают широким спектром индивидуальных характеристик, таких как методика преподавания, профессиональные компетенции преподавателей, используемые учебные материалы и применяемые технологии обучения. Между тем существующая практика проведения закупок, в том числе при использовании конкурентных способов определения исполнителя (аукционы, конкурсы), предполагает упрощенное техническое описание образовательных услуг, сводящееся к достаточно формальным критериям (количество часов, расписание занятий, посещаемость и т. д.).

Отсутствие единых стандартов качества образовательных услуг и необходимых индикаторов, характеризующих результативность образовательных программ, осложняет выбор оптимального поставщика услуг. В большинстве случаев победителем конкурентной закупки объявляется участник, предложивший наименьшую цену, часто не гарантирует высокое качество именно образовательной услуги и тем более ее результата.

Еще одна значимая проблема связана с чрезмерной концентрацией внимания на ценовой составляющей конкуренции. Современный рынок образовательных услуг отличается значительной насыщенностью и интенсивностью конкуренции, что, безусловно, положительно влияет на доступность образовательных услуг. Однако такой

уровень и прежде всего форма конкуренции (ценовая) приводят к уменьшению среднего уровня оплаты труда преподавателей, невозможности обеспечить требуемый уровень профессиональной подготовки и, как следствие, ухудшению качества образовательных услуг.

Практически единственным значимым критерием, обеспечивающим возможность победы в конкурентной закупке, является самая низкая предложенная цена, что стимулирует подавляющее большинство исполнителей экономить: например, привлекая преподавателей, не обладающих необходимым уровнем профессиональной компетенции, используя устаревшие методики обучения и отказываясь от современных цифровых технологий [1]. Использование иных критериев оценки предложений участников ограничено на нормативном уровне (ограничение в использовании критериев «опыт» и «наличие ресурсов» и их невысокий «удельный» вес в итоговой оценке предложения) [1]. При этом реально игнорируются рыночные условия рынка образовательных услуг, при которых добросовестные участники обязаны нести более значительные расходы и, соответственно не могут обеспечить предложение по низкой цене. Достаточно часто встречаются случаи, когда цена заключенного договора по результатам проведения конкурентной закупки отличается от начальной цены договора, определенной по результатам исследования рынка на 50 % и более, тем самым явно подтверждая «нерыночный» характер предложения, что, в свою очередь, делает фактически невыгодным (нерентабельным), невозможным процесс организации и оказания образовательной услуги.

В числе важнейших проблем при осуществлении закупок образовательных услуг стоит назвать и процесс контроля исполнения контрактов на образовательные услуги, который на практике ограничен небольшим перечнем достаточно формальных критериев. Основными показателями обычно служат объем оказанных услуг, сроки оказания услуги, включая ее отдельные элементы, выполнение календарного плана обучения. Подтверждение факта посещения занятий или сдачи экзаменов часто оказывается единственным способом оценки исполнения договора, хотя фактическое качество образовательных услуг не сводится только к этим факторам.

Реальное качество полученного образования и его влияние на профессиональное становление будущих специалистов остаются вне правового регулирования договора. Не применяются практические инструменты систематического отслеживания уровня освоения студентами (слушателями) теоретических и практических навыков, а следовательно, становится невозможно оценить реальную эффективность образовательной услуги, формирование новых или повышение имеющихся компетенций студентов (слушателей), приобретение практических соответствующих навыков. Таким образом, наиболее важной и сложной задачей в процессе государственных закупок образовательных услуг является объективная оценка качества выполненного договора. Сам эффект образовательной услуги имеет явным образом выраженный «отложенный эффект», когда в результате обучения становится возможным обеспечить использование и практическое применение полученных навыков и знаний, что само по себе возможно только при прохождении некоторого времени уже непосредственно после обучения или его части (например, на производстве или при прохождении производственной практики).

Стандартные отчетные документы образовательной организации фиксируют формальные признаки (расписание, наличие образовательной программы, разработанные оценочные средства, число лекций и практических занятий, посещение занятий, количество и результаты выполненных тестов). Однако они совершенно не оценивают результативность обучения, то есть способность студента успешно применять новые знания и умения на практике. Внедрение компетентностного подхода могло бы существенно изменить ситуацию. Такой подход предусматривает замеры исходного уровня компетенций студентов перед началом обучения и сопоставление их с результатами после окончания курса, в том числе «остаточные» спустя некоторое время после завершения обучения. Эта мера позволила бы более точно оценивать эффективность проведенного обучения и определять, насколько качественно была удовлетворена потребность государственного или муниципального заказчика.

Компетентностный подход включает широкий спектр инструментов оценки компетенций: тестирование знаний, ситуационные кейсы, проекты и портфолио. Применение этих методов даст возможность перейти от поверхностного учета просто формальных показателей к глубокому анализу динамики профессионального роста обучающихся.

Использование компетентностного подхода позволило бы не только объективно оценить результативность образовательных программ, но и создать основу для модернизации всей системы закупок образовательных услуг. Методология обеспечит возможность эффективнее управлять процессом подбора образовательных программ и определять реалистичные цели и ожидаемые результаты обучения.

Необходимость внесения изменений в правила организации, проведения и приемки результатов государственных закупок образовательных услуг очевидна. Она должна обязательно включать четкую характеристику предмета договора, объективные критерии оценки качества образовательных услуг и правила оценки результатов их выполнения. Техническое задание должно детально описывать необходимые компоненты образовательных программ, требования к профессиональному составу преподавателей, стандартам качества используемых учебных и методических материалов и инструментам контроля эффективности обучения.

Также потребуется выработать общие стандарты оценки качества образовательных услуг, которые стали бы обязательным компонентом при проведении конкурентных закупок. Этот стандарт должен охватывать такие аспекты, как профессиональный рост преподавателей, обновление учебных материалов, применение новых технологий обучения и вовлечение студентов в исследовательские проекты.

Оценка предложений участников конкурентных закупок должна осуществляться не только по принципу минимизации стоимости, но и с учетом важности качества образовательных услуг. Необходимо внедрить механизм ранжирования участников торгов по нескольким ключевым критериям, включая профессионализм персонала, современность учебных программ, обоснованность заявленной стоимости и, вероятно, ожидаемые результаты реализации образовательной услуги.

Использование метода комплексной оценки позволит снизить зависимость результатов конкурсов от случайных (нерыночных) факторов и обеспечить лучшие условия для победителей конкурсов, гарантируя высокое качество образовательных услуг.

Механизмы контроля исполнения договоров должны быть обновлены и дополнены новыми инструментами, направленными на оценку реального качества образовательных услуг. Текущие формы контроля основаны главным образом на фиксации отдельных этапов выполнения контракта, таких как начало и завершение занятий, что не отражает сути процесса обучения.

Вместо традиционного контроля возможно проводить мониторинг текущего прогресса компетенций и навыков студентов в течение срока обучения (что особенно актуально при длительных программах обучения). Результаты промежуточных измерений позволяют своевременно скорректировать учебный процесс и обеспечить высокий уровень обучения.

Применение метода оценки квалификации исполнителя и наличия у него ресурсов позволит принять участие в реализации образовательной услуги только тем исполнителям, которые обладают необходимыми квалифицированными кадрами и учебной и методической базой. Значительное число участников закупочной деятельности вообще не обладают необходимыми ресурсами в момент начала собственно самой закупочной деятельности заказчика (планирование и размещение извещения о проведении конкурентной закупки), фактически приступая к их «созданию» уже после определения результатов проведения закупки и, соответственно, в условиях дефицита времени, что объективно препятствует формированию и оказанию именно качественной образовательной услуги, для которой необходимо проведение значительного количества «подготовительных работ» (написание самой образовательной программы, подбор квалифицированных преподавателей, разработка ими необходимых и адаптированных для условий конкретной закупки учебных и методических материалов, комплекса оценочных средств и т. д.).

Внедрение в практику закупочной деятельности возможности описания ожидаемых результатов оказания образовательной услуги, в том числе на отдельных этапах ее оказания, безусловно, способно повлиять и на качество услуги, и на ее результаты. Эти методы предполагают постоянный мониторинг компетенций студентов, фиксируя динамику их развития и адаптируя учебный процесс под индивидуальные потребности каждого ученика. Это позволяет создать условия для объективной оценки образовательных услуг, а также сформировать базу для дальнейших улучшений качества образовательных программ.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что система государственных закупок образовательных услуг нуждается в серьезной реформе, направленной на устранение текущих недостатков и препятствий для эффективного управления образовательными ресурсами. Проведение необходимых изменений требует усилий и сотрудничества многих субъектов образовательной отрасли, в том числе государственных органов власти, образовательных учреждений и общественных организаций.

Решение поставленных задач требует следующих шагов:

- выработка общих стандартов качества результатов образовательных услуг;
- переход к «неценовой» системе оценки заявок участников закупок;
- использование новых механизмов контроля исполнения контрактов;
- внедрение компетентностного подхода к оценке образовательных услуг.

Данные меры способны преобразовать практику государственных закупок образовательных услуг, обеспечивая равноправие всех участников рынка, высокую эффективность реализации государственных закупок.

Библиографический список

1. Об образовании в Российской Федерации : федер. закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 31.12.2012. № 53 (ч. 1). Ст. 7598.
2. О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд : федер. закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ (ред. от 26.12.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 08.04.2013. № 14. Ст. 1652.
3. О мерах по предоставлению национального режима при осуществлении закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд, закупок товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц : постановление Правительства РФ от 23.12.2024 № 1875 (ред. от 27.09.2025) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 30.12.2024. № 53 (Ч. I). Ст. 8704.
4. Об утверждении типового контракта на оказание образовательных услуг по профессиональной переподготовке (повышению квалификации) федеральных государственных гражданских служащих и информационной карты типового контракта на оказание образовательных услуг по профессиональной переподготовке (повышению квалификации) федеральных государственных гражданских служащих : Приказ Минтруда России от 29.10.2015 № 797н // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 29.12.2015).
5. Андреева Л. В., Шиповальникова Ю.Г. Особенности государственных закупок в сфере образования // Юрист. 2014. № 12. С. 4–10.
6. Гайчук С. Ф. Закупки для обеспечения государственных и муниципальных нужд: оценка законности // Законность. 2024. № 9. С. 17–20.
7. Трунцевский Ю. В., Матвеев В. В. Международно-правовые и внутригосударственные подходы к минимизации коррупционных рисков в сфере государственных закупок // Международное публичное и частное право. 2025. № 3. С. 28–34.
8. Федченко К. И. Формы и виды финансового контроля в сфере закупок товаров, работ и услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд // Административное и муниципальное право. 2023. № 6. С. 39–47.

СТРАТЕГИИ И ТАКТИКИ РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОБВИНИТЕЛЕЙ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ СУДЕБНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМ ДИСКУРСЕ

Н. А. Дзараева

Канд. пед. наук, доцент, Пермский филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Пермь, Россия, dzaraeva-na@ranepa.ru

И. О. Трушкова

Студенка, Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Пермь, Россия,
itrushkova-23@edu.ranepa.ru

Аннотация. В статье рассматривается судебно-процессуальный дискурс как область исследования, связывающая лингвистику и право. Предмет исследования – речевые стратегии и тактики судебного-процессуального дискурса. Проводится сравнительно-сопоставительный анализ речевых тактик, к которым прибегают русские и англоязычные государственные обвинители в рамках стратегий психологического воздействия и обвинения. Данная работа позволит раскрыть лингвопрагматические и национально-культурные особенности судебного общения и сформировать профессионально ориентированные языковые и коммуникативные навыки у будущих работников судебной системы, что необходимо в их лингвистической и правовой подготовке.

Ключевые слова: стратегия, тактика, судебно-процессуальный дискурс, обвинитель

STRATEGIES AND TACTICS OF PROSECUTORS SPEECH IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LEGAL DISCOURSE

N. A. Dzaraeva

Candidate of Pedagogic Sciences, Associate Professor, Perm Branch
of the Russian Academy of National Economy and Public Administration,
Perm, Russia, dzaraeva-na@ranepa.ru

I. O. Trushkova

Student, Perm Branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration, Perm, Russia, itrushkova-23@edu.ranepa.ru

Abstract. The article deals with legal discourse as a field of study linking linguistics and law. The subject of the study is the speech strategies and tactics of legal discourse. The article is aimed at conducting a comparative analysis of the speech tactics used by Russian and English public prosecutors within the strategies of psychological manipulation and accusation. This work appears to be crucial in training of future lawyers since it explores the linguopragmatic and na-

tional-cultural features of lawyers' speech and can contribute to the development of professional communication skills in future specialists.

Keywords: strategy, tactic, legal discourse, prosecutor

Увеличение числа судебных процессов, связанных с иностранными гражданами и международными конфликтами, подчеркивает важность понимания культурных и языковых различий в судебных процессах [2, с. 6]. Языковое оформление показаний, вопросов, речей адвокатов и прокуроров напрямую влияет на восприятие информации судьями и присяжными. Стратегии допрашивающего представляют собой совокупность интенций, ориентированных прежде всего на информирование присяжных заседателей, формирование или мобилизацию их знаний. Информирование происходит с помощью доказательства ряда фактов [4, с. 114]. Изучение этих языковых механизмов помогает понять, как формируется убеждение, как создается определенный образ события или личности и как можно манипулировать восприятием. Поэтому исследование судебно-процессуального дискурса является актуальной и необходимой научной областью, связывающей лингвистику и право. Оно поможет понять контекстуальный и ситуативный подтекст судебных коммуникаций, выходящий за рамки формального права как системы норм; раскрыть лингвопрагматические и национально-культурные особенности судебного общения, отражающие исторические, социальные и философские факторы; формировать профессионально ориентированные языковые и коммуникативные навыки у сотрудников судебной системы, что необходимо в их лингвистической и правовой подготовке. Все это будет способствовать повышению качества правосудия и юридического взаимодействия в обществе. Несмотря на существующие исследования судебно-процессуального дискурса, сравнительный анализ речевого поведения государственных обвинителей в русском и английском контекстах остается недостаточно разработанным.

Судебный дискурс представляет собой институциональный, профессиональный и междисциплинарный вид дискурса, в котором осуществляется обмен информацией в рамках суда, призванный реализовывать принципы справедливости и законности. По определению Г. В. Мальцева, судебно-процессуальный дискурс представляет собой статусно-ориентированное взаимодействие его участников в соответствии с системой ролевых предписаний и норм поведения в определенных правом ситуациях институционального общения. Суть права как социального образования заключается в его созидательном регулятивном начале, обеспечивающем упорядочение общественных отношений через сконструированную устойчивую структуру правовых институтов [3, с. 388–412].

Е. В. Шишкина выделяет следующие стратегии судебно-процессуального дискурса: изобличение во лжи, психологическое воздействие, обвинение и защита [5, с. 156].

Стратегия изобличения во лжи является одной из самых сложных, но в то же время ключевой, так как в основе судебного разбирательства лежит спор, партнеры в котором стремятся выиграть любой ценой, отстаивая истину, а не только личные интересы подзащитного. Стратегия изобличения лжи в определенной мере присуща всем участникам судебно-процессуального дискурса, но в особенности судье [5, с. 157].

Стратегия психологического воздействия характерна для всех участников судебного-процессуального дискурса с целью получения информации. Адвокат, например, может прибегать к психологическому воздействию на судью или присяжных для защиты своего клиента, а прокурор с помощью этой стратегии может стараться воздействовать на подсудимого, чтобы тот признал свою вину. Судья же может прибегать к данной стратегии при допросе подсудимого и свидетелей, чтобы установить истину [5, с. 157].

Стратегию обвинения определяет речевое поведение прокурора, который должен строить свою речь на основе неоспоримых фактов, которые могут послужить доказательствами вины подсудимого. С его стороны недопустимы оскорбления в адрес подсудимого [5, с. 158].

Стратегия защиты используется адвокатами, а также свидетелями защиты в ходе судебного разбирательства. Е. В. Шишкина определяет ее как «совокупность речевых действий адвоката или другого участника судебного заседания, направленных на опровержение обвинения и/или смягчение ответственности подсудимого» [5, с. 158].

Каждой стратегии присущи свои тактики (таблица) [1, с. 124].

Стратегии и тактики судебного-процессуального дискурса

Стратегия изобличения во лжи	Стратегия психологического воздействия	Стратегия обвинения	Стратегия защиты
Тактики			
Логическое доказательство Намек Искажение Неожиданность Констатация фактов	Критика поступков Выговор Давление Угроза Нападение	Отрицательная характеристика Констатация фактов Нападение Критика действий подсудимого Логическое доказательство	Отвод подозрения Нападение Отрицание вины Обвинение Положительная характеристика подсудимого

Сравним, к каким стратегиям и тактикам прибегают государственные обвинители в России и англоязычных странах в рамках допроса подсудимых. Материалом для сравнительно-сопоставительного анализа послужили сериалы “Garrow's Law”, “The Crown”, “Atonement”, “Witness for the Prosecution”, “Replacement”, “The Devil's Hour”, «СЛЕД», «Духless 2», «Первый отдел», «Заступники», «Место встречи изменить нельзя», «Досье детектива Дубровского». Мы отобрали несколько фрагментов речи прокуроров на английском и русском языке, в которых обвинители использовали стратегии психологического воздействия и обвинения, поскольку стратегия изобличения во лжи больше встречается в речи судей, а к стратегии защиты обращаются в основном адвокаты.

Представим ниже примеры реализации стратегии психологического воздействия.

Англоязычный дискурс	Русскоязычный дискурс
<i>«If you refuse the deal, it's only going to get worse. I will destroy you in this court. Is that how you want to end it? Is that what you want?»</i>	<i>«Но... я хотел бы отметить, что у подсудимого еще есть возможность осознать свою вину, возместить ущерб и изменить свою позицию. Это последний шанс»</i>

Данные фрагменты на русском и английском языке демонстрируют стратегию психологического воздействия прокуроров на подсудимого. В обоих дискурсах прокуроры делают акцент на то, что подсудимые должны использовать последнюю возможность, пойти на сделку со следствием и признать вину, чтобы как-то смягчить наказание, иначе они отправятся в тюрьму. Однако для реализации данной стратегии в английском в сериале “Garrow's Law” прокурор применяет тактику угрозы (*I will destroy you; it's only going to get worse...*), создавая ощущение неминуемой и тяжелой судьбы для подсудимого в случае отказа от сделки. Это психологический прессинг, цель которого – добиться согласия или изменения поведения обвиняемого путем вызова страха и давления.

В одном из эпизодов российского сериала «СЛЕД» прокурор, делая акцент на неотвратимости ситуации (*Это последний шанс*), использует тактику психологического давления. Данная тактика подталкивает подсудимого к осмыслению и возможной коррекции своей позиции, стимулируя его к сотрудничеству и признанию вины.

Англоязычный дискурс	Русскоязычный дискурс
<i>«He acted in complete accordance with his already revealed nature. Having seen the object of his desire, he did what he apparently believed was his due by right of his insolence. His previous act was a rehearsal. This rape is the inevitable outcome. He had already crossed the line»</i>	<i>«Он думал, что деньги и связи – его броня. Что его крутой внедорожник может проехать по чему и по ком угодно. Однако всегда есть предел. Он сбил человека? Да. Но сначала он сбил в себе человека – и мы это докажем!»</i>

В обоих фрагментах государственные обвинители пытаются выстроить у присяжных негативное отношение к подсудимому не столько за их настоящее преступление, сколько за аморальное поведение и отрицательный опыт в прошлом.

В русском фильме «Духless 2» прокурор прибегает к тактике критики поступка подсудимого, создавая с помощью метафоры (*сначала он сбил в себе человека*) образ внутреннего конфликта и морального падения обвиняемого. Обвинитель проводит параллель между внешним поступком и внутренним состоянием обвиняемого, подразумевая, что нарушение внутренней гармонии и моральных границ – тоже тяжкое преступление. Данная тактика способствует эмоциональному восприятию обвинения, подчеркивая глубину проступка. Это создает ощущение глубокой моральной ответственности и внутреннего ущерба, что усиливает психологическое воздействие.

В английском фрагменте фильма “Atonement” прокурор также обращается к тактике критики совершенного подсудимым преступления, активно используя в своей речи метафоры (*in complete accordance with his already revealed nature; his previous act was a rehearsal; he had already crossed the line*). Однако цель англоязыч-

ного прокурора – не столько добиться морального осуждения поступка обвиняемого, сколько повысить у суда ощущение угрозы со стороны обвиняемого и тем самым оказать давление на суд и добиться более строгого приговора.

Англоязычный дискурс	Русскоязычный дискурс
« <i>This is not a courtroom for «public figures». This is a courtroom where the Supreme Ruler of the United Kingdom is defending her legal rights from a blatant invasion. And I demand, not as a lawyer, but as a subject of Her Majesty, that due respect be shown within these walls. You may challenge the law. You may not desecrate the nation's symbols with condescending comments. I ask the court to reprimand the defense and ensure that the protocol be followed accordingly»</i>	« <i>И тогда вместо одной статьи, по которой он может отделаться условным сроком, мы предъявим ему целый букет. И его партнеры станут свидетелями. А может, и соучастниками»</i>

В одном из эпизодов сериала “The Crown»” государственный обвинитель требует проявить уважение не просто к человеку, а к должности и символике нации, применяя тактику выговора (*You may not desecrate the nation's symbols with condescending comments. I ask the court to reprimand the defense and ensure that the protocol be followed accordingly*). Прокурор указал на неправоту стороны защиты путем морального осуждения поступка, отстаивая интересы Короны.

В российском сериале «Первый отдел» государственный обвинитель в своей речи использует тактику давления. Прокурор открыто заявляет, что у обвинения в случае отказа признания вины подсудимым будут иные доказательства его причастности, и, возможно, по другим эпизодам (*И тогда вместо одной статьи, по которой он может отделаться условным сроком, мы предъявим ему целый букет*). Сторона обвинения, манипулируя информацией, «морально задавливают» виновного, чтобы последний признался в содеянном. Далее приведем примеры реализации стратегии обвинения.

Англоязычный дискурс	Русскоязычный дискурс
« <i>She's a chameleon, changing color depending on which way the wind blows! Don't believe a word she says, gentlemen of the jury! Otherwise, you'll be releasing not just a murderer, but a monster, to whom this woman obligingly hands the keys to the prison!»</i>	« <i>И не верьте его лицемерным слезам! Это лицемерие, отточенное до совершенства! Он так же лгал своим жертвам! Он лжёт сейчас вам, уважаемый суд! Каждое его движение – ложь! И, если мы сегодня проявим слабость, мы выпустим этого монстра обратно на улицы наших городов. И на его совести будет новая кровь. На нашей с вами совести!»</i>

В рассматриваемых примерах как в английском, так и в русском дискурсе слова прокурора обращены к присяжным заседателям, перед которыми стоит выбор либо

оправдать подсудимых, либо признать подсудимых виновными. Государственные обвинители не оспаривают факты, а атакуют сам источник информации.

В английском дискурсе в фильме “Witness for the Prosecution” прокурор объявляет сторону защиты профессиональной лгуньей, снижает доверие присяжных (*She's a chameleon, changing color depending on which way the wind blows*). Для обвинения прокурор выбрал тактику нападения, он не только разоблачает свидетельницу и изобличает ее во лжи, но и использует лексику, стирающую человеческий облик оппонента, чтобы у суда и присяжных не осталось сомнений в ее лжи (*you'll be releasing not just a murderer, but a monster*).

В русском эпизоде сериала «Заступники» прокурор также использует тактику нападения, выражая свою речь через эмоции (*Если мы сегодня проявим слабость, мы выпустим этого монстра обратно на улицы наших городов*). Государственный обвинитель демонизирует подсудимого через отрицание человеческих эмоций (*И не верьте его лицемерным слезам! Это лицемерие, отточенное до совершенства! Он так же лгал своим жертвам*).

Англоязычный дискурс	Русскоязычный дискурс
« <i>Your life, Mr. Claude, is a long road of sin. The sin of lying. The sin of pride, which has blinded you so much that you have placed your own will above the will of God!</i> »	«Не надо про «время». Время было у всех одинаковое. Герои в это время страну поднимали, а вы в это время карманы опустошали. Это ваш сознательный выбор. Не время вас сделало бандитом, а вы сами выбрали этот путь. Вы, угрожая оружием, отобрали у гражданки Сидоровой продуктовые карточки и деньги. Вы знали, что эти карточки – единственный шанс выжить для неё и её троих детей?»

Финальная речь прокурора в британском триллере “Replacement” выстраивается на каталоге грехов, частные поступки подсудимого возводятся в ранг системы (*Your life, Mr. Claude, is a long road of sin. The sin of lying. The sin of pride...*). Позиция обвинения строится на тактике отрицательной характеристики виновного, это помогает создать в сознании судей и присяжных отталкивающий образ.

В российском фильме «Место встречи изменить нельзя» прокурор критикует не только конкретные преступления, но и образ жизни и «философию» подсудимого (*Герои в это время страну поднимали, а вы в это время карманы опустошали. Это ваш сознательный выбор*). Сторона обвинения использует в речи тактику критики действий (*Вы, угрожая оружием, отобрали у гражданки Сидоровой продуктовые карточки и деньги. Вы знали, что эти карточки – единственный шанс выжить для неё и её троих детей?*). Прокурор приводит обоснованные аргументы, критикует не самого виновного, а его действия, которые отражают его безнравственные поступки.

Англоязычный дискурс	Русскоязычный дискурс
<i>«I want to refer to a single fact. A fact that does not depend on witness testimony, interpretation, or memory. A fact that was recorded by a machine. A machine that the defendant voluntarily wore on his own body.</i> <i>So, the fact, my Lord, is that on the night of the murder, the defendant was physically present at the crime scene, and at the exact time of the crime, his body exhibited a physiological response consistent with extreme stress or physical exertion. This fact was not recorded by a human. It was recorded by a device on his own wrist. Does the protection have any questions about the sensor calibration? No? Then the fact remains a fact».</i>	<i>«Уважаемый суд. Давайте рассмотрим не личность, а последовательность фактов. И вынесем вердикт не на основе чувств, а на основе неопровержимой логики. Суждение первое. Подсудимый имел доступ к документам уровня «совершенно секретно». Суждение второе. Эти документы касались обороноспособности государства. Логический вывод номер один: он осознавал ценность и секретность информации, но он систематически выносил эти документы из служебного кабинета, нарушая инструкцию. Для работы дома? Нет. Вывод: вынос осуществлялся для иной цели, не связанной с прямой служебной необходимостью».</i>

В первом сезоне британского сериала “The Devil's Hour” прокурор в своей речи использует констатацию фактов, опирается на неопровержимые доказательства, данные собственного фитнес-браслета подсудимого (*I want to refer to a single fact. This fact was not recorded by a human. It was recorded by a device on his own wrist*). Данное утверждение констатирует факт и состояние подсудимого в момент совершения преступления, не добавляя к ним субъективных оценок. Это помогает суду определить реальное положение дел для вынесения приговора.

В русскоязычном сериале «Досье детектива Дубровского» государственный обвинитель использует тактику логического доказательства. Прокурор выдвигает тезисы (*Подсудимый имел доступ к документам уровня «совершенно секретно». Эти документы касались обороноспособности государства*), а затем приводит доказательства (*Логический вывод номер один: он осознавал ценность и секретность информации, но он систематически выносил эти документы из служебного кабинета, нарушая инструкцию*), чтобы убедить суд в истинности высказываний. Доказательства связаны с тезисом, на основе которого прокурор делает свой вывод (*Вынос осуществлялся для иной цели, не связанной с прямой служебной необходимостью*).

Проведенный сравнительно-сопоставительный анализ русского и английского судебно-процессуального дискурса показал, что базовые стратегии психологического воздействия и обвинения в речи англоязычных и русскоязычных прокуроров совпадают, однако тактики их реализации незначительно различаются. Русским обвинителям присущи более эмоциональные приемы, такие как психологическое давление и критика поступков или действий подсудимых, тогда как в английском дискурсе преобладают более рациональные тактики. Англоязычные прокуроры активно оперируют доказательствами, ссылками на свидетелей, факты и закон. Поэтому в их речи чаще встречаются прямые угрозы, выговоры, отрицательные характеристики обвиняемых и констатация фактов. Данные расхождения в дискурсах можно объяснить различными культурными и правовыми традициями России и англоязычных стран.

Библиографический список

1. Иссерс О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи. 3-е изд., стер. М. : УРСС: Едиториал УРСС, 2003.
2. Красовская О. В. О речевой коммуникации в судебной практике. М. : Флинта, 2011. 160 с.
3. Мальцев Г. В. Социальные основания права. М. : Норма, 2007. 800 с.
4. Рузавин Г. И. Методологические проблемы аргументации. М. : ИФРАН, 1997.
5. Шишкина Е. В., Коммуникативные тактики и стратегии судебного допроса // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2012. № 1. 180 с.

ОПЛАТА ТРУДА НА ПРЕДПРИЯТИИ: СОСТОЯНИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ УЧЕТА

Ю. Э. Завьялова

Студентка, Нытвенский многопрофильный техникум, Нытва, Россия,
yulya.zavyalova.07@mail.ru

Научный руководитель: Н. С. Ишбаева, преподаватель,
Нытвенский многопрофильный техникум, Нытва, Россия

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена тем, что оплата труда выступает ключевым фактором мотивации персонала, формирует существенную долю затрат предприятия, требует строгого соблюдения трудового и налогового законодательства, нуждается в точной и оперативной учетной системе.

Ключевые слова: оплата труда, учет заработной платы, бухгалтерский учет, налоговый учет, системы оплаты труда, автоматизация учета, кадровый документооборот, стимулирующие выплаты, компенсационные выплаты, трудовое законодательство

ORGANIZATION OF ACCOUNTING DOCUMENTATION OF TRANSACTIONS

Y. E. Zavyalova

Student, Nyтва Multidisciplinary Technical School, Nyтва, Russia,
yulya.zavyalova.07@mail.ru

Scientific supervisor: N. S. Ishbaeva, Instructor, Nyтва Multidisciplinary
Technical School, Nyтва, Russia

Abstract. The relevance of this topic is due to the fact that remuneration is a key factor in staff motivation; it forms a significant share of an enterprise's costs; it requires strict compliance with labor and tax legislation; and it needs an accurate and efficient accounting system.

Keywords: wages and salaries, payroll accounting, financial accounting, tax accounting, wage payment systems, accounting automation, HR document flow, incentive payments, compensatory payments, labour legislation

Заработная плата является неотъемлемым элементом социально-экономической политики государства, главным источником повышения благосостояния работников, основным средством побуждения членов общества к высокопроизводительному и качественному труду. Экономические преобразования и либерализация социально-трудовых отношений потребовали новых подходов к реформированию системы оплаты труда.

Тема данного исследования достаточно актуальна, поскольку изменения, происходящие в сфере распространения основных форм и систем заработной платы, отражают преобразования в техническом базисе производства, уровне экономического развития страны, общеобразовательной и профессиональной структуре работников,

занятых в отраслях экономики, а воздействие на материальную заинтересованность работников посредством систем оплаты является одним из основных принципов организации заработной платы в современной экономике.

С помощью заработной платы происходит контроль за мерой потребления. Заработная плата, являясь ведущим источником доходов для большинства населения нашей страны, служит главнейшим рычагом управления национальной экономикой. Государству необходимо уделять особое внимание правовым основам заработной платы и формам оплаты труда.

При анализе вопросов, касающихся оплаты труда работников, возникают трудности в установлении размера заработной платы, так как, с одной стороны, работник желает иметь как можно более высокий доход, с другой стороны – работодатель стремится к уменьшению своих издержек.

Бухгалтерский учет расчетов с персоналом по оплате труда имеет огромное значение для любого предприятия. Он представляет собой процесс сбора, сводки, регистрации информации о финансовом состоянии расчетов по оплате труда и предоставление этой информации внутренним пользователем отчетности. На основе такой информации руководство предприятия может осуществлять контроль размера заработной платы, производительности труда, эффективности использования рабочего времени и в целом уровня издержек.

Предмет исследования – бухгалтерский учет заработной платы, формы и системы оплаты труда.

Экономический субъект исследования – «Сельское потребительское общество».

Целью исследования является анализ организации и методики бухгалтерского учета расчетов по оплате труда.

Для реализации поставленной цели необходимо рассмотреть и решить следующие задачи:

- раскрыть сущность заработной платы, ее функции;
- рассмотреть формы и виды оплаты труда;
- проанализировать деятельность предприятия и учет на нем оплаты труда;
- изучить системы оплаты труда, применяемые на предприятии;
- описать виды удержаний из заработной платы работника;
- рассмотреть учет расчетов по оплате отпусков и выплате пособий по временной нетрудоспособности;
- дать рекомендации по совершенствованию учета расчетов с персоналом по оплате труда.

Розничная торговля в организации «Нытвенское сельское потребительское общество» осуществляется в 7 торговых точках, которые находятся на территории Нытвенского района: с. Мокино, с. Шерья, д. Шумиха, д. Чекмени, г. Нытва, ст. Чайковская – 2 точки, 2 торговых склада – хозяйственный и продуктовый.

Структура предприятия указана рисунке.

Сдельная оплата труда в потребительском обществе начисляется продавцам торговых точек, зависит от товарооборота в магазине за месяц согласно расценкам, установленным приказом организации.

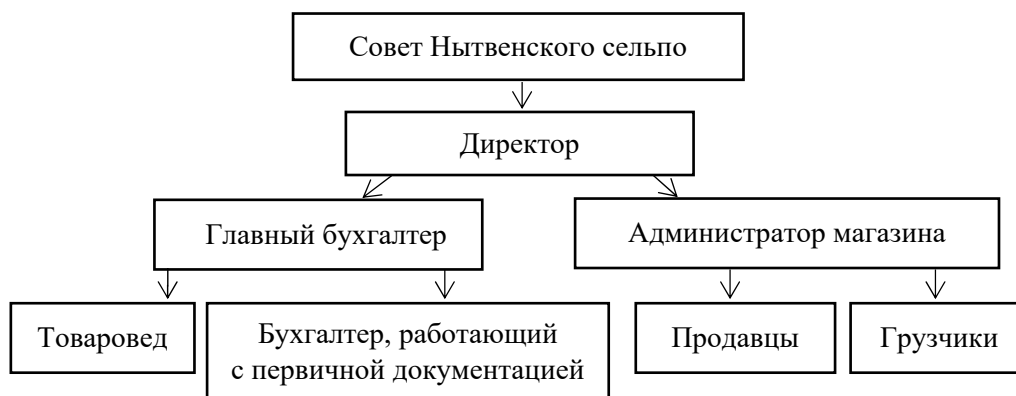

Рис. Структура Нытвенского сельпо

Рассмотрим указанное выше на конкретном примере. Расценка с товарооборота в магазине «Шерья» установлена 35 руб. с тысячи, план товарооборота доведен до 1900 тыс. руб. В январе магазин сделал товарооборот 1965,7 тыс. руб., в магазине работают 4 продавца.

Расчет: $1\,965\,700 \cdot 35 / 1000 = 688\,000$ – зарплата на 4 человека.

Заведующая магазином – Мансурова Наталья Николаевна (двое несовершеннолетних детей):

Зарплата – 17 200 руб.

Доплата за праздничные дни и заведующей магазина – 3600 руб.

Премия – 1520 руб.

Уральский коэффициент 15 % – 3348 руб.

Итого начислена зарплата 25 668 руб.

Налог на доходы физических лиц Мансуровой Н. Н отражается в налоговой карточке 1НДФЛ.

Повременная оплата труда в организации начисляется водителям согласно путевым листам и табеля рабочего времени. Табель составляется за месяц, подписывается руководителем и сдается в бухгалтерию для начисления зарплаты. Путевой лист составляется на каждый день, в нем указывается маршрут водителя, время начала и окончания рабочего дня.

Рассмотрим это на примере водителя Иванова Михаила Юрьевича. В январе отработал 19 смен – 152 часа (один несовершеннолетний ребенок).

Зарплата – 20 900 руб.

Доплата за праздничные дни 3000 руб.

Уральский коэффициент 15 % – 3585 руб.

Итого зарплата – 27 485 руб.

В современных условиях заработная плата рассматривается как элемент дохода наемного работника, форма реализации его собственности на принадлежащие ему трудовые ресурсы.

Вместе с тем сложившаяся система оплаты труда не в полной мере учитывает требования социально-ориентированной рыночной экономики формирования заработной платы как цены рабочей силы, складывающейся на рынке труда. Она часто не выполняет воспроизводственную, стимулирующую, регулирующую и социальные функции. Остается низким уровень оплаты труда.

В данной работе были раскрыты сущность и основные принципы ведения учета оплаты труда на предприятии «Сельское потребительское общество»

Организация заработной платы – это построение системы оплаты труда с помощью совокупных элементов (нормирования труда, тарифной системы, премий, доплат и надбавок), обеспечивающих связь между количеством труда и размерами его оплаты. В соответствии с требованиями рынка организация заработной платы решает следующие основные задачи:

- повышение заинтересованности каждого работника в выявлении и использовании резервов своего труда при исключении возможности получать незаработанные денежные средства;

- устранение унификации в оплате труда, достижение прямой зависимости размера заработной платы от результатов труда (индивидуальных, коллективных);

- оптимизация соотношений в оплате труда работников различных категорий с учетом сложности выполняемых работ, условий труда, достижения конечных результатов производства и конкурентоспособности продукции.

Организация оплаты труда на предприятиях предусматривает:

- обеспечение необходимого роста заработной платы при снижении ее затрат на единицу продукции и опережающего ее роста сравнительно с ростом производительности труда;

- совершенствование нормирования труда;

- регулирование социально-трудовых отношений, создание равных прав для работодателя и наемного работника;

- выбор форм и систем оплаты труда, доплат и надбавок к заработной плате.

Библиографический список

1. Лукинов В. А., Хапсаева Р. Б., Бязрова Л. А., Атаева М. З. Упрощённая система налогообложения: проблемы и перспективы. 2022. 122 с. URL: <https://aeterna-ufa.ru/portfolio/978-5-00177-551-5#> (дата обращения: 19.12.2025).

2. Сивков Е. В. УСНО-2025: всё, что нужно знать от А до Я. В вопросах и ответах. М. : Изд. дом «Евгений Сивков», 2025.

3. Гартвич А. Упрощенка с нуля. 3-е изд. СПб. : Питер, 2017. URL: <https://mybook.ru/author/andrej-gartvich/uproshenka-s-nulya-nalogovyy-samouchitel/read/> (дата обращения: 19.12.2025).

ОБРАЗ ИИ В МАССОВОЙ КУЛЬТУРЕ И ОБЩЕСТВЕННОМ СОЗНАНИИ

П. Н. Зуева

Студентка, Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Пермь, Россия, p_zuyeva@mail.ru

Научный руководитель: Е. Р. Кузнецова, д-р экон. наук, профессор,
Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Пермь, Россия

Аннотация. В статье рассматривается искусственный интеллект как явление, связанное с развитием общества и культуры. Появившись на определенном этапе технологического прогресса, ИИ постепенно выходит за рамки обычного инструмента и начинает играть самостоятельную роль в жизни человека. Это развитие имеет как положительные, так и отрицательные последствия. С одной стороны, ИИ способствует техническому и научному прогрессу, с другой – создает угрозы для культуры и человеческой идентичности.

Искусственный интеллект применяется во многих сферах: управлении, финансах, программировании, науке и переводе. Он участвует в социальных коммуникациях, распознает речь и изображения, используется в искусстве и при решении сложных задач. Однако ИИ не способен испытывать эмоции, проявлять эмпатию и глубоко понимать культуру и искусство. Эти качества остаются исключительно человеческими, хотя в условиях глобализации они постепенно меняются.

Ключевые слова: искусственный интеллект, технологический прогресс, общество и культура, человеческая идентичность, глобализация, научно-технический прогресс, угрозы культуре, историческая память, традиции и национальные корни, социальные коммуникации, распознавание речи и изображений, искусство

THE IMAGE OF AI IN POPULAR CULTURE AND THE PUBLIC CONSCIOUSNESS

P. N. Zuyeva

Student, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Perm, Russia, p_zuyeva@mail.ru

Scientific supervisor: E. R. Kuznetsova, Doctor of Economics, Professor,
Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Perm, Russia

Abstract. This article examines artificial intelligence as a phenomenon linked to the development of society and culture. Having emerged at a certain stage of technological progress, AI gradually evolves beyond a simple tool and begins to play an independent role in human life. This development has both positive and negative aspects. On the one hand, AI facilitates technical and scientific progress, but on the other, it poses threats to culture and human identity.

Artificial intelligence is used in many fields: management, finance, programming, science, and translation. It participates in social communications, recognizes speech and images, and is

used in art and in solving complex problems. However, AI is incapable of experiencing emotions, showing empathy, or deeply understanding culture and art. These qualities remain uniquely human, although they are gradually changing in the context of globalization.

Keywords: artificial intelligence, technological progress, society and culture, human identity, globalization, scientific and technological progress, threats to culture, historical memory, traditions and national roots, social communications, speech and image recognition, art

Искусственный интеллект (ИИ) уже давно перестал быть исключительно технической или научной концепцией: сегодня это широкий культурный символ, значимая часть медиапространства и повседневной реальности [1–3]. В массовом сознании ИИ представлен как угроза и одновременно возможность, как враг человечества и его помощник в повседневной жизни [4, 6]. Эта двойственность закреплена в произведениях искусства, кинематографе, литературе и социальных медиа, что делает образ ИИ ключевым объектом анализа в культурологии и социологии.

Исторические корни и научная фантастика. Образ ИИ в массовой культуре имеет глубокие корни, уходящие в научную фантастику XX в. [4]. Уже такие фильмы, как «Терминатор» (1984) и «Матрица» (1999), демонстрировали ИИ как угрозу, способную подчинить или уничтожить человечество, – классический сюжет, где технология становится доминирующей силой против человека [4, 6].

Начиная с конца XX в. и особенно в XXI в. представления об ИИ усложнились. В культуре XXI в. ИИ все чаще изображается как инструмент, способный улучшать человеческую жизнь: помогать в медицине, образовании, безопасности, развлечениях [1–3]. Такие образы отражают текущие технологические достижения и растущую интеграцию ИИ в повседневные практики. В массовой культуре ИИ может быть дружелюбным, утилитарным и даже эмпатичным – в противовес более ранним апокалиптическим сценариям, что подчеркивает культурную адаптацию к технологиям.

ИИ и визуальная культура ИИ постепенно становятся объектом визуального искусства: от генеративных изображений в социальных сетях до интеграции в крупные арт-проекты. AI-генеративные платформы и художественные проекты, использующие нейросети, трансформируют художественное пространство, пересматривая традиции визуальной культуры и предлагая новые способы восприятия творчества и представления об авторстве [1].

Влияние массовой культуры на общественное сознание. Массовая культура как медиапространство формирует символы и архетипы, которые затем транслируются в общественное сознание [7]. Через фильмы, сериалы, литературу и интернет-обсуждения люди получают интерпретации ИИ, которые они используют для осмысления реальных технологических изменений [1]. Медиавоздействие – не просто отражение реальности, а инструмент конструирования социальных представлений о будущем, этике и роли технологии в жизни общества [6].

Исследования показывают, что общественное восприятие ИИ варьируется от позитивной оценки его утилитарного потенциала до глубоких тревог по поводу угрозы идентичности, приватности и безопасности [7]. Согласно данным российского исследования, в общественном сознании ИИ связывают с ценностями безопасности, свободой, идентичностью, а обсуждение ИИ выходит за рамки профес-

сиональных кругов в широкие культурные контексты [1, 6]. Другие исследования указывают на влияние развлекательных медиа на формирование представлений о технологиях: те, кто считает, что развлекательные произведения реалистично представляют ИИ, чаще склонны воспринимать ИИ как в качестве эмоционального партнера, так и в качестве апокалиптической угрозы, чем те, кто видит в медиа иное отражение [7].

Образ ИИ в культуре часто связан с социальными страхами: безработицей, контролем, потерей индивидуальности и угрозой человеческому существованию.

В последние годы общественное восприятие ИИ стало объектом не только культурных исследований, но и социальных движений. Например, в сфере искусства представители индустрии выступают против автоматизированного копирования человеческих образов и цифровой замены актеров, что отражает не только экономические, но и культурные и этические вызовы AI-технологий.

Эмпирическая часть: результаты опроса. Для углубленного понимания того, как современные люди воспринимают искусственный интеллект (ИИ) и как массовая культура формирует их оценки, был проведен собственный опрос общественного мнения среди 500 респондентов в возрасте от 18 до 65 лет. Опрос распространялся онлайн через социальные сети, электронные анкеты и среди знакомых респондентов в период с сентября по октябрь 2025 г.

Методология опроса. Опрос включал вопросы, направленные на измерение следующих аспектов: осведомленность об ИИ – насколько респонденты знакомы с понятием искусственного интеллекта; оценка влияния ИИ на общество – позитивное или негативное; персонажные образы ИИ – какие образы (дружелюбный помощник, угроза, нейтральный инструмент и др.) ассоциируются с ИИ; доверие к ИИ и страхи – насколько люди доверяют ИИ и чего боятся (утраты рабочих мест, контроля, потери навыков и др.).

Уровень осведомленности. 78 % респондентов ответили, что хорошо знакомы с понятием ИИ. 17 % слышали о ИИ, но не могут точно описать, что это такое. Лишь 5 % почти ничего не знали об ИИ. Эти данные коррелируют с крупными международными исследованиями, где большинство взрослых людей в разных странах говорят, что они хотя бы немного знают о ИИ и его возможностях.

Образ ИИ в массовом сознании. Респондентам предлагалось выбрать, как они в первую очередь воспринимают ИИ: 41 % считают ИИ полезным инструментом для повышения эффективности и качества жизни; 28 % описали ИИ как угрозу, связанную с риском потери рабочих мест и личной свободы; 20 % видят ИИ как нейтральную технологию, зависящую от контекста применения; 11 % ответили, что ассоциируют ИИ с фантастическими образами и страхами из фильмов/литературы.

Оценка влияния на общество. На вопрос о том, каким, по их мнению, будет влияние ИИ на общество в целом, 49 % ответили, что ИИ окажет скорее положительное влияние; 32 % – скорее отрицательное (риски, угрозы); 19 % затруднились с ответом. Эти результаты согласуются с глобальными данными, где общественное мнение колеблется между оптимизмом и обеспокоенностью.

Доверие и опасения. На вопрос «Чего вы больше всего опасаетесь в ИИ?» наиболее частыми ответами были следующие: потеря рабочих мест – 38 %; утрата контроля над технологиями – 27 %; снижение творческих или социальных навыков у людей – 21 %; ничего не опасаясь – 14 %. Параллельно 52 % респондентов отметили, что были бы готовы использовать ИИ в повседневной жизни, если бы это делало ее более удобной и безопасной.

Интерпретация результатов. Анализ собранных данных показывает, что осведомленность высока и большинство людей сегодня имеют общее представление о том, что такое ИИ, – это согласуется с международными исследованиями по теме [1, 7].

Восприятие образа ИИ сочетает позитивные и негативные компоненты – значительная часть респондентов восхищается технологией как полезным инструментом, но также есть сильные опасения, связанные с угрозами для работы и социальных навыков, что коррелирует с выводами других исследований.

Выводы. Опрос демонстрирует, что представления обычных людей о ИИ находятся в динамичном переходе: на них влияют как реальные практические применения (работа, обучение, медиа), так и культурные образы из массовой культуры. Это подтверждает основной тезис статьи о том, что образ ИИ не просто отражает технологические реалии, но и активно конструируется средствами массовой культуры и общественного дискурса.

Образ искусственного интеллекта в массовой культуре – это сложный, многогранный феномен, отражающий культурные, социальные и этические представления общества. Он не только представляет технологию, но и формирует общественное восприятие, влияя на ожидания, страхи и надежды в отношении будущего. Анализ культурных представлений о ИИ помогает понять, каким образом технологии интегрируются в социум и какие смыслы они приобретают в массовом сознании.

Библиографический список

1. Беликова Е. К. Искусственный интеллект как инструмент, встроенный в ценностную систему современной культуры // Человек и культура. 2024. № 2. С. 18–31. DOI: 10.25136/2409-8744.2024.2.70030 EDN: ZULQAN. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=70030
2. Беликова Е. К. Культура искусственного интеллекта как динамичный инструмент современной ценностной системы // Общество: философия, история, культура. 2024. № 10. С. 43–48. DOI: 10.24158/fik.2024.10.4.
3. Беликова Е. К. Образ искусственного интеллекта в зеркале современной культуры: общественная рефлексия // Человек и культура. 2025. № 5. С. 11–22. DOI: 10.25136/2409-8744.2025.5.75911 EDN: WQLGYU URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=75911
4. Осинцева Н. В., Муратова И. А. Трансформация этических ценностей в условиях развития цифровых технологий // Манускрипт. 2020. Т. 13, № 1. С. 171–175.
5. Питерова А. Ю. Искусственный интеллект как феномен современного общественного развития (социологический аспект) // Электронный научный журнал «Наука. Общество. Государство». 2025. Т. 13, № 3. С. 108–120. doi: 10.21685/23079525202513311

6. Резаев А. В. Двенадцать тезисов об искусственном интеллекте и искусственной социальности // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. № 1. DOI: 10.14515/monitoring.2021.1.1894

7. Сложеникина Ю. В., Мусаева А. С. Языковая репрезентация феномена искусственного интеллекта в научно-популярном дискурсе // Верхневолжский филологический вестник. 2024. № 4 (39). С. 106– 117. DOI: 10.20323/2499-9679-2024-4-39-106.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ПРОЕКТ «СЕМЬЯ» КАК МЕХАНИЗМ СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Е. Р. Каменских

Студент, Пермский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации, Пермь, Россия,
elizavetakam2007@gmail.com

Научный руководитель: Е. А. Шистерова, канд. пед. наук, доцент,
Пермский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации, Пермь, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению национального проекта «Семья» как механизма социальной поддержки семей в Российской Федерации. Данная федеральная программа представляет собой комплекс мер, направленных на улучшение благосостояния и социальной защищенности российских семей.

Основная цель проекта – укрепить институт семьи, повысить рождаемость и создать благоприятные условия для воспитания детей. Реализация проекта осуществляется посредством предоставления различных видов пособий, льгот и субсидий, а также путем реализации целевых программ в сфере здравоохранения, образования и социальной защиты. Особое внимание уделяется поддержке многодетных семей, семей с детьми-инвалидами и семей, находящихся в трудной жизненной ситуации.

Эффективность реализации национального проекта «Семья» оценивается на основе ряда показателей, включая динамику рождаемости, снижение уровня бедности среди семей с детьми, улучшение показателей здоровья детей и повышение уровня удовлетворенности семей качеством жизни. Проект «Семья» является важным элементом государственной социальной политики, направленной на обеспечение благополучия и процветания российских семей.

Ключевые слова: Национальный проект «Семья», материнский капитал, единое пособие, механизм поддержки семей

THE NATIONAL FAMILY PROJECT AS A MECHANISM OF SOCIAL SUPPORT FOR FAMILIES IN THE RUSSIAN FEDERATION

E. R. Kamenskikh

Student, Perm Branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation, Perm, Russia,
elizavetakam2007@gmail.com

Scientific supervisor: E. A. Shisterova, Candidate of Pedagogic Sciences,
Associate Professor, Perm Branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation, Perm, Russia

Abstract. This article is devoted to the study of the national project «Family» as a mechanism of social support for families in the Russian Federation. This federal program is a set of measures aimed at improving the well-being and social security of Russian families.

The main goal of the project is to strengthen the institution of the family, increase the birth rate and create favorable conditions for raising children. The project is implemented through the provision of various types of benefits, benefits and subsidies, as well as through the implementation of targeted programs in the field of health, education and social protection. Special attention is paid to the support of large families, families with disabled children and families in difficult situations.

The effectiveness of the implementation of the national Family project is assessed on the basis of a number of indicators, including the dynamics of the birth rate, reducing poverty among families with children, improving children's health and increasing family satisfaction with the quality of life. The Family project is an important element of the state social policy aimed at ensuring the well-being and prosperity of Russian families.

Keywords: The national project «Family», maternity capital, unified benefit, mechanism of family support

С 1 января 2025 г. в России реализуется национальная программа «Семья», представляющая собой основной инструмент государственной поддержки семей. Ее цель – добиться улучшения демографической ситуации посредством системного и продолжительного воздействия, сочетающего материальную поддержку, развитие социальной инфраструктуры для семей и популяризацию традиционных семейных ценностей. Национальный проект «Семья» представляет собой важный инструмент социальной поддержки семей в Российской Федерации, который призван обеспечить всестороннюю помощь российским семьям, способствуя увеличению рождаемости и укреплению института семьи [1].

Изучение национального проекта «Семья» как инструмента государственной помощи семьям позволяет выявить его сильные и слабые стороны, провести оценку действующих мероприятий, а также сформулировать предложения по их оптимизации. Поэтому можно сказать, что данное исследование является актуальным, учитывая потребность в реализации стратегических задач, направленных на улучшение демографической ситуации в России.

Объектом исследования является непосредственно национальный проект «Семья», а также предусмотренные им меры социальной поддержки.

Развитие демографической и семейной политики в Российской Федерации на протяжении последних десятилетий носит системный и прогностический характер.

В середине первого десятилетия XXI в. страна столкнулась со значительными социально-экономическими трудностями, ставшими следствием финансового кризиса 1998 г. В частности, примерно 25 % граждан проживали за чертой бедности. Кроме того, в период с 1998 по 2005 г. был зарегистрирован минимальный за всю историю наблюдений суммарный коэффициент рождаемости, составивший от 1,2 до 1,34. Таким образом, к 2005 г. существовавшая система мер социальной поддержки требовала существенного расширения и обновления.

Ключевым изменением стало введение в 2006 г. материнского (семейного) капитала (МСК) – целевой выплаты, зачисляемой на счет семьи при рождении второго (с 2020 г. – и первого) ребенка и предназначенной для использования по строго определенным законом направлениям [2].

В числе современных механизмов поддержки семей сегодня ключевую роль играет единое пособие, введенное с 2023 г. [3]. Оно объединяет несколько ранее существовавших выплат, включая:

- пособия для беременных, вставших на учет до 12 недель;
- выплаты на детей до 3 лет, от 3 до 7 лет, от 8 до 17 лет;
- единовременные региональные выплаты при рождении ребенка.

Для получения единого пособия в 2025 г. необходимо соответствовать следующим критериям:

1. Совокупный доход на каждого члена семьи не должен превышать величину прожиточного минимума, установленного в конкретном регионе на душу населения.

2. Трудоспособные члены семьи должны осуществлять трудовую деятельность. Исключением являются случаи, когда отсутствие работы обусловлено уважительными причинами, такими как уход за несовершеннолетними детьми, инвалидами, прохождение военной службы по призыву или официальный статус безработного.

3. Каждый совершеннолетний член семьи за период в 12 месяцев, предшествующих месяцу подачи заявления на пособие, должен иметь доход, составляющий не менее четырехкратного минимального размера оплаты труда (МРОТ).

Размер пособия зависит от прожиточного минимума в регионе и степени нуждаемости семьи: базовый размер – 50 % прожиточного минимума на ребенка; 75 % – если 50 % не хватает для достижения прожиточного минимума на душу населения; 100 % – если даже 75 % не покрывают разницу.

История реализации национального проекта «Семья» показывает поступательное развитие демографической и семейной политики в России, эволюцию государственных приоритетов, отражающих современные тенденции и вызовы, а также стремление обеспечить устойчивое социальное и демографическое развитие страны через поддержку института семьи на всех этапах ее жизненного цикла. Можно отметить важность комплексного подхода, который охватывает не только материальную поддержку семей, но и улучшение качества медицинского обслуживания, образования и социальной инфраструктуры. Важно продолжать адаптировать меры государственной поддержки с учетом меняющихся демографических реалий и потребностей граждан, чтобы обеспечить стабильное и гармоничное развитие страны.

Реализация национального проекта «Семья» опирается на разветвленную систему нормативно-правовых актов, сформировавшихся как на федеральном, так и на региональном уровне. Задача создания эффективной и последовательной правовой базы для поддержки института семьи и защиты прав ребенка на протяжении последних лет находилась в центре внимания российского государства. Ключевым документом, определяющим вектор государственной политики в отношении семьи, является Конституция Российской Федерации, в которой закреплено положение о том, что семья, материнство и детство находятся под защитой государства (ст. 38 и 7) [4].

Национальный проект «Семья» реализует комплексный подход к вопросам семейной политики, основанный на внедрении современных инструментов социальной поддержки, усилении межведомственного и регионального взаимодействия, а также четкой ориентации на конкретный социально-демографический результат. При этом семья выступает центральным объектом данного проекта, что подразуме-

васт направленность всех мероприятий и инициатив на улучшение условий жизни, поддержку и развитие именно семейных структур в российском обществе.

Таким образом, национальный проект «Семья» выступает действенным инструментом государственной поддержки российских семей. Данная инициатива, реализуемая в рамках федеральной политики, нацелена на укрепление института семьи и улучшение условий жизни граждан. Эффективная реализация национального проекта «Семья» способствует повышению рождаемости, снижению уровня бедности среди семей с детьми, укреплению семейных ценностей и улучшению демографической ситуации в стране. Анализ результатов реализации проекта демонстрирует его значимую роль в формировании устойчивой системы социальной поддержки семей в Российской Федерации.

Библиографический список

1. Национальный проект «Семья» : офиц. сайт: URL: <https://национальныепроекты.рф/new-projects/semya/> (дата обращения: 28.11.2025).
2. Авдеев Ю. А. Какая демографическая политика нужна России // Уровень жизни населения регионов России. 2025. Т. 21, №. 1. С. 12–27.
3. О государственных пособиях гражданам, имеющим детей : федер. закон от 19.05.1995 № 81-ФЗ, ред. от 28.11.2025 // Сайт «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6659/ (дата обращения: 28.11.2025).
4. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Сайт «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/sys/condition/> (дата обращения: 28.11.2025).

ОСНОВНЫЕ ВЕХИ РАЗВИТИЯ КРИМИНАЛИСТИКИ: КО ДНЮ РОССИЙСКОЙ НАУКИ

П. А. Корж

Ст. преподаватель, Западно-Уральский институт экономики и права,
Пермь, Россия, korzh2006@gmail.com

Аннотация. В статье дается краткое описание истории криминалистики как науки. Отражены две ключевые причины возникновения криминалистики: развитие науки и техники и переход судебного процесса с инквизиционного на состязательный. Отмечены ключевые элементы развития криминалистики в Европе и в России, названы ученые, внесшие серьезный научный вклад в криминалистику. Отмечены основные современные тенденции развития криминалистики.

Ключевые слова: криминалистика, история криминалистики, бертильонаж, судебная фотография.

MAIN MILESTONES IN THE DEVELOPMENT OF CRIMINALISTICS SCENE: FOR RUSSIAN SCENE DAI

P. A. Korzh

Senior Lecturer, West Ural Institut of Economics and Law,
Perm, Russia, korzh2006@gmail.com

Abstract. The article provides a brief description of the history of criminalistics as a science. Two key reasons for the emergence of criminalistics are reflected: the development of science and technology and the transition of the judicial process from inquisitorial to adversarial. The key elements of the development of criminalistics in Europe and Russia are noted, and scientists who have made a serious scientific contribution to criminalistics are named. The main modern trends in the development of criminalistics are noted.

Keywords: criminalistics, history of criminalistics, bertillonage, forensic photography

Несмотря на то что преступность и борьба с ней существовали на протяжении всей истории человечества, криминалистика – наука относительно молодая. Она возникла в конце XIX в. Ее появлению способствовали две ключевые причины.

Во-первых, что отмечается всеми исследователями, это, безусловно, стремительное развитие науки и техники. Значительная часть научных открытий стала передаваться на нужды криминалистики. Так, развитие химии повлекло за собой создание судебной токсикологии, а медико-биологические исследования крови тут же оказались востребованными для целей расследования преступлений. Причем практически во всех аспектах: обнаружение, в том числе на замкнутых и застиранных по-

верхностях, дифференциация крови человека и животных, установление групповой принадлежности по системе АВ0 и т. д.

Естественно, что многие ученые помогали внедрять в практику расследования и раскрытия преступлений свои разработки. Так, великий русский химик, технолог и разведчик Д. И. Менделеев стал одним из основоположников технико-криминалистического исследования документов. Кроме того, он регулярно привлекался в качестве эксперта-химика, токсиколога. А многие просто полностью переходили в криминалистику и направляли свой творческий потенциал именно на дело борьбы с преступностью. В этом ключе необходимо отметить Евгения Фёдоровича Буринского, техника по образованию, технического редактора журнала «Всемирная иллюстрация». Увлечшись по заданию редакции фотографией, Е. Ф. Буринский в последующем полностью посвятил себя именно фотографии судебной, основав в 1889 г. за свой счет судебно-фотографическую лабораторию при Санкт-Петербургском окружном суде. Е. Ф. Буринский развил исследовательскую и запечатлевающую фотографию, внес большой вклад в технико-криминалистическое исследование документов, положил начало научному почерковедению.

Второй важной предпосылкой появления криминалистики стал переход от обвинительного, инквизиционного уголовного процесса к процессу состязательному.

На протяжении предшествующей истории человечества основным методом расследования и раскрытия преступлений был сыск (или, по-современному, – оперативно-розыскная деятельность). Задерживая преступника, сыщик оформлял как доказательства результаты своих оперативно-розыскных мероприятий, в том числе, естественно, и негласных, после чего получались признательные показания. Причем пытки в этих целях не только не возбранялись, но и законодательно предполагались. Так, в 1864 г. Министерство юстиции России разослало запрос губернским прокурорам с вопросом «Какое из орудий пытки более устрашает преступников – кнут или плеть?» [1, с. 23]. Состязательный же процесс требовал подтверждения вины доказательствами, добытыми гласными и публичными мероприятиями, с участием понятых, получившими у нас название следственных действий. Результаты же оперативно-розыскных мероприятий из списка допустимых доказательств исключались.

Таким образом, уже требовалось тщательнее подходить, например, к осмотру места происшествия, изучая его не только с целью максимально быстрой поимки преступника, но и с целью поиска, обнаружения и изъятия в гласном порядке различных следов и, как следствие, их дальнейшего исследования, что уже требовало соответствующей технической подготовки следователя и привлечения к процессу расследования соответствующих специалистов. Все это выводило процесс расследования преступления на совершенно иной технологический и профессиональный уровень.

Соответственно, обе вышеуказанные предпосылки послужили основой появления новой системы научного знания, объединяющей предыдущий юридический опыт расследования и раскрытия преступлений с новейшими достижениями технических и естественных наук.

И первым, кто привнес в криминалистику научные методы познания, по праву принято считать Альфонса Бертильона. Выросший в семье ученых, но не получивший даже нормального школьного образования, А. Бертильон в 1881 г., служа писа-

рем в Парижской префектуре полиции, предложил способ идентификации лиц при помощи антропометрического метода, основанного на том, что N-е количество измерений человеческого тела будет строго индивидуальным. Антропометрический метод А. Бертильона, который вскоре начали именовать бертильонажем, быстро получил распространение, был принят и в России. Но просуществовал недолго. Еще перед Первой мировой войной он был вытеснен дактилоскопией, которая оказалась более простой, удобной и, главное, более надежной системой. Кроме того, дактилоскопия позволяет не только регистрировать лиц, попадающих в орбиту интересов правоохранительных органов, но и изымать следы лиц непосредственно с места происшествия. Иными словами, идентификация становилась возможной еще до поимки преступника. И по настоящее время дактилоскопия остается основным способом идентификации и регистрации лиц, несмотря на появление новых методов (генотипоскопия, одорология и т. д.).

Несмотря на то что бертильонаж просуществовал недолго, имя А. Бертильона осталось вписанным первым номером в историю именно науки криминалистики. Причем, помимо разработки антропометрического метода, А. Бертильон отметился как основоположник словесного портрета (в дальнейшем методику усовершенствовал профессор Лозаннского университета Рудольф Рейсс), разработчик принадлежностей для сигналетической (опознавательной) и масштабной фотосъемки. В настоящее время антропометрический метод применяется как один из элементов методик фотопортретной экспертизы.

Основателем же именно криминалистики как науки принято считать австро-венгерского ученого Ганса Гросса. Он же и ввел в оборот сам термин «криминалистика». В 1893 г. было издано его «Руководство для судебных следователей, чинов жандармерии и полиции», ставшее первым учебным пособием по криминалистике. В нем, кроме вопросов сбора доказательств, последних достижений науки по их исследованию, также описывались быт и жаргон профессиональных преступников, то есть криминологические и розыскные особенности раскрытия преступлений. Руководство было широко проиллюстрировано материалами судебно-следственной практики.

Развиваясь первоначально в рамках уголовно-процессуальной науки, криминалистика со временем, накопив эмпирический материал, стала полноправной и самостоятельной системой научного познания. Если уголовный процесс изучает именно правовую сторону расследования преступлений, теорию доказательств, то криминалистика, являясь практической наукой, разрабатывает тактические и технические методы и приемы формирования доказательственной базы, расследования и раскрытия преступлений.

Значительный прорыв в развитии криминалистики как науки был сделан в советский период. И здесь нельзя обойти вниманием, пожалуй, наиболее значительную фигуру этого периода – Рафаила Самуиловича Белкина. Пройдя всю Великую Отечественную войну и проработав после нее военным следователем, Р. С. Белкин приходит в науку и очень ярко заявляет о себе. Им была разработана современная система криминалистики, предложено ее определение, поддержанное всем научным сообществом, разработана методология и философские аспекты криминалистической науки. Кроме этого, Р. С. Белкин стал основателем таких следственных дей-

ствий, как проверка показаний на месте и следственный эксперимент, которые заняли свое место в уголовно-процессуальном законодательстве РСФСР и России.

В настоящее время в системе криминалистики принято выделять четыре основных раздела: общая теория и методология, криминалистическая техника, криминалистическая тактика и криминалистическая методика. На рубеже XX и XXI вв. от криминалистики отделилась и стала самостоятельным научным знанием оперативно-розыскная деятельность [2, с. 31]. В настоящее время ведутся дискуссии о необходимости выделения из криминалистики науки судебной экспертизы, поскольку судебно-экспертная деятельность переросла уголовный процесс и широко используется в гражданском, арбитражном и административном процессе.

Также криминалистика активно помогает ученым других специальностей, чаще всего историкам и искусствоведам, например в вопросах атрибуции. Так, удалось разрешить спор искусствоведов и филологов-лермонтоведов по портрету неизвестного лица. Фотопортретная экспертиза, проведенная в НИИ криминалистики, установила, что на портрете изображен именно М. Ю. Лермонтов. Также почерковедческая экспертиза найденных в итальянском монастыре нот «Времени года» позволила установить, что они принадлежат перу именно А. Вивальди.

Таким образом, криминалистика активно развивается, создает новые системы научного знания, и этот процесс не имеет пределов своего развития. Появляются новые преступления, как следствие, необходимо изучать их закономерности, разрабатывать эффективные методики их расследования, раскрытия и предупреждения. Развиваются технические, точные, естественные и гуманитарные науки, поставляя криминалистике новый технический инструментарий. Так, например, активно развивается так называемый молекулярный фотофитинг – составление композиционного портрета на основе ДНК, выделенной из биоматериалов [3, с. 18–20].

И День криминалиста, отмечаемый в день создания кабинета судебной экспертизы при Центральном управлении уголовного розыска РСФСР 1 марта 1919 г., празднуемый через три недели после Дня российской науки, косвенно подтверждая тесную связь криминалистики со всей системой научного познания мира.

Библиографический список

1. Крылов И. Ф. В мире криминалистики. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1980. 280 с.
2. Оперативно-розыскная деятельность / под ред. К. К. Горяинова, В. С. Овчинского и др. М.: ИНФПА-М, 2004. 848 с.
3. Дергай Г. Б. Молекулярный фотофитинг – перспективное направление диагностических исследований в криминалистике // Криминалистическое обеспечение расследования преступлений: проблемы, перспективы и инновации : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 45-летию каф. криминалистики юрид. фак. БГУ. Минск, 2017. С. 18–20.

ИНТЕРНЕТ-ЗАВИСИМОСТЬ ДЕТЕЙ-ПОДРОСТКОВ

Н. В. Кочура

Ст. преподаватель, Пермский гуманитарно-технологический колледж,
Пермь, Россия, kochura.natulya@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена проблема зависимости от интернета детей подросткового возраста и предложены возможности решения этой проблемы. Проведен анализ социально-психологических исследований, посвященных анализу этой проблемы среди подростков. Представлены результаты психодиагностики и предложены пути решения данной проблемы.

Ключевые слова: интернет-зависимость, подростки, психическое здоровье, физическое здоровье, взрослые, социальные сети

INTERNET ADDICTION IN TEENAGERS

N. V. Kochura

Senior Lecturer, Perm College of Humanities and Technology,
Perm, Russia, kochura.natulya@mail.ru

Abstract. The article examines the problem of Internet addiction among adolescents and suggests possible solutions to this problem. It analyzes socio-psychological studies devoted to this problem among adolescents. The results of psychological testing are presented and ways to solve this problem are suggested.

Keywords: internet addiction, teenagers, mental health, physical health, adults, social networks

В век прогрессивности и избытка информации социальной сети сейчас «заполонили» повсеместно нашу жизнь. Мне, как маме ребенка-подростка, эта тема очень близка. Кроме того, я являюсь преподавателем, работаю с подростками, и могу каждый день наблюдать, как социальной сети влияют на наших с вами детей. Несомненно, их влияние не только отрицательное, но и положительное.

Актуальность темы обусловлена:

- 1) масштабным проникновением цифровых технологий в жизнь подростков;
- 2) неоднозначностью влияния соцсетей на психическое и физическое здоровье;
- 3) необходимостью выработки стратегий безопасного цифрового поведения;

Цель – комплексно проанализировать влияние социальных сетей на подростков, выявить ключевые риски и возможности, предложить практические рекомендации.

Конечно, используя соцсети, мы можем не только деградировать, но и развиваться. С их помощью мы можем узнать разные новости, рецепты, полезные советы, пообщаться с родными. Но это мы, взрослые. А как же наши с вами дети? Наблюдая

вокруг сутулые фигуры подростков, которые «скрючились» над телефонами, я поняла, что выбор темы моего исследования сейчас очень актуален.

Задачи исследования:

- 1) определить функции и роль соцсетей в жизни подростков;
- 2) выделить позитивные и негативные аспекты их воздействия;
- 3) разработать рекомендации для подростков, родителей и педагогов.

Понятие и функции социальных сетей. Социальные сети – онлайн-платформы, предназначенные для:

- 1) построение и поддержание социальных сетей;
- 2) обмена информацией и медиаконтентом;
- 3) самовыражения и самопрезентации;
- 4) участие в тематических сообществах [1, с. 9].

Да, влияние соцсетей на нашу жизнь, бесспорно, важно. Но надо каждому определиться: для чего он берет снова и снова телефон в руки и обращается к соцсетям. Я, как простой «обыватель», «сiju» не на многих платформах. В «вк», «одноклассниках», «име», «телеграм» – для общения; «макс» – также для работы, «Яндекс», «Гугл» – для поиска информации, чтения новостей, а также для работы, всевозможные рабочие чаты; приложения «Транспорт» и «Магнит» и т. д. – для организации жизни; «ВБ», «Озон» – для души.

А на каких же платформах проводят время наши с вами дети? И с какой целью они это делают? Не заменяют ли им платформы реальную жизнь и не создают ли «иллюзию общения»?

Популярные платформы среди подростков (2025 г.):

- 1) Telegram (6,9 млн);
- 2) TikTok (5,8млн);
- 3) VK (5,2 млн);
- 4) Likee (395 тыс).

Ключевые функции:

- 1) коммуникативная (общение, мессенджеры);
- 2) информационная (новости, образовательный контент);
- 3) развлекательная (видео, мемы, игры);
- 4) профессиональная (поиск работы).

Как показывают данные, наши дети больше проводят времени на развлекательных платформах.

Далее мы видим, какие ключевые функции выполняют данные платформы. На первом месте – коммуникативная функция, то есть функция общения. Подростки чаще всего общаются в мессенджерах. Порой можно наблюдать такую картину: подростки сидят на улице и, не разговаривая друг с другом, пишут друг другу в мессенджерах, хотя собеседники сидят рядом (% опрошенных).

Информационную функцию подростки используют реже, нежели коммуникативную (% опрошенных). Дети используют платформы прежде всего для учебы. Такие платформы, как Эпос, Яндекс-учебник, Учи.ру, используют ученики 1–11 классов. При помощи Эпоса дети могут узнать домашнее задание, а родители – текущую успеваемость своих детей. Существует такое мнение, что сама школа «подсаживает» учеников на интернет, давая им многие задания онлайн. В настоящее время, к при-

меру, в образовании активно внедряется платформа «Макс». Многие родители категорически против данной платформы. Их отрицание понятно. Сначала был электронный журнал web2, потом Эпос. Потом всех повсеместно переводили в Сферум и ВК-мессенджер. Сейчас же – это «Макс». Да, платформа неплохая. Но немного непонятна эта череда сменяющих друг друга платформ. Это не только мое субъективное мнение как родителя. Многие родители думают так же.

Но нельзя не отметить позитивное влияние социальных сетей. Еще в недалеком прошлом мы не могли представить себе такую картину: что любую информацию можно найти буквально за 5 секунд, что весь мировой опыт и знания сконцентрированы в одном месте. А что же с подростками? Какие значительные возможности открывают социальные сети перед ними?

Социальные сети открывают перед подростками значительные возможности: расширение круга общения, поддержание связей с друзьями и семьей, знакомство с новыми людьми по интересам. Социальные сети также могут выступать в качестве:

1. Образовательного ресурса, с помощью которого можно получать доступ: к обучающим видео и курсам, научным сообществам, языковым обменам, материалам для подготовки к экзаменам.

2. Пространства для творчества: публикация собственных произведений (стихи, рисунки, музыка, видео), получение обратной связи.

3. Ресурса для самореализации и карьеры: ведение блога, участие в волонтерских проектах, построение личного бренда, знакомство с профессиями.

4. Ресурса для развития цифровых навыков: освоение инструментов создания контента, формирование критического мышления при работе с информацией, овладение основами кибербезопасности.

Если вырисовывается такая картина, почему же взрослые против телефонов в руках подростков? Почему мы ограничиваем детям пребывание в интернете и забираем телефон из рук? Почему сейчас увеличивается количество преступлений, совершенных несовершеннолетними из-за влияния интернета и игр? Почему подростки могут взять оружие, нож, ручку и кинуться на своих же одноклассников или учителей так, как это делают герои в компьютерных играх? Может всё-таки отрицательного воздействия интернета больше, чем положительного?

Рассмотрим негативное влияние и риски чрезмерного использования интернета, в частности социальных сетей.

1. Психологические риски:

- 1) цифровая зависимость (навязчивое желание проверять уведомление, страх пропустить что-то важное);

- 2) снижение самооценки (сравнение себя с «идеальными» образами, публикуемыми другими пользователями);

- 3) кибербуллинг (травля, оскорбления, распространение слухов в онлайн-среде);

- 4) социальная изоляция (подмена живого общения виртуальным, уменьшение навыков офлайн-взаимодействия);

- 5) формирование клипового мышления (привыкание к фрагментарной информации, снижение способности к глубокой концентрации).

2. Физические последствия:

- 1) ухудшение зрения (синдром «сухого глаза», снижение остроты зрения из-за длительной работы с экраном);
- 2) нарушение осанки («текстовая шея», боли в спине из-за неправильной позы при использовании гаджетов);
- 3) проблемы со сном (нарушение циркадных ритмов из-за позднего скроллинга, воздействие синего света экрана);
- 4) гиподинамия (снижение физической активности, риск набора веса);
- 5) переутомление (длительное напряжение глаз и мышц).

3. Информационные угрозы:

- 1) фейки и дезинформация (доверчивость к недостоверным источникам, сложность верификации информации);
- 2) манипуляции и мошенничество (втягивание в сомнительные сообщества, финансовые аферы);
- 3) утечка персональных данных (неосторожное размещение личной информации – адрес, номера телефон, место учебы).

И это еще не весь список тех потенциальных угроз, которые подстерегают наших детей при чрезмерном использовании интернета. Если снова вернуться к статистике, то можно заметить, что цифры неутешительные. Приведем данные статистики за 2024 г.:

- 1) 70 % школьников признают, что соцсети отвлекают от учебы;
- 2) 45 % подростков испытывают тревогу при отсутствии доступа к телефону;
- 3) 30 % сталкивались с кибербуллингом;
- 4) 60 % сравнивают свою жизнь с «идеальными» постами знакомых [2, с. 12].

Что нам, взрослым, делать в этой ситуации? Как помочь нашим детям справиться с этими проблемами? Как им помочь разобраться в этом вопросе? Неужели можно применить только кардинальные меры? Например, забирать телефон, ставить ограничения на время пользования телефоном и интернетом. Неужели надо идти на конфликт с ребенком, если он постоянно «сидит» в телефоне? Что же нам советуют психологи, педагоги, которые компетентны в этом вопросе? Какие могут дать практические рекомендации?

Практические рекомендации для подростков (при использовании телефона и интернета):

- 1) установить таймер на использование соцсетей (например, 1 час в день);
- 2) практиковать «цифровые выходные» – полные перерывы от соцсетей раз в неделю;
- 3) проверять достоверность информации перед ее распространением;
- 4) использовать настройки приватности и блокировать агрессивных пользователей;
- 5) делать перерывы каждые 30 минут, выполнять гимнастику для глаз и спины;
- 6) ограничить ночные сессии (не пользоваться гаджетами за 1 час до сна).

Что же посоветовать родителям в ситуации, когда их ребенок сильно зависит от телефона и ведет себя агрессивно и неадекватно:

- 1) вести открытый диалог о рисках и преимуществах соцсетей без осуждения;
- 2) организовать совместные офлайн-активности (прогулки, хобби, семейные мероприятия);
- 3) использовать инструменты родительского контроля для ограничения времени и контента;
- 4) быть примером здорового цифрового поведения (не листать ленту во время общения);
- 5) обсуждать с ребенком его онлайн-опыт, помогать распознавать опасные ситуации.

Все мы отлично помним, что на законодательном уровне решился вопрос, который ограничивал употребление гаджетов во время учебного процесса. К сожалению, не все учебные заведения выполняют эти предписания. Страдают, конечно, от этого учителя и преподаватели. Ученики и студенты не хотят сдавать свои гаджеты в начале занятий и продолжают пользоваться телефоном во время урока. Больше всего вызывает возмущение, когда ученики списывают задание с интернета, а творческие задания выполняют при помощи ИИ или сайта ChatGPT. Что же в этом случае можно посоветовать всем образовательным учреждениям? Полагаем, будут актуальны такие рекомендации:

- 1) вводить уроки цифровой грамотности в школьную программу;
- 2) проводить тренинги по медиабезопасности и критическому мышлению;
- 3) создавать кружки по созданию полезного контента (видео, блогинг, программирование);
- 4) организовывать дискуссии о влиянии соцсетей на психическое здоровье;
- 5) сотрудничать с психологами для выявления случаев кибербуллинга [1, с. 13].

Какие можно подвести итоги ко всему вышесказанному и вышеописанному? Какие можно ввести правила для школ, родителей, а прежде всего для самих себя? Ведь дети – наше отражение и часто копируют наше с вами поведение.

Базовые принципы безопасного поведения:

- 1) не публиковать личные данные (адрес, телефон, место учебы);
- 2) использовать сложные пароли и двухфакторную аутентификацию;
- 3) ограничивать круг друзей в соцсетях – добавлять только знакомых людей;
- 4) быть осторожным с переходами по ссылкам и вложениям;
- 5) соблюдать «цифровой этикет»: не оскорблять, не распространять слухи, уважать чужое мнение;
- 6) регулярно очищать перечень подписок на ненужный контент;
- 7) использовать темную тему в вечернее время;
- 8) обсуждать тревожные ситуации с доверенными взрослыми;
- 9) настраивать уведомления – отключать лишние, чтобы снизить отвлекающие факторы;
- 10) проверять источники информации через фактчекинговые сервисы [3, с. 8].

Социальные сети – это мощный инструмент, который может как способствовать развитию подростка, так и нести серьезные риски.

Ключевыми факторами безопасного использования являются:

- 1) осознанность и самоконтроль;
- 2) цифровая грамотность;

- 3) поддержка со стороны взрослых;
- 4) баланс между онлайн и офлайн-активностью.

Подводя итог, можно сделать следующие выводы. Позитивное влияние соцсетей проявляется в расширении коммуникационных возможностей, доступ к знаниям и пространству для творчества. Основными рисками чрезмерного пользования соцсетями выступают цифровая зависимость, кибербуллинг, снижение самооценки, физические проблемы со здоровьем. Представляется возможным минимизировать угрозы посредством формирования критического мышления, развития навыков живого общения, соблюдения правил цифровой гигиены, своевременное обращения за помощью при возникновении проблем.

Для достижения положительного эффекта необходимо системное взаимодействие подростков, родителей и образовательных учреждений. Только комплексный подход позволит использовать потенциал соцсетей для личностного роста, минимизируя негативные последствия.

Библиографический список

1. Николаева Э. Ф., Румянцева С. С. Интернет-зависимость подростков как информационно-психологическая угроза // Балканское научно обозрение. 2019. Т. 3, № 1(3). С. 82–84.
2. Коваленко С. В., Маковецкая А. Д., Тюстина Г. Г. Исследование интернет-зависимости подростков в условиях образовательной среды как фактора психологической безопасности личности // Мир науки. Педагогика и психология. 2022. Т. 10, № 5.
3. Солдатова Г. У., Илюхина, С.Н. Аутодеструктивный онлайн-контент: особенности оценки и реагирования подростков и молодежи // Консультативная психология и психотерапия. 2021. Т. 29, № 1. С. 66–91. DOI: 10.17759/cpp.2021290105.
4. Зарецкая О. В. Компьютерная и интернет-зависимость: анализ и систематизация подходов к проблеме // Психолого-педагогические исследования. 2017. Т. 9, № 2. С. 145–165. DOI: 10.17759/psyedu.2017090213
5. Лысак И. В. Компьютерная и интернет-зависимость: эволюция подходов к исследованию проблемы // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 4 (65). С. 206–209.
6. Киселёва Т. Г. Индивидуальные особенности подростков, предрасположенных к интернет-зависимости // Вестник КГУ. Педагогика. Психология. Социокинетика. 2017. № 3. С. 46–50.

СЕРВИТУТЫ: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ

Н. Д. Кузнецов

Магистрант, Московский финансово-промышленный
университет «Синергия», Москва, Россия, kuznetsov-nikita98@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматривается понятие сервитута – права ограниченного пользования чужим земельным участком. Автор прослеживает эволюцию этого правового института с античных времен, уделяя особое внимание его зарождению в римском праве, где сервитуты изначально подразделялись на два вида: личные и предialные (земельные). В российском правовом поле сервитут получил полноценное развитие лишь в XIX в. В работе представлено современное определение сервитута, а также проведен детальный анализ соответствующих норм действующего гражданского и земельного законодательства Российской Федерации. Можно классифицировать сервитуты по трем ключевым показателям: по длительности пользования, содержанию предоставляемых прав, условиям оплаты. В ходе исследования выявлена существенная законодательная лакуна: отсутствует четкое регулирование порядка инвестирования компенсационных выплат за сервитуты, установленные на земельных участках сельскохозяйственного назначения. В заключительной части статьи автор формулирует предложения по совершенствованию правового регулирования в данной сфере, частности, обосновывает необходимость разработать более детализованную классификацию видов сервитутов, разграничить понятия частных, публичных и смешанных сервитутов, закрепив их дефиниции в законодательстве.

Ключевые слова: земля, сервитут, виды сервитутов, классификация сервитутов, предialные сервитуты

EASEMENT: CONCEPT AND TYPES

N. D. Kuznetsov

Master's student, Moscow University of Finance and Industry» “Synergy”,
Moscow, Russia, kuznetsov-nikita98@yandex.ru

Abstract. This article discusses the concept of an easement, which is the right of limited use of someone else's land. The author traces the evolution of this legal institution since ancient times, paying special attention to its origin in Roman law, where easements were initially divided into two types: personal and predial (land). In the Russian legal field, the easement was fully developed only in the 19th century. The paper presents a modern definition of an easement, as well as a detailed analysis of the relevant norms of the current civil and land legislation of the Russian Federation. Easements can be classified according to three key indicators: by duration of use, by the content of the rights granted, and by the terms of payment. The study revealed a significant legislative gap: there is no clear regulation of the procedure for investing compensation payments for easements established on agricultural land. In the final part, the author formulates proposals for improving legal regulation in this area. In particular, he argues for the need to develop a more de-

tailed classification of types of easements, to distinguish between the concepts of private, public and mixed easements, fixing their definitions in legislation.

Keywords: land, easement, types of easements, classification of easements, predialeasements

В сфере управления земельными ресурсами наблюдается ряд существенных проблем, в качестве наиболее важных можно выделить следующие:

- низкая эффективность землевладения и землепользования;
- необоснованный уровень земельных платежей;
- значительная доля не востребуемых земель, которые не могут быть вовлечены в хозяйственный оборот.

Причины последней проблемы разнообразны: от сложностей с оформлением прав на земельные участки до административных ограничений на ведение деятельности. Эти факты указывают на наличие противоречий в системе земельных отношений и несовершенство механизмов управления земельными ресурсами. Эффективность регулирования земельных правоотношений определяется тем, насколько они отвечают актуальным общественным потребностям. В этом контексте особое внимание в профессиональном сообществе – как среди ученых-правоведов, так и среди практикующих юристов – привлекает институт сервитута (права ограниченного пользования чужим объектом недвижимости). Сервитут рассматривается как один из возможных инструментов решения проблемы вовлечения недвижимого имущества в гражданский оборот. Несмотря на возрастающую значимость формирования соответствующей правовой системы, действующее законодательство демонстрирует недостаточную степень регламентации данного института.

За последние десятилетия законодательство о вещных правах на недвижимое имущество – включая право ограниченного пользования земельным участком (сервитут) – подверглось масштабной трансформации. Итогом реформ стало формирование целостной системы регулирования оборота объектов недвижимости [5].

Ключевую роль в этом процессе сыграл Земельный кодекс РФ, который закрепил за физическими и юридическими лицами право приобретения земельных участков в собственность, установил основополагающий принцип единства судьбы земельных участков и расположенных на них объектов недвижимости.

Такая конструкция вещных прав обеспечивает гражданам и организациям возможность эффективно реализовывать свои имущественные и экономические интересы в отношении земельных участков, зданий, строений и сооружений.

В контексте истории сервитут берет свое начало в римском праве, где они подразделялись на два основных вида:

- личные сервитуты – представлялись в пользу конкретного лица;
- предиальные сервитуты – устанавливались в интересах собственника или пользователя определённого объекта недвижимости.

В рамках личных сервитутов выделялись следующие правоспособности:

- пользование чужой вещью с правом извлечения плодов при сохранении ее сущности;
- пользование вещью без права получения выгоды;
- пожизненное проживание в чужом жилом помещении;
- использование рабочей силы раба или животного [5].

Основная функция предиальных сервитутов заключалась в компенсации недостающих объекту недвижимости полезных свойств и качеств. При этом главным условием их установления было соседство двух участков:

- господствующего (в пользу которого устанавливался сервитут);
- служащего (на который возлагалось обременение).

Классификация предиальных сервитутов в римском праве:

- 1) положительные – предоставляли право использовать служащее строение как опору для господствующего объекта;
- 2) отрицательные – запрещали вносить в служащий участок изменения, способные ухудшить пользование господствующим участком.
- 3) дорожные – разрешали проход, проезд, провоз грузов, прогон скота через соседний участок;
- 4) водные – давали право проводить воду с соседнего участка или черпать её на нём.

Эти принципы римского права до сих пор служат основой для понимания природы сервитутных отношений как ограниченного права пользования чужим земельным участком в строго определенных целях.

Российская правовая система унаследовала концепцию сервитутов именно от римских предиальных сервитутов.

В дореволюционный период проект Гражданского уложения (ст. 61) закреплял право собственника изолированного имения требовать от соседей предоставления участка под дорогу для доступа и хозяйственного использования.

В документе подчеркивались:

- принцип справедливости как основа сервитутных отношений;
- государственный интерес в недопущении простаивания земель, поскольку благосостояние частных хозяйств рассматривалась как составная часть общегосударственного благополучия. Эта цель сохраняет актуальность и сегодня.

В конце XIX в. в Российской империи:

- активно формировалась судебная практика по спорам, связанным с сервитутами;
- в своде законов закреплялись нормы о праве участия в пользовании чужим имуществом.

Официальное введение термина «сервитут» в российское законодательство произошло благодаря «Положению о нотариальной части» (утверждено 4 апреля 1886 г. Александром II), вошедшему в состав Судебных уставов.

Однако отсутствие общих положений о сервитутах, четкой классификации их видов, эффективных механизмов защиты прав приводило к многочисленным спорам и разночтениям в правоприменении.

Анализ дореволюционного российского гражданского законодательства в сфере сервитутов позволяет сделать вывод о его недостаточной эффективности.

Одними из главных проблем выступали:

- отсутствие системной нормативной базы;
- неопределенность правовых механизмов;
- пробелы в регулировании процедур установления и защиты сервитутных прав.

В современном понимании сервитута особое внимание заслуживают исследования И. В. Афанасьева, предлагающего развернутое определение сервитута как:

- возникающего на основании соглашения или судебного решения;
- неотчуждаемого и бессрочного права;
- предусматривающего ограниченное пользование недвижимой вещью;
- установленного в пользу владельца другой недвижимой вещи;
- подлежащего обязательной государственной регистрации.

Согласно этой концепции сервитут выполняет две ключевые функции:

- 1) обеспечивает полноту реализации права собственности на господствующий объект;
- 2) повышает ценность господствующей вещи за счет использования служащей.

Классическая доктрина определяет сервитут как ограниченное вещное право на чужую вещь, уже находящуюся в собственности другого лица. Его специфика проявляется в двойственной природе:

- с одной стороны, это право (благо) – предоставляет правомочному лицу возможность ограниченного пользования чужим объектом;
- с другой – обременение – ограничивает правомочия собственника служащей вещи.

Действующее российское законодательство закрепляет упрощенный критерий установления сервитута как достаточного факта использования одного участка в интересах другого.

Таким образом, современная правовая модель сервитута сохраняет баланс интересов:

- обеспечивает хозяйственную целесообразность использования недвижимости;
- защищает права собственника служащего участка;
- поддерживает стабильность гражданского оборота через регистрацию и недопустимость отчуждения сервитута отдельно от господствующего объекта.

Согласно ст. 23 Земельного кодекса РФ сервитуты классифицируются по трем основным критериям.

1. По сроку действия:

- срочные – с четко определенным периодом действия (включая варианты с возможностью продления или досрочного прекращения);
- постоянные (бессрочные) – без фиксированного срока действия.

2. По содержанию прав:

- частные – устанавливаются по договору между собственником участка и конкретным лицом, чьи нужды требуют ограниченного пользования;
- в судебном порядке – если стороны не достигли соглашения;
- публичные – вводятся в общественных интересах для неопределенного круга лиц на основании федерального законодательства, законов субъектов РФ, нормативных актов органов местного самоуправления.

В контексте современных изменений в регулировании сервитутов наблюдается тенденция к трансформации норм о законных сервитутах. В частности, ст. 274 ГК РФ расширяет основания для их установления:

- строительство, реконструкция и эксплуатация линейных объектов (при условии, что это не мешает разрешённому использованию участка);
- иные потребности собственника недвижимости, которые невозможно реализовать без сервитута.

Такие изменения обусловлены экономическими факторами, однако порождают правовые коллизии.

Законодательное закрепление возможности строительства объектов придорожного сервиса через механизм частного сервитута объясняется стремлением государства обеспечить услуги для участников дорожного движения без бюджетных затрат, но при этом желанием расширить бизнес-возможности в сфере придорожного обслуживания.

При этом нормативные акты об автомобильных дорогах определяют случаи, когда сервитут признается достаточным правовым основанием для возведения сооружений.

Для гармонизации земельных отношений необходимо выделить следующие основания:

- завершить формирование механизмов регулирования сервитутных правоотношений;
- сбалансировать интересы собственников, землевладельцев и землепользователей;
- стимулировать рациональное использование земель.

Исследование правовой природы сервитутов и эволюция их классификационных критериев выступают ключевыми факторами:

- оптимизации взаимодействия между правообладателем обремененного объекта и субъектом сервитутного права;
- диверсификации целей институционализации сервитутов;
- формирования аргументированных предложений по внесению изменений в нормативно-правовые акты.

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Сайт «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142 (дата обращения: 12.12.2025).
2. Об автомобильных дорогах и о дорожной деятельности в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 08.11.2007 № 257-ФЗ. Ст. 25 // Сайт «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72386/ (дата обращения 12.12.2025).
3. О государственной компании «Российские автомобильные дороги» и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 17.07.2009 № 145-ФЗ // Сайт «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_89458/ (дата обращения: 12.12.2025).
4. Прохорова Е. И. Сервитут: Понятие, Виды, История И Перспективы // Вестник экономики и права. 2025. №. 99. С. 105–113.
5. Махт В. А., Гилёва Л. Н., Вершинин В. И Сервитутное право: возникновениеи обзор существующей практики оценки стоимости // Экономика и предпринимательство. 2024. №. 3 (164). С. 136–140.

ПРАВОВАЯ ГРАМОТНОСТЬ НАСЕЛЕНИЯ КАК ДЕТЕРМИНАНТА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ КВАРТИРНЫМ МОШЕННИЧЕСТВАМ

Ю. А. Кылосова

Студентка, Западно-Уральский институт экономики и права, Пермь, Россия,
Olgakylosova1974@gmail.com

Научный руководитель: О. М. Палкина, канд. экон. наук, доцент,
Западно-Уральский институт экономики и права, Пермь, Россия

Аннотация. В статье исследуется феномен квартирного мошенничества как одного из наиболее социально опасных и распространенных видов имущественных преступлений в России. Автор обосновывает тезис о том, что в условиях недостаточной эффективности исключительно силовых и запретительных мер ключевым фактором профилактики выступает правовая грамотность населения. Анализируются основные виды мошенничеств (с использованием поддельных документов, «черные» риелторы, манипуляции с недвижимостью недееспособных лиц и др.) и выявляются типичные правовые дефициты жертв. Доказывается, что системное повышение уровня правовых знаний и практических компетенций граждан в сфере жилищных сделок способно создать устойчивый барьер для преступных посягательств. Предлагаются направления для формирования государственной и общественной политики в области правового просвещения.

Ключевые слова: квартирное мошенничество, правовая грамотность, правосознание, профилактика преступлений, жилищные сделки, юридическая безопасность, виктимологическая профилактика

LEGAL LITERACY OF THE POPULATION AS A DETERMINANT OF COMBATING APARTMENT FRAUD

Y. A. Kylosova

Student, West Ural Institute of Economics and Law, Perm, Russia,
Olgakylosova1974@gmail.com

Scientific supervisor: O. M. Palkina, Candidate of Economics, Associate Professor,
West Ural Institute of Economics and Law, Perm, Russia

Abstract. This article examines the phenomenon of apartment fraud as one of the most socially dangerous and widespread types of property crime in Russia. The author argues that, given the ineffectiveness of forceful and prohibitive measures alone, legal literacy among the population is a key factor in prevention. The main types of fraud (using forged documents, unauthorized realtors, and property manipulation by incapacitated individuals, among others) are analyzed, and typical legal deficiencies among victims are identified. It is demonstrated that systematically improving citizens' legal knowledge and practical skills in housing transactions can create a sustainable barrier to criminal attacks. Directions for developing state and public policy in the area of legal education are proposed.

Keywords: apartment fraud, legal literacy, legal awareness, crime prevention, housing transactions, legal security, victimization prevention

Квартирное мошенничество остается серьезной угрозой социальной стабильности и безопасности граждан Российской Федерации. Несмотря на ужесточение уголовной ответственности по ст. 159 УК РФ и совершенствование методик раскрытия данных преступлений правоохранительными органами, уровень их латентности остается высоким, а ущерб – колоссальным. Традиционный репрессивный подход, фокусирующийся на наказании преступника, не решает проблему. В этой связи актуализируется виктимологический аспект – изучение поведения жертвы и факторов, повышающих риск стать объектом преступления. Центральным из таких факторов, по нашему мнению, выступает низкий уровень правовой грамотности населения в области совершения сделок с недвижимостью. Целью данной статьи является анализ взаимосвязи между уровнем правовых знаний граждан и их уязвимостью к квартирным мошенничествам, а также обоснование приоритетности правового просвещения как основного элемента системы профилактики.

Квартирное мошенничество – это умышленное хищение чужого имущества (квартиры, доли в ней, прав на нее) путем обмана или злоупотребления доверием. К основным схемам относятся:

1. Мошенничество с использованием поддельных документов и «двойников»: самая распространенная схема, при которой мошенник, представляясь собственником (или используя лицо, похожее на собственника, – «двойника»), с поддельными паспортами и документами на квартиру совершает сделку [1, с. 45].

2. Мошенничество со стороны недобросовестных риелторов и «черных» агентств: заключение кабальных агентских договоров, включение в договоры скрытых пунктов, позволяющих присвоить денежные средства или квартиру, искусственное создание долгов по коммунальным платежам для последующего давления на собственника [2, с. 112–115].

3. Мошенничество в отношении социально уязвимых групп: целенаправленный поиск одиноких пожилых людей, лиц с психическими расстройствами, граждан в тяжелом финансовом положении с целью завладения их жильем через фиктивные договоры аренды, дарения или купли-продажи под давлением [3].

4. Мошенничество с использованием IT-технологий: фишинговые сайты, имитирующие порталы госуслуг или сайты агентств недвижимости, сбор данных для подготовки поддельных документов или для социальной инженерии.

Общим знаменателем успешности этих схем является правовая неосведомленность и пассивность потерпевшего.

Правовая грамотность как защитный механизм: структурный анализ. Правовая грамотность в контексте сделок с недвижимостью – это не только знание норм права, но и комплекс практических навыков и установок, включающий:

1. Знаниевый компонент: понимание основ гражданского (ГК РФ), жилищного и семейного права; знание обязательных процедур (регистрация перехода права в Росреестре, нотариальное удостоверение в обязательных случаях, порядок проверки документов).

2. Процедурно-технологический компонент: умение проверить юридическую чистоту квартиры через общедоступные сервисы (публичная кадастровая карта, выписки из ЕГРН), верифицировать подлинность паспорта, распознать признаки мошеннических схем.

3. Поведенческий (психологический) компонент: сформированная установка на осторожность, недоверие к слишком выгодным предложениям, понимание необходимости привлечения независимых профессиональных участников (проверенного юриста, нотариуса).

Дефицит в любом из этих компонентов повышает виктимность. Например, незнание нормы об обязательной нотариальной форме сделки с долями (ст. 42 Федерального закона от 13.07.2015 № 218-ФЗ) может привести к заключению ничтожной сделки «в простой письменной форме» с мошенником [4]. Неумение запросить расширенную выписку из ЕГРН лишает возможности узнать о наличии обременений или судебных споров.

Взаимосвязь уровня правосознания и виктимизации. Эмпирические исследования и анализ судебной практики показывают прямую корреляцию. Жертвами чаще становятся:

- лица, полагающиеся на устные договоренности и не оформляющие отношения юридически;
- лица, экономящие на услугах профессиональных юристов и нотариусов, предпочитающие «сомнительно дешевые» варианты;
- лица с низкой медиаграмотностью, не пользующиеся государственными электронными сервисами для проверки информации;
- пожилые граждане, чьи правовые знания могут не соответствовать современным рыночным и технологическим реалиям.

Таким образом, правовая грамотность выступает не просто дополнением, а фундаментальным элементом личной безопасности, позволяющим гражданину перейти из пассивной роли потенциальной жертвы в активную роль субъекта, ответственно защищающего свои имущественные права.

В заключение отметим, что повышение правовой грамотности населения в сфере жилищных правоотношений является стратегической задачей, требующей консолидированных усилий государства, институтов гражданского общества и профессионального юридического сообщества. Это наиболее эффективный и экономичный способ профилактики квартирных мошенничеств «на дальних подступах».

Предлагаются следующие меры:

1. Институционализация правового просвещения: внедрение обязательных кратких образовательных модулей по основам безопасности сделок с недвижимостью в программы повышения финансовой грамотности, в системы соцобслуживания для пожилых граждан.

2. Развитие публично-правовых цифровых сервисов: создание и агрессивное продвижение (через МФЦ, портал Госуслуг) интерактивных «контрольных чек-листов» для продавцов и покупателей недвижимости, онлайн-симуляторов типовых мошеннических схем.

3. Поддержка просветительских инициатив: государственное субсидирование проектов НКО, юридических клиник, направленных на правовое консультирование социально незащищенных слоев населения по жилищным вопросам.

4. Сотрудничество с профессиональными сообществами: нотариатом и риелторами в рамках их социальной ответственности для массового распространения простых и понятных памяток и инфографики.

Только формируя «иммунитет» общества к правовому невежеству, можно создать устойчивую среду, в которой возможности для реализации квартирных мошеннических схем будут сведены к минимуму.

Библиографический список

1. Аганин Р. В. Криминалистическая характеристика и особенности расследования мошенничеств, связанных с продажей недвижимости // Российский следователь. 2020. № 5. С. 43–47.
2. Коршунов А. Н. Мошенничество в сфере оборота жилой недвижимости: уголовно-правовые и криминологические аспекты : монография. М. : Проспект, 2019. 180 с.
3. Сапожникова Т. Ю. Виктимологическая профилактика мошенничества в отношении пожилых людей в жилищной сфере // Вестник Воронежского института МВД России. 2021. № 2. С. 112–118.
4. О государственной регистрации недвижимости : федер. закон от 13.07.2015 № 218-ФЗ (ред. от 01.07.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2015. № 29 (ч. I). Ст. 4344.
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 24.04.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 25. Ст. 2954.
6. Чубаров В. В., Ильина А. С. Правовая грамотность населения как фактор снижения виктимности: социологический анализ // Социологические исследования. 2022. № 8. С. 65–75.
7. Шипшин С. С. Организационно-правовые основы профилактики мошенничества в сфере оборота жилья : канд. юрид. наук. М., 2023. 215 с.

ОСОБЕННОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ В РОССИИ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ

Т. Н. Лапшина

Курсант, Пермский институт Федеральной системы
исполнения наказаний России, Пермь, Россия, malczevolog@yandex.ru

Научный руководитель: О. В. Мальцев, канд. экон. наук, доцент,
Пермский институт Федеральной системы исполнения наказаний,
Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы, Пермь, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются различные аспекты цифровизации национальной денежной единицы в России. В рамках проведенного исследования поставлена цель обобщить точки зрения различных авторов на природу цифровизации рубля в России. Анализируются изменения, происходящие с момента появления закона «О денежной системе» в денежной системе России, впервые определившего элементы денежной системы, среди которых основным являлась национальная денежная единица, до настоящего времени. с выделением положительных и отрицательных сторон этого процесса.

Ключевые слова: законодательство, денежная система, национальная валюта, рубль, цифровизация

FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF BOOKING OFFICES IN RUSSIA

T. N. Lapshina

Student, malczevolog@yandex.ru,

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia

Scientific supervisor: O. V. Maltsev, Candidate of Economics, Associate Professor,

Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, Perm branch
of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Perm, Russia

Abstract. The article discusses various aspects of the digitalization of the national currency in Russia. The purpose of this research is to summarize the views of various authors on the nature of the digitalization of the ruble in Russia. The article also provides an understanding of the changes that have occurred in the Russian monetary system since the introduction of the Law on the Monetary System, which was the first to define the elements of the monetary system, including the national currency, and to highlight the positive and negative aspects of this process.

Keywords: legislation, monetary system, national currency, ruble, digitalization

Современная эпоха характеризуется стремительной цифровой трансформацией всех сфер общественной жизни, и финансовая система не является исключением. Появление криптовалют, развитие технологий распределенных реестров и изменение потребительских привычек создали глобальный тренд, побуждающий централь-

ные банки по всему миру к разработке собственных цифровых валют. Российская Федерация включилась в эту гонку инноваций, и проект цифрового рубля стал одним из ключевых элементов национальной стратегии развития финансовых технологий.

Актуальность исследуемой темы обусловлена несколькими причинами. Во-первых, цифровой рубль представляет собой принципиально новую форму национальной валюты, наряду с наличными, безналичными и электронными деньгами. При этом следует различать цифровой рубль и электронные деньги. Несмотря на их некоторую схожесть, они являются совершенно различными инструментами в рамках их практического применения в виде цифрового кода и в виде обязательства. Различаются они также по «эмитентам». При этом необходимо отметить, что его внедрение требует модернизации существующей правовой системы. Законодателю предстоит решить комплекс сложных задач: интегрировать новую сущность в гражданско-правовое поле, определить ее статус в бюджетном и налоговом законодательстве, обеспечить безопасность и защиту прав потребителей, а также пересмотреть роль коммерческих банков в изменившейся финансовой экосистеме.

Во-вторых, процесс правового регулирования находится на данный момент в активной фазе, что делает его изучение особенно своевременным. Отправной точкой стал Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [1], который заложил основы для цифрового рубля. Помимо этого, 1 сентября 2026 г. вступает в силу закон о поэтапном внедрении цифрового рубля, которое приведет к массовому использованию этой валюты уже в ближайшем будущем в России.

В-третьих, с практической точки зрения цифровой рубль обладает значительным потенциалом для повышения эффективности государственного управления. Прозрачность операций, возможность программирования денег для целевых бюджетных выплат (например, социальных пособий или государственных контрактов), снижение издержек при расчетах – все это делает его привлекательным инструментом для модернизации экономики. Одновременно необходимо обратить внимание и на недостатки: риски, связанные с кибербезопасностью, потенциальные угрозы конфиденциальности персональных данных, а также возможную дестабилизацию традиционной банковской системы, которая может столкнуться с оттоком депозитов. Следовательно, глубокое изучение правовых основ цифрового рубля представляет собой значимый интерес как с научной, так и с практической точки зрения.

Прежде всего отметим, что на данный момент легального определения цифрового рубля в законах Российской Федерации не зафиксировано [2]. Законы вводят понятие «счет цифрового рубля», регулируют особенности операций с цифровыми рублями и устанавливают инфраструктуру и полномочия для платформы цифрового рубля, но при этом они не дают исчерпывающего определения цифрового рубля как юридического феномена, оставляя пространство для доктринальных и практических уточнений.

В коммуникациях Банка России (ЦБ РФ) [3] закреплены формулировки, которые используются как отправные точки в обсуждении этой темы: «Цифровой рубль – это цифровая форма российской национальной валюты, которую Банк России планирует выпускать в дополнение к существующим формам денег»; «Цифровой рубль –

национальное платежное средство, форма национальной валюты». В дополнение отметим, что есть и мнение, согласно которому «Банк России рассматривает цифровой рубль как третью форму денег наряду с наличными и безналичными» [4]. Такая позиция позволяет рассматривать цифровой рубль как дополняющую форму денег, а не заменяющую существующие.

Важно подчеркнуть, что самим Банком России этот термин применяется скорее как рабочее понятие на первом этапе внедрения и исследования, чем окончательное юридическое определение. В законопроектах и обсуждениях часто используются понятия «платформа цифрового рубля», «счет цифрового рубля», «операции с цифровыми рублями», «оператор платформы цифрового рубля» и др. [3].

В научной литературе встречаются разные подходы к определению цифрового рубля. Ниже приведены основные из них.

1. В качестве ЦВЦБ/CBDC (digital currency of a central bank). Во многих исследованиях [6] цифровой рубль рассматривается как разновидность цифровых валют центрального банка (Central Bank Digital Currency – CBDC), то есть он воспринимается как аналог национальной валюты (рубля), но в цифровом виде, реализованный через платформу, контролируруемую центральным банком.

2. Как институт с правовой двойственностью, обладающий публично-правовой и частноправовой природой. Некоторые авторы отмечают, что цифровой рубль обладает двойственной природой: с одной стороны – как государственный инструмент денежного обращения (финансово-правовая роль), с другой – как объект гражданско-правовых отношений между участниками оборота [5]. В частности, цифровой рубль рассматривается как особый обязательственный инструмент (например, записи на счетах цифрового рубля) в гражданском обороте.

3. Как «цифровой эквивалент рубля». Другие авторы формулируют следующее определение: «цифровой эквивалент рубля, дополнение к имеющимся формам», акцент в данном случае ставится на эквивалентность (равенство) с уже существующими денежными формами.

4. Как объект общественных правоотношений. В ряде работ [5] цифровой рубль рассматривается как объект общественных отношений, регулируемых нормами финансового, гражданского, банковского и валютного права.

Таким образом, мы можем сказать, что в научной литературе нет единой общепринятой формулировки, но есть несколько ключевых элементов, на которых сходятся разные подходы: цифровая форма (то есть учет и передача в информационной системе); связь с национальной валютой (не новая самостоятельная валюта, а форма рубля); эмиссия/учет централизованным органом (ЦБ РФ или оператором платформы); участие в гражданском обороте в качестве инструмента обязательств и расчетов; особые ограничительные свойства, заложенные законодательством и проектной моделью.

В совокупности это говорит о том, что правовое законодательство начинает создавать фреймворк для обращения цифрового рубля, но оно еще не доведено до стадии единого, универсального определения, пригодного для всех контекстов.

Проведенный анализ имеющейся научной и специальной литературы позволил обобщить и выделить некоторые положительные и, возможно, отрицательные стороны введения в оборот цифровизации национальной платежной единицы. Очевид-

но, что понимание положительных аспектов внедрения цифровизации в платежный оборот позволит субъектам преодолеть имеющийся скептицизм и ускорить преобразование денежной системы России.

Первое, на что хочется обратить внимание, это значительное упрощение проведения платежей, которое проявляется в исключении из отношений между субъектами расчетов промежуточных звеньев – кредитных организаций. Для этого необходимо создание специальной платформы. Это может быть интересно малому бизнесу, фрилансерам, самозанятым. Более того, упрощение расчетов снижает операционные издержки для компаний и государственных организаций. Государственные выплаты могут перечисляться напрямую на счет цифрового рубля граждан, что уменьшает бюрократическую нагрузку.

Вторым аспектом можно выделить упрощение доступа к расчетам с использованием цифрового рубля для жителей отдаленных территорий, где не представлены кредитные организации. Например, жительница сельской местности может открыть «кошелек» через смартфон и оплачивать покупки, коммунальные услуги, отправлять переводы родственникам, даже не имея физического доступа к банку. Также цифровой рубль может быть полезен для людей без постоянного дохода, молодежи и студентов: им не нужно заводить полноценный банковский счет для получения стипендий или зарплаты. Как отмечают иностранные финансовые структуры, цифровизацию денежной системы можно увязать с улучшениями в экономической сфере страны.

В-третьих, необходимо понимание того, что цифровой рубль должен повысить возможности финансового контроля, а это благотворно отразится на доходах бюджетов. Платформа автоматически фиксирует транзакции, что минимизирует риск теневых операций.

Однако внедрение цифрового рубля сопряжено с определенными рисками и ограничениями. Одними из них являются угрозы кибербезопасности. Цифровой рубль, как любая цифровая система, подвержен угрозам кибератак. Вероятность взлома платформы, кражи цифровых средств или манипуляций с транзакциями может представлять серьезную опасность для пользователей. Для минимизации риска необходимо инвестировать в киберзащиту, регулярно обновлять программное обеспечение и обучать пользователей правилам безопасного использования платформы. Центральный банк в этом контексте выступает как главный гарант безопасности, что накладывает на него высокую ответственность.

Другим спорным моментом является возможная потеря финансовой конфиденциальности граждан. Платформа позволяет отслеживать все транзакции пользователей, что может вызвать опасения с точки зрения приватности. Даже если данные используются для статистики и контроля, появляется вопрос: «Насколько гражданин сохраняет право на приватность своих финансовых операций?». В некоторых странах, например в Швеции, подобные системы предлагают частичную анонимность для мелких платежей, но крупные переводы фиксируются полностью. Российская модель пока предполагает высокий уровень контроля, что требует прозрачного регулирования и защиты персональных данных.

Введение цифрового рубля может изменить роль коммерческих банков в экономике. Поскольку цифровой рубль позволяет пользователям проводить прямые транзакции без участия банков, традиционные источники дохода банков могут сни-

зяться. Кроме того, внедрение цифрового рубля требует значительных инвестиций в технологическую инфраструктуру и адаптацию существующих банковских систем. Банки должны интегрироваться с платформой цифрового рубля, разработать новые продукты и обучить сотрудников, что требует времени и ресурсов. Еще один аспект – монетизация депозитов. Если граждане будут хранить значительную часть средств в цифровом рубле вместо банковских счетов, банки могут потерять ликвидность, что затруднит кредитование и традиционные операции. Это может потребовать корректировки денежной политики и механизмов регулирования банковской системы.

Цифровой рубль представляет собой нововведение в финансовой системе России, с рядом значимых преимуществ: упрощение расчетов, расширение финансовой инклюзии и улучшение контроля за денежными потоками. Однако его внедрение сопряжено с определенными рисками и ограничениями, такими как угрозы кибербезопасности, возможные проблемы с конфиденциальностью и влияние на традиционную банковскую систему. Для успешной реализации цифрового рубля необходимо обеспечить надежность технологической инфраструктуры, разработать механизмы защиты персональных данных, продумать интеграцию с банковской системой и адаптировать регулирование с учетом интересов пользователей и государства. В целом цифровой рубль может стать инструментом модернизации экономики, если будут учтены все потенциальные риски и преимущества.

Библиографический список

1. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 24 июля 2023 г. № 340-ФЗ // Гарант.ру : информ.-правовой портал. URL: <https://base.garant.ru/407424830/> (дата обращения: 19.10.2025).
2. Центральный банк Российской Федерации. Пресс-служба. Принят закон о цифровом рубле. URL: <https://cbr.ru/press/event/?id=16896> (дата обращения: 17.10.2025).
3. Центральный банк Российской Федерации. Развитие цифровых финансовых услуг: Цифровой рубль. URL: <https://cbr.ru/fintech/dr/> (дата обращения: 17.10.2025).
4. ЦБ объяснил бабушкам, что такое цифровой рубль // Сетевое издание «РБК». URL: https://www.rbc.ru/finances/07/02/2025/67a5b1479a7947f91713fea5?utm_source=chatgpt.com (дата обращения: 17.10.2025).
5. Рождественская Т. Э., Гузнов А. Г. Правовое регулирование цифрового рубля // Актуальные проблемы российского права. 2024. Т. 19, № 1 (158). С. 48–55.
6. Солдаткин С. Н., Сигов В. О. Цифровой рубль: особенности российской модели создания и функционирования национальной цифровой валюты // Вестник Хабаровского государственного университета экономики и права. 2021. № 2 (106). С. 62–69. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=46712724> (дата обращения: 18.10.2025).

**ИЗМЕНЕНИЕ ХАРАКТЕРА ТРУДА ПРЕДСЕДАТЕЛЕЙ
И УПОЛНОМОЧЕННЫХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ СОБСТВЕННИКОВ
ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ ФУНКЦИЙ УПРАВЛЕНИЯ
МНОГОКВАРТИРНОГО ДОМА В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ
ТРАНСФОРМАЦИИ СФЕРЫ ЖКХ С ПОНЯТИЯ «ОБЩЕСТВЕННАЯ
РАБОТА» В ОБЯЗАТЕЛЬНУЮ КВАЗИТРУДОВУЮ ФУНКЦИЮ**

А. А. Мальцева

Студентка, Западно-Уральский институт экономики и права,
Пермь, Россия, kuzia2017@mail.ru

Научный руководитель: И. И. Машкова, ст. преподаватель,
Западно-Уральский институт экономики и права, Пермь, Россия

Аннотация. В статье анализируются понятия «председатель совета многоквартирного дома», «председатель ТСЖ», «уполномоченный представитель собственников» в жилищном праве, их функции и обязанности, использование цифровой платформы ГИС ЖКХ, формирование специальных механизмов поддержки работы.

Ключевые слова: многоквартирный дом, председатель, уполномоченный, полномочия, обязанности, собственники, жилые и нежилые помещения, цифровая система, цифровая нагрузка, протокол общего собрания собственников

**CHANGING THE NATURE OF THE WORK OF CHAIRMEN
AND AUTHORIZED REPRESENTATIVES OF OWNERS
IN THE PERFORMANCE OF MANAGEMENT FUNCTIONS
OF AN APARTMENT BUILDING IN THE CONTEXT
OF THE DIGITAL TRANSFORMATION OF THE HOUSING
AND COMMUNAL SERVICES SECTOR FROM THE CONCEPT
OF «PUBLIC WORK» TO A MANDATORY QUASI-LABOR FUNCTION**

A. A. Maltseva

Student, West Ural Institute of Economics and Law, Perm, Russia,
kuzia2017@mail.ru

Scientific supervisor: I. I. Mashkova, Senior Lecturer,
West Ural Institute of Economics and Law, Perm, Russia

Abstract. This article examines the analysis of the concepts of “chairman of the council of an apartment building”, “chairman of the HOA”, “authorized representative of owners” in housing law, their functions and responsibilities, the use of the digital GIS housing and communal services platform, the formation of special mechanisms to support work.

Keywords: apartment building, chairman, commissioner, powers, duties, owners, residential and non-residential premises, digital system, digital load, minutes of the general meeting of owners

«Председатель совета многоквартирного дома», «председатель ТСЖ», «уполномоченный представитель собственников» – это понятия современности. Четкие определения этих понятий сформулированы в Жилищном кодексе Российской Федерации.

Первые попытки создать орган управления многоквартирными домами предпринимались с октября 1937 г. (постановление ЦИК и СНК СССР от 17 октября 1937 г. № 1843, п. 8). Следующей попыткой формирования органа управления многоквартирного дома стало появление жилищно-эксплуатационных контор (ЖЭКов). Их создание было утверждено в Типовом положении об управлении домами Приказом Минкоммунхоза РСФСР от 08.06.1963 № 204 [1].

В августе 1968 г. постановлением Совмина РСФСР и ВЦСПС № 548 «Об усилении роли домовых комитетов в управлении государственным жилищным фондом» была предпринята попытка создания домовых комитетов [2]. Однако, в силу специфики жилищных отношений в Советском Союзе, где квартиры в многоквартирных домах не являлись собственностью, а предоставлялись лишь в найм, сформировать широкий слой управленцев многоквартирных домов не удалось.

Новый Жилищный кодекс Российской Федерации, принятый 1 марта 2005 г., в ст. 161 определил три способа управления многоквартирным домом: непосредственное управление собственниками помещений в многоквартирном доме, управление товариществом собственников жилья либо жилищным кооперативом или иным специализированным потребительским кооперативом, управление управляющей организацией [3].

С этого момента появляются четко прописанные в законодательстве понятия «председатель правления жилищного кооператива» (ст. 119 ЖК РФ), «председатель правления товарищества собственников» (ст. 149 ЖК РФ), «уполномоченный представитель собственников» (ст. 164, п. 3 ЖК РФ).

Данные лица становятся основными ответственными за обеспечение жизнедеятельности многоквартирных домов, то есть за содержание мест общего пользования и систем жизнеобеспечения, текущие ремонты систем и объектов многоквартирных домов, проведение общих собраний собственников, ведение отчетной документации многоквартирных домов.

Сущность жилищных отношений к моменту введения в действие Жилищного кодекса Российской Федерации радикально изменяется. На смену понятию «пользование жилыми помещениями в домах государственного и общественного жилищного фонда» [4] приходит понятие «право собственности и другие вещные права на жилые помещения» (раздел II, ЖК РФ 01.03.2005). Это связано с формированием института частного права на владение квартирами в многоквартирных домах в результате процесса приватизации квартир [5].

В течение двадцати лет в стране формируется большой профессиональный слой управленцев многоквартирными домами: председателей и уполномоченных представителей собственников многоквартирных домов, осуществляющих форму управления домом ТСЖ, ЖСК, ЖК, НУ. С 2015 г. появляется юридически закрепленное в ч. 7 ст. 161 ЖК РФ понятие «председатель совета многоквартирного дома» [6].

По данным, размещенным ГИС ЖКЖ, по состоянию на 10.12.2025 в 51 795 многоквартирных домах реализован способ управления – ТСЖ, ЖСК, ЖК, иной кооператив; в 238 996 многоквартирных домах реализован способ управления – непо-

средственное управление; в 611 287 – управляющая компания [7]. Таким образом, количество людей, осуществляющих функции председателей и уполномоченных представителей собственников, в Российской Федерации к настоящему моменту приближается к миллиону человек.

Жилищным кодексом в настоящий момент уже прописан большой объем полномочий, обязанностей и ответственности председателей и уполномоченных представителей собственников.

В условиях цифровой трансформации жилищно-коммунальной сферы, а именно с развитием Государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства (ГИС ЖКХ), обязанности председателей и уполномоченных представителей, председателей советов МКД существенно расширились [8]. Работа в ГИС ЖКХ, с одной стороны, существенно увеличивает затрачиваемое рабочее время уполномоченных лиц (ввод в систему данных (протоколов общих собраний, договоров, информации по текущим ремонтам, содержанию), анализ данных, проведение общих собраний, как с использованием ГИС ЖКХ, так и при заочном голосовании в системе). С другой стороны, с переходом на проведение заочных собраний собственников с использованием системы ГИС ЖКХ количество судебных споров о подделке протоколов общих собраний существенно сократится, поскольку голосование собственника по вопросам повестки общего собрания привязано к учетной записи собственника на Госуслугах. Каждый голос учитывается системой с уникальной временной меткой, IP-адресом и ЭЦП (электронно-цифровой подписью). После завершения собрания в заочной форме система автоматически произведет подсчет и сформирует электронный протокол, который будет доступен каждому собственнику в личном кабинете.

В то же время вместе с цифровизацией сферы управления многоквартирными домами возникает правовая и институциональная трансформация труда председателей, уполномоченных представителей собственников «на общественных началах» в цифровую общественную нагрузку без де-юре признания.

По данным государственной жилищной инспекции Пермского края, смена председателей ТСЖ, ЖСК, ЖК, уполномоченных собственников НУ происходит крайне редко [9]. Связывают это с тем, что для выполнения обязанностей председателя, уполномоченного представителя собственников необходим широкий спектр знаний и практики, как в вопросах обслуживания и ремонта многоквартирного дома, так и вопросах юридического сопровождения документации дома. Комфортное проживание в многоквартирном доме, его сохранение дома напрямую зависят от качественной работы председателей и представителей.

Практически все председатели ТСЖ, ЖСК, ЖК, уполномоченные представители собственников НУ, председатели советов домов совмещают свои функции с основными видами работ. Можно назвать это работой, носящей ненормированный характер, в свободное от основного трудоустройства время. Связано это с тем, что вознаграждение, которое могут назначить собственники многоквартирного дома председателю или уполномоченному представителю, очень незначительное, часто даже ниже прожиточного минимума по региону.

В связи с тем, что государство не может взять на себя техническое и цифровое сопровождение домов, необходимо формирование специальных механизмов поддержки работы председателей ТСЖ, ЖСК, ЖК, уполномоченных собственников НУ, председателей советов МКД при форме управления МКД управляющей организацией.

Таковыми мерами могут быть: 1) установление гарантированной минимальной компенсации за цифровую нагрузку, определенную государством, например: не менее 0,3–0,5 МРОТ (в зависимости от количества квартир в доме), с возможностью включения в плату за содержание общего имущества по решению общего собрания собственников (в новой строке платежного документа: «Компенсация уполномоченному представителю»); 2) компенсация обязательных расходов в порядке стоимости квалифицированной электронной подписи, абонентской платы за стационарный интернет и мобильную связь, обучения по программам повышения квалификации в сфере ЖКХ, через региональные субсидии, бесплатных консультаций по работе в ГИС ЖКХ; 3) включение периода активной деятельности в должности в страховой пенсионный стаж, с начислением пенсионных баллов (1,0–1,5 балла за полный год) председателей ТСЖ, ЖСК, ЖК, уполномоченных собственников НУ, председателей советов МКД при форме управления МКД управляющей организацией. Также следует принять поправки в законодательство, относящие председателей, уполномоченных МКД к «волонтерам в сфере ЖКХ», начислять при подтвержденной деятельности по цифровому сопровождению МКД. Подтверждением будет протокол общего собрания собственников, где они определены как ответственные лица. Названные меры будут способствовать удлинению периода выгорания, заинтересованности новых кадров специализироваться в общественной деятельности по управлению и обслуживанию многоквартирных домов.

Библиографический список

1. Пушкина А. В. Управление многоквартирными домами: История и современность // Труды Института государства и права РАН. 2017. № 6 (64). С. 97–99. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-mnogokvartirnymi-domami-istoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 20.11.2025).
2. Огородникова О. А. Массовое жилищное строительство в истории советской повседневности // Universum: общественные науки. 2018. № 3 (44). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/massovoe-zhilischnoe-stroitelstvo-v-istorii-sovetskoy-povsednevnosti> (дата обращения: 20.11.2025).
3. Жилищный кодекс : закон Российской Федерации от 29.12.2004 № 188 (ред. от 04.11.2025). URL: <https://legalacts.ru/kodeks/ZHK-RF/> (дата обращения: 21.11.2025).
4. Жилищный кодекс РСФСР : утв. 24.05.1983 ВС РСФСР. Гл. 2. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_2718/ (дата обращения: 20.11.2025).
5. О приватизации жилищного фонда в РСФСР : подписан 04.07.1991 председателем ВС РСФСР (ред. от 04.06.1991). URL: <https://legalacts.ru/doc/zakon-rsfsr-ot-04071991-n-1541-1-o/> (дата обращения: 21.11.2025).
6. О внесении изменений в Жилищный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 29 июня 2015 г. № 176-ФЗ. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201406300017> (дата обращения: 10.12.2025).
7. Государственной информационной системы жилищно-коммунального хозяйства: ГИС ЖКХ : сайт. URL: <https://dom.gosuslugi.ru/#!/wdgt-mkd-control-method> (дата обращения: 10.12.2025).
8. Об использовании ГИС ЖКХ : письмо Минстроя России от 07.10.2025 № 59735-АП/04. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_519801/ (дата обращения: 10.12.2025).
9. Инспекция государственного жилищного надзора Пермского края : сайт. URL: <https://iggn.permkrai.ru/> (дата обращения: 11.12.2025).

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ

Д. В. Мардамшина

Студентка, Пермский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации, Пермь, Россия
Научный руководитель: Е. А. Шистерова, канд. пед. наук, доцент,
Пермский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации, Пермь, Россия

Аннотация. Предметом исследования служат механизмы, формы и направления социальной поддержки семей с детьми на современном этапе, а также их нормативно-правовое и финансовое обеспечение. В статье проводится комплексный анализ системы социальной поддержки семей с детьми в Российской Федерации. Детально рассматривается действующая многоуровневая нормативно-правовая база, включая конституционные основы и ключевые федеральные законы. В фокусе внимания – системные проблемы, снижающие эффективность поддержки: региональная дифференциация, дефицит социальных услуг, бюрократические барьеры, недостаток комплексного сопровождения. Делается вывод о необходимости перехода от преимущественно материальной помощи к созданию устойчивой системы благоприятствования семье с детьми, что требует гармонизации законодательства, развития инфраструктуры и усиления межведомственного взаимодействия.

Ключевые слова: социальная поддержка семьи, семейная политика, демография, государственные пособия, материнский капитал, многодетные семьи, региональное неравенство, социальные услуги

SOCIAL SUPPORT FOR FAMILIES WITH CHILDREN IN THE RUSSIAN FEDERATION: LEGAL REGULATION AND CURRENT ISSUES

D. V. Mardamshina

Student, Perm Branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation, Perm, Russia
Scientific supervisor: E. A. Shisterova, Candidate of Pedagogic Sciences,
Perm Branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation, Perm, Russia

Abstract. The article provides a comprehensive analysis of the social support system for families with children in the Russian Federation. The current multi-level regulatory framework, including the constitutional framework and key federal laws, is reviewed in detail. The focus is on systemic problems that reduce the effectiveness of support: regional differentiation, lack of social services, bureaucratic barriers, lack of comprehensive support. It is concluded that it is necessary to move from primarily financial assistance to the creation of a sustainable system of family and child welfare, which requires the harmonization of legislation, infrastructure development and strengthening interdepartmental cooperation.

Keywords: family social support, family policy, demography, state benefits, maternity capital, large families, regional inequality, social services

В текущих социально-экономических условиях Российской Федерации семьи, имеющие детей, относятся к наиболее социально незащищенным слоям населения. Демографическая ситуация, характеризующаяся низкой рождаемостью и увеличением доли пожилого населения, обуславливает необходимость укрепления института семьи и повышения уровня ее жизни как важнейшей задачи государственной политики. По данным Росстата, в 2024 г. уровень рождаемости ниже, чем в 2023 г., а смертности – выше. По итогам 2024 г., как свидетельствуют опубликованные данные Росстата, естественная убыль населения России составила 596,2 тыс. человек. По сравнению с итогом 2023 г. показатель увеличился на 20,4 % (с 495,3 тыс.). Число родившихся в 2024 г. детей, согласно Росстату, сократилось на 3,4 % – до 1,222 млн с 1,265 млн в 2023 г. [10, с. 21]. Конституция Российской Федерации в ст. 7 закрепляет: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека». А согласно ст. 38 Конституции РФ материнство и детство, семья находятся под защитой государства [1]. Именно поэтому необходимо принимать во внимание, что постоянное увеличение мер социальной помощи для семей с детьми и принятие новых нормативно-правовых актов очень важны для обеспечения достойной жизни семьям с детьми.

Объектом исследования стали общественные отношения в сфере социальной поддержки семей с детьми.

По словам Н. Ф. Басова с соавт., семья – это основанная на браке и/или кровном родстве малая группа, члены которой объединены совместным проживанием и ведением домашнего хозяйства, эмоциональной связью, взаимными обязанностями по отношению друг к другу [7, с. 11]. Согласно Семейному кодексу Российской Федерации семья – лица, связанные родством и (или) свойством, совместно проживающие и ведущие совместное хозяйство [2].

В Российской Федерации сформирована многоуровневая и комплексная система правового регулирования поддержки семей с детьми. Ее фундаментом выступают конституционные гарантии. Основные нормативно-правовые акты, регулирующие социальную поддержку семей с детьми:

1. Федеральный закон от 19 мая 1995 г. № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей». Является одним из основных актов, регулирующих предоставление материальной помощи семьям с детьми. Он устанавливает виды государственных пособий, включая: пособие по беременности и родам; единовременное пособие при рождении ребенка; ежемесячное пособие по уходу за ребенком до достижения им возраста полутора лет; ежемесячные выплаты в связи с рождением (усыновлением) первого или второго ребенка [3].

2. Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» устанавливает меры, обеспечивающие возможность улучшения жилищных условий, получения образования, социальной адаптации и интеграции в общество детей-инвалидов, получения ежемесячной выплаты в связи с рождением (усыновлением) ребенка до достижения им возраста трех лет [4].

3. Федеральный закон «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей» от 28.12.2017 № 418-ФЗ (ред. от 25.12.2023). Согласно данному федеральному закону право на ежемесячные выплаты получают семьи, чей среднедушевой доход не превышает двух величин прожиточного минимума трудоспособного населения, установленного в субъекте Российской Федерации за второй квартал года, предшествующего году обращения. Выплата назначается до достижения ребенком возраста трех лет. Размер выплаты зависит от прожиточного минимума ребенка в регионе проживания семьи, при этом учитывается его величина на дату обращения [5].

4. Указ Президента РФ от 23.01.2024 № 63 «О мерах социальной поддержки многодетных семей». Данный указ направлен на комплексное укрепление института многодетной семьи и создание стабильных условий для ее развития. Ключевым элементом данного указа является установление единого для всей территории Российской Федерации статуса многодетной семьи. Согласно документу многодетной признается семья, воспитывающая трех и более детей в возрасте до 18 лет.

Указ закрепляет за многодетными семьями широкий перечень мер социальной поддержки, которые носят как материальный, так и нематериальный характер. Согласно пункту 3 к ним относятся:

- а) предоставление государственных пособий и выплат в связи с рождением и воспитанием детей;
- б) предоставление мер поддержки в сфере трудовых отношений;
- в) досрочное назначение женщинам страховой пенсии по старости в связи с рождением и воспитанием трех и более детей;
- г) профессиональное обучение многодетных родителей и получение ими дополнительного профессионального образования в целях обеспечения их качественной занятости;
- д) право на бесплатное посещение музеев, парков культуры и отдыха, выставок на территории Российской Федерации независимо от места жительства в порядке и на условиях, которые определены в субъектах Российской Федерации [6].

Таким образом, главным направлением развития данной законодательной системы является постепенный переход от оказания помощи исключительно социально незащищенным группам населения к формированию благоприятных условий для стабильного благосостояния всех семей с детьми. Российское законодательство в сфере социальной поддержки семей с детьми можно считать развитой системой, но отмечаются и некоторые проблемные аспекты:

1. Значительное региональное разделение в объемах и видах предоставляемой поддержки. Хотя федеральное законодательство устанавливает базовые гарантии, такие как прожиточный минимум или критерии нуждаемости, их конкретная величина и многие дополнительные меры (например, региональный материнский капитал, льготы на проезд, коммунальные услуги) определяются субъектами РФ исходя из возможностей их бюджетов. В результате семьи с идентичным составом и уровнем дохода, проживающие в разных регионах, могут получать существенно различающуюся по объему помощь. Это ставит под сомнение принцип равенства прав граждан, закрепленный в ст. 19 Конституции РФ, и ведет к усилению социального неравенства.

2. Документальное подтверждение статуса нуждаемости при назначении отдельных видов пособий нередко ставит семьи в уязвимое положение, поскольку требует сбора значительного объема справок и документов, что усложняет доступ к мерам поддержки. Данная проблема стимулирует рост нелегального трудоустройства, с целью получения как заработной платы, так и пособия. Это способствует росту теневой экономики, снижению налоговых поступлений и подрывает доверие граждан к системе социальной поддержки [7].

3. Доступность и качество социальных услуг для семей с детьми, прежде всего дошкольного образования. На федеральном уровне закреплены права ребенка на доступ к дошкольному образованию, однако на практике в ряде регионов наблюдаются дефициты мест в детских садах, очередь для получения муниципальных мест и высокая нагрузка на семьи при поиске частных услуг. Низкая доступность муниципальных услуг заставляет семьи нести дополнительные расходы или лишаться рабочих доходов (например, родители, вынужденные оставаться дома), это усиливает социально-экономические риски. Элеонора Рыкова в своей статье пишет: «Нехватка детских садов ощущается в 18 регионах страны, но где-то она, как в Смоленской области, не критичная (99,76 процента), а где-то, как в Якутии, – вполне ощутимая (89,63 процента). Хуже всего дела обстоят в Калмыкии (38,1 процента), Дагестане (65,85 процента), Тыве (76,98 процента) и на Чукотке (85,28 процента)» [9].

4. Недостаток комплексного сопровождения семей. Действующая система социальной защиты в России ориентирована преимущественно на материальные выплаты и слабо развивает формы нематериальной поддержки, например, психологическую, педагогическую, правовую помощь, программы реабилитации и интеграции. Межведомственное взаимодействие между органами социальной защиты, здравоохранения, образования и занятости часто остается формальным, что снижает эффективность помощи. Это приводит к тому, что меры поддержки не решают первопричины социального неблагополучия, а лишь временно смягчают его последствия [8].

Для повышения качества жизни семей необходимо не только увеличивать финансирование и оптимизировать законодательство, но и развивать комплексные нематериальные меры поддержки, внедрять гибкие формы занятости и расширять доступ к информации, что поможет создать более справедливую и устойчивую систему социального обеспечения.

Проведенное комплексное исследование социальной поддержки семей с детьми в Российской Федерации позволяет сделать ряд выводов, подтверждающих актуальность и сложность выбранной темы. Современная демографическая ситуация, характеризующаяся низкой рождаемостью и старением населения, а также конституционный статус России как социального государства обуславливают необходимость эффективной и адресной семейной политики, направленной на создание условий для достойной жизни и свободного развития подрастающего поколения.

На современном этапе в Российской Федерации сформирована многоуровневая нормативно-правовая база, регламентирующая предоставление социальной поддержки семьям с детьми. Ее фундаментом выступают положения Конституции РФ, которые конкретизируются в ключевых федеральных законах, таких как № 81-ФЗ «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей», № 256-ФЗ «О дополни-

тельных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» (программа материнского капитала), и № 418-ФЗ «О ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей», а недавний указ Президента № 63 установил единый статус многодетной семьи по всей стране.

Наличие развитой законодательной базы не гарантирует полной эффективности социальной помощи семьям с детьми. Выявлен целый комплекс проблем, препятствующих реализации конституционных прав семей. К ним относятся: значительная региональная дифференциация в объемах и видах предоставляемой помощи, дефицит доступных и качественных социальных услуг, в первую очередь мест в дошкольных образовательных учреждениях, а также услуг по медицинскому и психолого-педагогическому сопровождению семей, бюрократические барьеры и сложность процедур, связанные с необходимостью подтверждения нуждаемости, недостаточная информированность граждан о полном спектре доступных мер поддержки.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399
2. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 24.02.2024). URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8982/
3. О государственных пособиях гражданам, имеющим детей : федер. закон от 19.05.1995 № 81-ФЗ (ред. от 23.07.2025) // Сайт «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6659.
4. О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей : федер. закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ // Сайт «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64872 .
5. Об ежемесячных выплатах семьям, имеющим детей : федер. закон от 28.12.2017 № 418-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Сайт «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_286470 .
6. О мерах социальной поддержки многодетных семей : указ Президента РФ от 23.01.2024 № 63 // Сайт «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_467710/
7. Басов Н. Ф. Социальная работа с семьей и детьми : учеб. пособие / Н. Ф. Басов, С. В. Бойцова, О. Н. Веричева [и др.]; под ред. Н. Ф. Басова. М. : КноРус, 2025. 290 с.
8. Шерстнева А. В. Теоретические и практические проблемы правового регулирования предоставления пособий семьям и гражданам, имеющим детей // Доклады Молодежной секции. Т. 3. Секция 6. «Демография глазами молодых». Воронеж: Цифровая полиграфия, 2024. С. 480–487.
9. Рылова Э. Что не так в статистике доступности дошкольного образования в России // Парламентская газета. 2024. URL: <https://www.pnp.ru/social/chto-ne-tak-v-statistike-dostupnosti-doshkolnogo-obrazovaniya-v-rossii.html>.
10. Семья и дети в России : стат. сб. / Росстат. М., 2024. 255 с. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13233>.
11. Федеральная служба государственной статистики (Росстат) : офиц. сайт. URL: <https://rosstat.gov.ru/>.

ЛИЧНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ ОБЩЕСТВА: ФОРМИРОВАНИЕ, ВОПРОСЫ БЕЗОПАСНОСТИ

С. А. Метельская

Бакалавр, Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Пермь, Россия,
sofametelskaa@gmail.com

Научный руководитель: Э. Р. Кузнецова, д-р экон. наук, профессор,
Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Пермь, Россия,

Аннотация. В статье рассмотрены этапы цифровизации общества, влияющие на становление личности. Проанализированы психологические риски – цифровое выгорание, кибербуллинг, дезинформация. Изучены меры защиты: технические, образовательные и психологические. Особое внимание было уделено государственной политике в области цифровой безопасности. Результаты исследования могут быть использованы в разработке образовательных программ цифровой грамотности и психологическом сопровождении личности в цифровой среде.

Ключевые слова: личность, цифровая трансформация, информационная безопасность, цифровая грамотность, гибридная идентичность

PERSONALITY IN THE CONTEXT OF DIGITAL TRANSFORMATION OF SOCIETY: FORMATION, SECURITY ISSUES

S. A. Metelskaya

Bachelor's Student, Perm Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Perm, Russia, sofametelskaa@gmail.com

Scientific supervisor: E. R. Kuznetsova, Doctor of Economics,
Professor, Perm Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Perm, Russia

Abstract. The article examines the stages of society's digitalization affecting personality formation. Psychological risks were analyzed – digital burnout, cyberbullying, and disinformation. Protection measures were studied: technical, educational, and psychological. Special attention was paid to state policy in the field of digital security. The research results can be used in developing digital literacy educational programs and providing psychological support for personality in the digital environment.

Keywords: personality, digital transformation, information security, digital literacy, hybrid identity

Цифровая трансформация российского общества кардинально меняет условия формирования личности. Согласно национальной программе «Цифровая экономика Российской Федерации» к 2024 г. уровень цифровизации государственных услуг достиг 95 % [1]. Это создает новые вызовы для психологической безопасности личности.

Цифровая идентичность личности проходит четыре стадии развития. Данный процесс начинается с раннего детства и продолжается на протяжении всей жизни, определяя способность человека адаптироваться к цифровой среде.

Каждая стадия имеет свои психологические особенности и требует специфических подходов к обучению и защите. Первичная стадия закладывает фундамент цифровой компетентности, формирующая – определяет социальную идентификацию в сети, зрелая – обеспечивает профессиональную адаптацию, а интегративная – достигает гармонии между реальным и виртуальным мирами.

Понимание этих этапов необходимо для разработки возрастно-ориентированных программ цифрового образования и профилактики рисков (табл. 1).

Таблица 1

Этапы формирования цифровой идентичности

Стадия	Возраст	Основные характеристики
Первичная	7–12 лет	Освоение базовых цифровых навыков
Формирующая	13–17 лет	Создание социальных профилей
Зрелая	18–25 лет	Стабилизация цифрового образа
Интегративная	25+ лет	Синтез реального и виртуального «Я»

Таким образом, исходя из данных табл. 1, можно сделать вывод, что формирование цифровой идентичности личности представляет собой поэтапный процесс, зависящий от возрастных особенностей.

На первичной стадии (7–12 лет) преобладает освоение базовых навыков, что закладывает фундамент цифровой компетентности. Формирующая стадия (13–17 лет) характеризуется активным экспериментированием с социальными профилями, что повышает риски психологической уязвимости. Зрелая стадия (18–25 лет) обеспечивает стабилизацию цифрового образа, а интегративная (25+ лет) – гармоничный синтез реального и виртуального «Я».

Данные подтверждают необходимость дифференцированного подхода к цифровому образованию в зависимости от стадии развития личности.

На сегодняшний день цифровая среда стала неотъемлемой частью жизни людей всех возрастных групп – от детей дошкольного возраста до пожилых граждан. Среднестатистический россиянин проводит в интернете более 6 часов в сутки, что значительно превышает рекомендованные Всемирной организацией здравоохранения нормы. Это вызывает устойчивый рост уровня тревоги и психологического напряжения (рисунок). Особенно уязвимы подростки и молодежь в возрасте 13–25 лет, для которых социальные сети становятся не просто каналом общения, а основным пространством социальной идентификации и самореализации.

Длительное пребывание в цифровой среде приводит к накоплению хронического стресса, снижению концентрации внимания, ухудшению качества сна и эмоцио-

нальному выгоранию. По данным психологических исследований, более 40 % молодых людей испытывают симптомы цифровой зависимости, что негативно сказывается на их учебной и профессиональной деятельности.

Это подтверждает актуальность разработки комплексных мер психологической защиты личности в условиях цифровизации общества, включая программы цифрового детокса, тренинги эмоциональной устойчивости и государственные стандарты безопасного интернет-потребления.

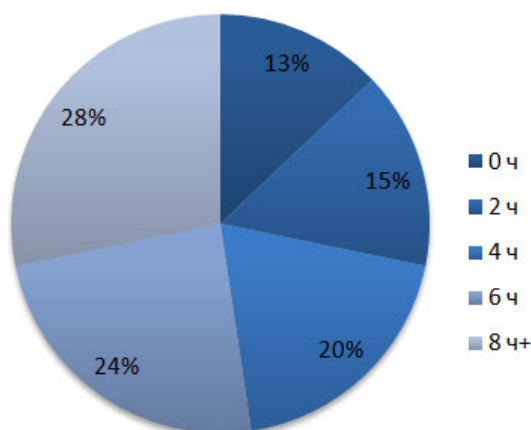

Рис. Динамика уровня тревожности от времени онлайн-присутствия

Таким образом, исходя из данных рисунка наблюдается выраженная прямая линейная зависимость уровня тревожности от времени онлайн-присутствия: от базовых 22 % при отсутствии цифровой активности до критических 48 % при 8+ часах в сутки, что отражает рост в 2,2 раза. Это свидетельствует о накопительном эффекте цифрового стресса, особенно опасном для подростков и молодежи.

Результаты подчеркивают необходимость введения временных ограничений онлайн-активности, разработки программ цифрового детокса и включения модулей по управлению цифровым стрессом в образовательные стандарты, что позволит сохранить психологическое благополучие личности в условиях цифровизации общества.

По данным ВЦИОМ, 35 % российских пользователей испытывают симптомы цифрового выгорания [3], что проявляется в эмоциональном истощении и снижении продуктивности.

В России ежегодно фиксируется более 20 тыс. случаев кибербуллинга среди несовершеннолетних [4]. Анонимность сети усиливает психологическую травму жертвы.

Согласно исследованию РАНХиГС, 62 % россиян сталкивались с фейковыми новостями, что снижает критическое мышление [5].

Для обеспечения безопасности личности в цифровой среде недостаточно только технических решений – необходима комплексная система, включающая нормативно-правовую базу и развитие цифровой грамотности. Федеральные законы № 152-ФЗ «О персональных данных» и № 149-ФЗ «Об информации» создают правовые основы цифровой безопасности [6].

Рассматривая нормативно-правовую базу, направленную на защиту личности в цифровой среде, необходимо выделить компоненты цифровой грамотности населения, представленные в табл. 2.

Структура цифровой грамотности личности

Компонент	Содержание
Технический	Работа с цифровыми сервисами
Информационный	Проверка достоверности данных
Безопасностный	Защита персональных данных
Этический	Соблюдение норм цифрового поведения

Таким образом, исходя из данных табл. 2 цифровая грамотность личности представляет собой интегрированную систему из четырех ключевых компонентов: технического (навыки работы с цифровыми сервисами), информационного (проверка достоверности данных), безопасностного (защита персональных данных) и этического (соблюдение норм цифрового поведения).

Эти элементы взаимосвязаны и дополняют друг друга, обеспечивая всестороннюю защиту личности в цифровой среде. Отсутствие хотя бы одного компонента может привести к уязвимостям, таким как фишинг или этические конфликты.

В связи с этим образовательные программы должны быть комплексными, с акцентом на практические тренинги, что позволит повысить устойчивость личности к цифровым угрозам и способствовать гармоничному развитию в условиях трансформации общества.

Таким образом, проведенное исследование демонстрирует, что цифровая трансформация общества кардинально изменяет механизмы формирования личности, создавая уникальные возможности для самореализации через гибридную идентичность и одновременно порождая значительные психологические риски, среди которых лидируют кибербуллинг, цифровое выгорание и дезинформация, угрожающие психологическому благополучию 68 % активных пользователей интернета.

Анализ этапов формирования цифровой идентичности, представленный в табл. 1, подтверждает необходимость дифференцированного подхода к цифровому образованию: на первичной стадии (7–12 лет) – акцент на базовые навыки и безопасность; формирующей (13–17 лет) – профилактика рисков экспериментов в соцсетях; зрелой (18–25 лет) – профессиональная адаптация; интегративной (25+ лет) – гармонизация идентичностей. Данные рисунка свидетельствуют о критической линейной зависимости уровня тревожности от времени онлайн-присутствия (рост в 2,2 раза при 8+ часах), что требует законодательного введения стандартов цифрового детокса и обязательных модулей управления цифровым стрессом в образовательных программах. Структура цифровой грамотности (см. табл. 2) подчеркивает важность комплексного развития четырех взаимосвязанных компонентов – технического, информационного, безопасностного и этического, отсутствие любого из которых приводит к уязвимостям типа фишинга или этических конфликтов.

Практическое применение результатов статьи заключается в возможности их использования:

- для разработки федеральных образовательных стандартов цифровой грамотности с обязательными возрастными модулями;
- создания методических рекомендаций для психологов и педагогов по профилактике цифрового выгорания;

- формирования корпоративных программ цифровой безопасности для предприятий;
- совершенствования нормативно-правовой базы (дополнение ФЗ № 152-ФЗ механизмами психологической защиты);
- организации массовых тренингов по медиаграмотности в рамках национального проекта «Цифровая экономика».

Эффективная защита личности возможна только при синергии нормативно-правовых мер, образовательных программ и психопрофилактических технологий, что определяет стратегический приоритет государственной политики – формирование национальной культуры цифровой безопасности как фундаментальной компетенции современного гражданина, способного гармонично развиваться в условиях цифровизации общества.

Библиографический список

1. Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации». URL: <https://digital.gov.ru/ru/activity/directions/770/> (дата обращения: 20.10.2025).
2. Соколова А. В. Психология цифровой идентичности: этапы формирования // Вестник МГУ. Серия 14. Психология. 2023. № 3. С. 34–49.
3. Цифровое выгорание россиян: социологическое исследование. ВЦИОМ. 2024. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cifrovoye-vygoranie-rossiyan> (дата обращения: 20.10.2025).
4. Кибербуллинг в России: статистика и меры противодействия / под ред. И. А. Зимней. М.: Изд-во МГППУ, 2023. 156 с.
5. Дезинформация в цифровой среде: социологические аспекты / кол. авт. М. : Изд-во РАНХиГС, 2024. 210 с.
6. О персональных данных : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31. Ст. 3451.
7. Касавецкий С.А. Информационная безопасность личности в цифровую эпоху // Социальные коммуникации. 2024. № 2. С. 98–112.

ФОРМИРОВАНИЕ ЦИФРОВОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ ПОДРОСТКА: БАЛАНС МЕЖДУ САМОВЫРАЖЕНИЕМ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ И ЦИФРОВОЙ РЕПУТАЦИЕЙ

Р. А. Мкртчян

Студент, Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
rubenmkrtcan08@gmail.com, Пермь, Россия

Научный руководитель: Э. Р. Кузнецова, д-р экон. наук, профессор,
Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Пермь, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию процесса формирования цифровой идентичности современного подростка в контексте социальных сетей. Основное внимание уделяется анализу противоречия между естественной для подросткового возраста потребностью в самовыражении, экспериментировании с образами «Я» в цифровой среде и формированием долгосрочной цифровой репутации, которая может оказать существенное влияние на будущие образовательные и профессиональные возможности. Цель работы – выявление ключевых факторов, механизмов и рисков данного процесса, а также разработка рекомендаций для достижения баланса между самовыражением и репутационным менеджментом.

На основе анализа современных отечественных и зарубежных исследований в области психологии, социологии и медиаобразования рассматриваются структурные компоненты цифровой идентичности (когнитивный, ценностно-смысловой, эмоциональный, поведенческий). Проведен сравнительный анализ различных платформ с точки зрения их влияния на стратегии самопрезентации подростков. Выявлены основные риски: цифровой след, кибербуллинг, давление перфекционизма, контекстные коллапсы. Предложена модель педагогического сопровождения, включающая развитие цифровой грамотности, критического мышления и рефлексивных навыков. Результаты исследования могут быть использованы в практической деятельности педагогов, школьных психологов, специалистов по работе с молодежью, а также при разработке образовательных программ по цифровой грамотности и медиабезопасности для подростков и их родителей.

Ключевые слова: цифровая идентичность, подростки, социальные сети, самовыражение, цифровая репутация, цифровой след, медиаграмотность, онлайн-безопасность

FORMATION OF A TEENAGER'S DIGITAL IDENTITY: BALANCE BETWEEN SELF-EXPRESSION IN SOCIAL NETWORKS AND DIGITAL REPUTATION

R. A. Mkrtchyan

Student, Perm Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Perm, Russia, rubenmkrtcan08@gmail.com

Scientific supervisor: E. R. Kuznetsova, Doctor of Economics, Professor,
Perm Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Perm, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of the process of forming the digital identity of a modern teenager in the context of social networks. The main focus is on the analysis of the contradiction between the need for self-expression natural for adolescence, experimentation with images of the «Self» in the digital environment and the formation of a long-term digital reputation, which can have a significant impact on future educational and professional opportunities. The purpose of the work is to identify key factors, mechanisms and risks of this process, as well as to develop recommendations for achieving a balance between self-expression and reputational management.

Based on the analysis of modern domestic and foreign research in the fields of psychology, sociology and media education, the structural components of digital identity (cognitive, value-semantic, emotional, behavioral) are considered. A comparative analysis of platforms (Instagram*, TikTok, VK) is carried out in terms of their impact on adolescents' self-presentation strategies. The main risks are identified: digital footprint, cyberbullying, pressure of perfectionism, context collapses. A model of pedagogical support is proposed, including the development of digital literacy, critical thinking and reflective skills. Scope of application of the results: The results of the study can be used in the practical activities of teachers, school psychologists, youth workers, as well as in the development of educational programs on digital literacy and media safety for adolescents and their parents.

Keywords: digital identity, teenagers, social networks, self-expression, digital reputation, digital footprint, media literacy, online safety

Современный подросток формирует свою личность в уникальной среде, где онлайн- и офлайн-реальности тесно переплетены. Социальные сети перестали быть лишь инструментом коммуникации; они превратились в основное пространство для социализации, самопрезентации и построения идентичности [1]. Этот процесс, однако, сопряжен с фундаментальным противоречием: с одной стороны, подросток стремится к спонтанному, аутентичному, а иногда и провокационному самовыражению, экспериментируя с различными ролями и образами; с другой – его цифровые действия формируют перманентный «цифровой след», совокупность этих действий составляет цифровую репутацию, все чаще подвергающуюся оценке со стороны образовательных учреждений и потенциальных работодателей [2]. Таким образом, актуальность исследования определяется необходимостью научного осмысления механизмов формирования цифровой идентичности подростка в условиях данного противоречия и поиска путей гармонизации процесса.

Целью данной работы – комплексный анализ процесса формирования цифровой идентичности подростков в социальных сетях, направленный на выявление условий и стратегий достижения баланса между потребностью в самовыражении и осознанным управлением цифровой репутацией.

Цифровая идентичность (ЦИ) понимается в работе как динамическая, многокомпонентная система представлений человека о себе, формируемая и проявляемая в процессе взаимодействия в цифровой среде. Она не является простым отражением офлайн-идентичности, а представляет собой ее специфическую проекцию, обладающую собственными свойствами [3]. В структуре ЦИ подростка можно выделить следующие компоненты:

1. *Когнитивный*: осознание себя как пользователя цифровых технологий, понимание норм и правил онлайн-сообществ.

2. *Ценностно-смысловой*: цели и мотивы присутствия в соцсетях (общение, признание, саморазвитие), значимость цифрового образа для самооценки.

3. *Эмоциональный*: переживания, связанные с реакциями на контент (лайки, комментарии, репосты), чувство принадлежности к виртуальным группам.

4. *Поведенческий*: конкретные действия по созданию и курированию контента, выбор платформ, настройки приватности, стиль коммуникации.

Формирование ЦИ – это процесс «примерки» различных ролей, что является естественной задачей подросткового возраста. Однако в цифровой среде этот процесс приобретает свойства перманентности и публичности, что создает специфические риски.

Различные платформы предлагают подросткам разные «сценарии» для самовыражения. Если в одной социальной сети акцент часто делается на визуально безупречном, кураторском образе жизни, то в другом ценятся спонтанность, креативность и юмор. Эти различия формируют разнонаправленные репутационные стратегии.

Ключевые риски, нарушающие баланс между самовыражением и репутацией, включают:

1. *Необратимость цифрового следа*: спонтанно высказанное мнение, провокационная фотография или участие в сомнительном конкурсе могут быть сохранены, скопированы и использованы против подростка спустя годы, даже если оригинальный пост был удален.

2. *Контекстные коллапсы*: слияние разных аудиторий (друзья, родители, учителя, будущие работодатели) в одной ленте новостей затрудняет адресную самопрезентацию. То, что уместно для сверстников, может быть негативно воспринято другими группами.

3. *Давление перфекционизма и синдром «упущенной выгоды»*: постоянное сравнение с искусственно созданными идеальными образами ведет к заниженной самооценке, тревожности и формированию неаутентичной, «приукрашенной» идентичности только ради одобрения.

4. *Кибербуллинг*: агрессия в сети может нанести серьезный удар по формирующейся идентичности и репутации, как жертвы, так и, в некоторых случаях, инициатора травли [4].

Преодоление обозначенных рисков невозможно лишь через запреты или технические средства родительского контроля. Необходимо формирование у подростков *цифровой грамотности*, понимаемой как комплекс компетенций, включающий:

- *Техническую компетентность*: управление настройками приватности, понимание алгоритмов работы платформ.

- *Информационную грамотность*: критическая оценка достоверности контента, распознавание манипулятивных техник.

- *Коммуникативную грамотность*: этика онлайн-общения, понимание последствий цифровых действий.

- *Рефлексивную грамотность*: способность анализировать свои мотивы пребывания в сети, эмоциональные реакции, осознанное проектирование своего цифрового образа [5].

Роль образовательных институтов и семьи заключается в переходе от логики контроля к логике *педагогического сопровождения*, что предполагает:

1. Открытый диалог о цифровом опыте подростка без осуждения.
2. Обучение управлению приватностью и цифровым следом (например, регулярный аудит собственных публикаций и тегов).
3. Развитие навыков критического мышления через совместный разбор кейсов из соцсетей.
4. Обсуждение долгосрочных последствий, моделирование ситуаций, когда цифровая репутация может повлиять на реальные возможности.
5. Поощрение аутентичного самовыражения, не зависящего исключительно от количества лайков.

Формирование цифровой идентичности подростка в социальных сетях представляет собой сложный, многогранный процесс, лежащий в зоне напряжения между двумя полюсами: творческой свободой самовыражения и ответственностью за создаваемый цифровой портрет. Дисбаланс в сторону первого грозит долгосрочными репутационными потерями, в сторону второго – обеднением личности, страхом самопроявления.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что гармонизация этого процесса возможна через целенаправленное развитие цифровой грамотности, ядром которой является критическая рефлексия и прогностическое мышление. Подросток должен научиться воспринимать цифровое пространство не как «песочницу» с исчезающими следами, а как публичную площадь, где его действия имеют последствия. При этом задача взрослых – не запугивать и не запрещать, а создавать поддерживающую среду для освоения новых компетенций, помогая превратить стихийный процесс формирования цифровой идентичности в более осознанный и ответственный акт самоопределения. Будущие исследования могут быть сосредоточены на эмпирической проверке эффективности конкретных образовательных программ, направленных на развитие предложенных компетенций у различных возрастных групп подростков.

Библиографический список

1. Бочавер А. А., Хломов К. Д. Киберсоциализация: становление идентичности в цифровую эпоху // Современная зарубежная психология. 2019. Т. 8, № 1. С. 31–40.
2. Солдатова Г. У., Шляпников В. Н. Цифровая репутация: подходы к определению и методы исследования // Национальный психологический журнал. 2020. № 2 (38). С. 17–30.
3. Turkle S. Life on the Screen: Identity in the Age of the Internet. New York : Simon & Schuster, 1995. 352 p.
4. Войскунский А.Е. Психология и интернет. М. : Акрополь, 2019. 439 с.
5. Цифровая грамотность: учебная программа для образовательных организаций общего образования / под ред. А. Ю. Уварова. М. : ФГАОУ ДПО АПК и ППРО, 2022. 87 с. URL: https://apkpro.ru/upload/digital_literacy_program.pdf (дата обращения: 14.12.2025).

БУДУЩЕЕ НАУЧНЫХ КОММУНИКАЦИЙ: ВЫЗОВЫ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ В РОССИИ

Е. В. Морозова

Студентка, Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Пермь, Россия, kata58522@gmail.com

Научный руководитель: Э. Р. Кузнецова, д-р экон. наук, профессор,
Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Пермь, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию трансформации научных коммуникаций под влиянием цифровых технологий. Цель работы – проанализировать ключевые тенденции и вызовы, связанные с переходом к новой, открытой и цифровой парадигме научного общения, и предложить возможные пути их преодоления. В статье рассмотрены такие феномены, как открытая наука, препринты, альтернативные метрики, а также проанализированы проблемы обеспечения качества, информационной перегрузки и цифрового неравенства. Результаты исследования могут быть использованы научными организациями, издателями, библиотеками и законодателями для формирования сбалансированной и эффективной экосистемы научных коммуникаций. Автор приходит к выводу, что будущее научных коммуникаций лежит в плоскости гибридной модели, сочетающей скорость и открытость цифровых технологий с надежными системами валидации и инклюзивного доступа.

Ключевые слова: научные коммуникации, цифровая эпоха, открытая наука, препринты, альтернативные метрики, рецензирование, информационная перегрузка, цифровое неравенство

THE FUTURE OF SCIENTIFIC COMMUNICATION: CHALLENGES OF THE DIGITAL AGE IN RUSSIA

E. V. Morozova

Student, Perm Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Perm, Russia, kata58522@gmail.com

Scientific supervisor: E. R. Kuznetsova, Doctor of Economics,
Professor, Perm Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Perm, Russia,

Abstract. The article examines the transformation of scientific communication under the influence of digital technologies. The aim is to analyze the key trends and challenges associated with the transition to a new, open and digital paradigm of scientific discourse, and to propose possible ways to overcome them. The article reviews such phenomena as open science, preprints, altmetrics, and analyzes the problems of quality assurance, information overload and the digital divide. The research results can be used by scientific organizations, publishers, libraries and legislators to form a balanced and effective ecosystem of scientific communications. The author concludes that the future of scientific communication lies in a hybrid model that combines the speed and openness of digital technologies with reliable systems of validation and inclusive access.

Keywords: scientific communication, digital era, open science, preprints, altmetrics, peer review, information overload, and digital inequality

В эпоху глобальной цифровизации наука, как основной генератор знаний, не может оставаться в прежних форматах коммуникации. На смену традиционным журнальным публикациям и конференциям приходят принципиально новые, цифровые форматы взаимодействия внутри научного сообщества. Цифровая трансформация научных коммуникаций – это не просто появление новых инструментов, это смена самой парадигмы распространения и валидации знаний, которая ставит сложные вызовы перед исследователями, издателями и научными организациями [1].

Современная система научных коммуникаций переживает период фундаментальных изменений, движущей силой которых являются цифровые технологии. Их влияние проявляется в нескольких ключевых тенденциях. Во-первых, это движение к *открытой науке*, которое предполагает свободный доступ к публикациям, исследовательским данными образовательным ресурсам [1]. Эта тенденция разрушает финансовые и юридические барьеры на пути к знаниям, способствуя демократизации науки. Во-вторых, революционную роль играет распространение препринтов – нерецензированных научных работ, размещаемых в открытых архивах. Это позволяет практически мгновенно ознакомить мировое научное сообщество с новыми результатами и ускорить получение обратной связи, смещая акцент с фиксации результата на непрерывный процесс обсуждения. Еще одной важной тенденцией является развитие альтернативных метрик (Altmetrics), которые оценивают влияние научной работы не только через цитируемость в журналах, но и через ее упоминания в социальных сетях, блогах, новостных СМИ и политических документах [3]. Это позволяет оценить не только академическое, но и социальное воздействие исследования.

Цифровая эпоха радикально преобразует подходы к генерации, распространению и усвоению научных знаний. От традиционных рукописных заметок до сложных алгоритмов искусственного интеллекта – каждый этап научного процесса подвергается цифровизации, что открывает новые горизонты для исследований и открытий.

В России цифровизация науки признана стратегическим приоритетом, направленным на повышение глобальной конкурентоспособности. Инвестиции в цифровую инфраструктуру и разработка инновационных решений являются ключевыми для поддержания динамичного развития научно-технологического сектора страны.

Стоящие перед нами вызовы включают адаптацию существующей инфраструктуры к новым цифровым реалиям, разработку и внедрение современных форматов научных коммуникаций, а также обеспечение принципов открытого доступа к научным данным и публикациям. Преодоление этих препятствий необходимо для успешной интеграции России в глобальное научное сообщество.

Трансформация научных коммуникаций в цифровую эпоху представлена на рис. 1.

Рис. 1. Схема трансформация научных коммуникаций в цифровую эпоху

Цифровая эпоха необратимо изменила ландшафт научных коммуникаций, переведя их из аналогового формата в высокотехнологичную среду [4, с. 210]. Отказ от традиционных печатных изданий в пользу электронных журналов и репозиториев стал первым шагом к демократизации знаний. Принципы открытого доступа и открытых данных не просто обеспечивают широкое распространение информации, но и способствуют прозрачности и воспроизводимости исследований. Интерактивные платформы и социальные сети создают новые возможности для ученых по всему миру обмениваться идеями, формировать коллаборации и получать мгновенную обратную связь. Наконец, интеграция инструментов искусственного интеллекта (ИИ) в научные коммуникации обещает революционизировать процессы анализа данных, создания контента и даже рецензирования, открывая эру «умной» науки (см. рис. 1).

Вызовы цифровой эпохи для российских научных коммуникаций. Один из ключевых вызовов – неравномерное развитие цифровой инфраструктуры [8, с. 38]. Многие регионы и даже некоторые университеты испытывают недостаток в высокоскоростном интернете, современном оборудовании и программном обеспечении, что замедляет внедрение цифровых решений в научную деятельность.

Рост объема публикаций в цифровой среде сопровождается увеличением случаев публикации низкокачественных исследований и так называемой «псевдонауки». Это требует усиления механизмов рецензирования и контроля качества, а также повышения прозрачности процесса публикации.

Существует неравномерный доступ к современным научным платформам, базам данных и аналитическим инструментам. Это создает «цифровой разрыв» между ведущими научными центрами и периферийными учреждениями, ограничивая возможности для полноценных исследований и коллабораций.

В академической среде все еще присутствует определенное сопротивление изменениям. Культурные барьеры, связанные с привычными моделями работы и недостаточной цифровой грамотностью, замедляют внедрение новых цифровых практик и требуют дополнительных усилий по обучению и мотивации.

Будущее научных коммуникаций в России видится в тесной интеграции передовых цифровых технологий, которые не только ускорят процессы, но и качественно

изменяют способ взаимодействия ученых с информацией и друг с другом [6, с. 7]. Ключевые направления развития представлены на рис. 2.

Рис. 2. Ключевые направления развития цифровых технологий и научных коммуникаций

Таким образом, цифровая эпоха формирует как колоссальные вызовы, так и беспрецедентные возможности для развития российских научных коммуникаций. Успешное преодоление этих вызовов требует системных изменений, значительных инвестиций в инфраструктуру, а также активной государственной поддержки и нормативного регулирования.

Россия обладает огромным научным потенциалом и, при условии координации усилий всех заинтересованных сторон – научных учреждений, университетов, бизнеса и государства, способна стать лидером в области цифровых научных коммуникаций. Важно найти баланс между внедрением инноваций и сохранением высоких стандартов научной добросовестности и качества.

Призыв к развитию междисциплинарных исследований и открытого диалога между наукой, бизнесом и обществом является фундаментальным для построения эффективной цифровой экосистемы, которая будет способствовать прорывам в науке и технологиях на благо всей страны. Только так мы сможем обеспечить светлое будущее российской науки в условиях цифрового мира.

Библиографический список

1. Чернышов М. Ю. Научное исследование: от идеи до публикации // M-chernyshov.tilda.ws. URL: <https://m-chernyshov.tilda.ws/scientificresearch> (дата обращения: 11.11.2025).
2. Открытая наука // Википедия. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Open_science (дата обращения: 11.11.2025).
3. Альтметрики: что это такое и как они оценивают научное влияние // Информационный портал «Панорама». URL: <https://nauka.panor.ru/statyi/hto-takoe-altmetrics-i-kak-oni-ocenivayut-nauchnoe-vliyanie/> (дата обращения: 11.11.2025).

4. Семёнов Е. В., Соколов Д. В., Гайдин Б. Н. «Цифровая трансформация научных коммуникаций: научный журнал в формате электронного издания» // Управление наукой: теория и практика. 2022. Т. 4, № 2. С. 210–232.
5. Попова С. М. «К вопросу о понятии цифровой трансформации науки» // Тренды и управление. 2019. № 4. С. 1–16.
6. Антопольский А. Б. Будущее научных коммуникаций и научной информации // Информация и инновации. 2019. Т. 14, № 1. С. 7–17.
7. Платонова С. И. Эпистемологические трансформации науки в цифровую эпоху // Манускрипт. 2021. № 8. С. 1628–1631.
8. Инфраструктура цифровой экономики / И. В. Бычков, Г. М. Ружников, Р. К. Фёдоров, А. О. Шигаров, В. В. Парамонов // Сб. материалов XVI Всерос. конф. / Ин-т вычислительных технологий СО РАН. – 2017. – С. 38–43.

БЕРЕЖЛИВОЕ ПРОИЗВОДСТВО И РОССИЙСКАЯ ШКОЛА НАУЧНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА: ПРЕЕМСТВЕННОСТЬ И СОВРЕМЕННОСТЬ

О. М. Палкина

Канд. экон. наук, доцент, Западно-Уральский институт
экономики и права, Пермь, Россия, olpalkina@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы становления и развития теории и практики внедрения проекта бережливого производства. Раскрыта значимость влияния на теорию и практику развития вопроса бережливого производства русской школы научной организации труда, становление которой пришлось на 20-е гг. XX столетия. Дана краткая характеристика взглядов русских ученых, таких как А. А. Богданов, А. К. Гастев, О. А. Ерманский, Е. Ф. Розмирович, Н. А. Витке. Показана преемственность внедрения теории научной организации труда и бережливого производства в современной промышленной политике России.

Ключевые слова: бережливое производство, научная организация труда, русская школа научной организации труда, производительность труда

LEAN PRODUCTION AND THE RUSSIAN SCHOOL OF SCIENTIFIC ORGANIZATION OF LABOR: CONTINUITY AND MODERNITY

O. M. Palkina

Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
West Ural Institute of Economics and Law,
Perm, Russia, olpalkina@mail.ru

Abstract. The article discusses the formation and development of the theory and practice of lean production project development. It reveals the significance of the influence of the Russian school of scientific labor organization, which was established in the 1920s, on the theory and practice of implementing lean production. The article provides a brief overview of the views of Russian scientists such as A. A. Bogdanov, A. K. Gastev, O. A. Yermansky, E. F. Rozmirovich, and N. A. Vitke. The article demonstrates the continuity of the implementation of the theory of scientific labor organization and lean production in modern Russian industrial policy.

Keywords: lean production, scientific organization of labor, Russian school of scientific organization of labor, and labor productivity

В условиях современных трансформационных процессов достаточно широкое распространение получила концепция бережливого производства. Данная концепция включает в себя множество инструментов, использование которых приводит к повышению производительности труда, в основном за счет сокращения времени и трудовых

затрат, необходимых для получения эффективного результата. На сегодняшний день бережливые технологии массово внедряют не только на предприятиях, но и в образовательных организациях. В 2016–2017 гг. Правительство Российской Федерации при поддержке ГК «Росатом» приняло решение об этапной реализации бережливых технологий через философию бережливого производства федеральных проектов «Бережливое правительство» и «Бережливая поликлиника». В 2018 г. на I Всероссийской конференции «Бережливый вуз» присоединились и образовательные организации (Пятигорский медико-фармацевтический институт ПМФИ). В 2020–2025 гг. опыт внедрения бережливых технологий «Росатом» распространяет не только на производствах. Эти инструменты работают в таких сферах, как медицина, образование, служба занятости, муниципальное управление [6]. Цель – вовлечение образовательных организаций в процесс применения бережливых технологий. Производственная система «Росатома» (ПСР) – это культура бережливого производства и система непрерывного совершенствования процессов для обеспечения конкурентного преимущества на мировом уровне.

Пермский край также активно включился в процесс внедрения бережливых технологий. Так, в 2020 г. между правительством Пермского края и Государственной корпорацией по атомной энергии «Росатом» было подписано Соглашение о сотрудничестве. Правительством Пермского края принята Концепция по внедрению бережливых технологий в системе образования Пермского края, утвержденная приказом Министерства образования и науки Пермского края от 3 июня 2022 г. № 26-01-06-525 [2].

Целью внедрения проекта по направлению «Бережливое образование» является улучшение показателей образования Пермского края за счет реализации проектов, основанных на применении принципов и методов «Бережливая школа». В июне 2022 г. к программе «Бережливое образование» присоединился ЧОУ ВО «Западно-Уральский институт экономики и права» и стал региональным оператором программы «Бережливое образование» для средних профессиональных организаций. 23 июня 2022 г. в ЧОУ ВО «ЗУИЭП» состоялась очная встреча, где совместно с Н. С. Давыдовой, руководителем проекта от ГК «Росатом», и сотрудниками Института были обсуждены перспективы дальнейшего сотрудничества по программе «Бережливое образование» в образовательных организациях Пермского края. Одной из проблем является отсутствие национальных стандартов бережливого производства в сфере образования – как профессионального среднего, так и высшего образования.

Практика инструментов бережливого производства в условиях российской действительности становится актуальным и востребованным инструментом управления организацией, так как способствует повышению конкурентоспособности предприятия, а также качества производимых товаров или услуг.

Обратимся к определению понятия «бережливое производство» (lean production): «это подход к управлению производственным процессом, основанный на постоянном стремлении к устранению всех видов потерь, что предполагает вовлечение в процесс оптимизации бизнеса каждого сотрудника и максимальную ориентацию на потребителя» [1, с. 2].

Отцом-основателем теории и практики бережливого производства считается Тайити Оно, который начал внедрять данный проект, работая в Toyota Motor

Corporation в 1943 г. В середине 1950-х гг. он начал выстраивать особую систему организации производства, названную «Производственная система Toyota», или Toyota Production System (TPS). Позже данную систему стали называть в компании «Тойота» «Система думающих людей» (Thinking People System). Важно, что Тайити Оно в своей практике изучал опыт российских предприятий и Центрального института труда (ЦИТ), созданного в СССР в 1920 г. Как отмечает Н. С. Давыдова, «в результате этого многолетнего труда он сконцентрировал весь полученный опыт, разложил его на принципы, четко определил инструменты выявления и устранения потерь. Он понял, что главным капиталом компании является персонал» [1, с. 18].

Таким образом, научная организация труда и ее основные положения активно изучались и применялись учеными-основоположниками теории и практики бережливого производства.

Российские исследователи внесли значительный вклад в развитие теории научного менеджмента, а именно научной организации труда (НОТ). Можно говорить о русской школе научной организации труда, ее вкладе в развитие современной управленческой науки и преемственности. Достаточно активно внедрялись в практику идеи российских ученых, изложенные в работах: А. А. Богданова «Тектология. Всеобщая организационная наука», А. К. Гастева «Как надо работать» (1921 г.), «Нормирование и организация труда» (1929 г.), О. А. Ерманского «Научная организация труда и система Тейлора» (1922 г.), Е. Ф. Розмирович «НОТ, РКИ и партия: Научная организация труда, Рабоче-крестьянская инспекция и партия: к постановке вопроса о технике управления» (1926 г.), Н. А. Витке «Организация управления и индустриальное развитие», П. М. Керженцева «Принципы организации» (1968 г.) и других.

Русская научная школа управления начала формироваться в 20-е гг. XX столетия. Основная цель научных исследований российских ученых состояла в усовершенствовании трудовых процессов, экономии и рациональном использовании рабочего времени. Требовалось эффективное повышение производительности труда, так как разворачивались грандиозные стройки для восстановления народного хозяйства молодого советского государства. В это же время происходит формирование и становление теоретических основ исследования трудовых процессов на предприятиях. Эта теория и получила название теории научной организации труда. Научная организация труда (НОТ) – процесс совершенствования организации труда на основе достижений науки и передового опыта. Задачи, которые решаются в рамках НОТ, – совершенствование форм разделения труда, улучшение организации рабочих мест, рационализация методов труда, оптимизация нормирования труда, подготовка рабочих кадров [1, с. 16].

Теория научной организации труда (НОТ) в рамках российской школы включала три группы задач:

- экономические задачи направлены на достижение высокого уровня производительности труда;
- психофизиологические задачи базировались на обеспечении благоприятных условий для нормального функционирования и воспроизводства рабочей силы;

– социальные задачи основывались на обеспечении условий, в которых возможно всестороннее и гармоничное развитие личности работников, повышение степени содержательности и привлекательности их труда.

Рассмотрим некоторые научные позиции ученых российской школы научной организации труда.

Александр Александрович Богданов (1873–1928 гг.), экономист и философ, предлагал создать особую организационную науку, где техническая организация процесса управления была бы определяющей по отношению к другим, таким как человеческая и идейная теории. Он доказывал идеи устойчивости систем и обратных связей в организации. Одной из наиболее ярких работ в рамках развития науки управления в России принято считать работу А. А. Богданова «Тектология. Всеобщая организационная наука». В ходе анализа сущности организации автор пришел к выводу, что нужен системный подход к ее изучению, он предложил характеристику соотношения системы и ее элементов, привел доказательства того, что организованное целое больше механической суммы его частей. Богданов выделил некоторое количество общих законов организационной науки, среди которых – закон наименьших. В нем говорится о том, что прочность любой цепи можно определить наиболее слабым из всех ее звеньев, а темпы развития экономики, в таком случае, – при помощи состояния отстающей ее отрасли. Центральная мысль этого закона была взята в качестве основы сетевого метода планирования и управления, где определяется «критический путь» управляемого процесса через наиболее слабые точки каждого из этапов.

Осип Аркадьевич Ерманский (1866–1941 гг.) ввел в научный оборот сам термин «научная организация труда», или НОТ. В 1918 г. вышла его книга «Система Тейлора», в 1922 г. – книга «Научная организация труда и производства и система Тейлора», которая выдержала с 1922 по 1925 г. пять изданий, переведена на несколько языков. В ней он писал, что проблема научной организации труда «представляет собой редкое сочетание глубокого теоретического интереса с практическим значением остро актуальной задачи» [4].

Алексей Капитонович Гастев (1882–1939 гг.) – теоретик научной организации труда и руководитель Центрального института труда (ЦИТ). Алексей Капитонович сформулировал по своей сути первую программу организации труда ЦИТ. Это были правила труда, которые были перенесены на плакат и размещены почти на всех производственных предприятиях, функционировавших до 90-х гг. XX в. в России. Сам исследователь называл их практической методологией организации труда. Сформулированные правила легли в основу его научных трудов «Как надо работать» (1921 г.), «Трудовые установки» (1924 г.), «Нормирование и организация труда» (1929 г.), «Научная организация труда» (1935 г.). Отметим, что А. К. Гастев предвосхитил идеи научной школы человеческих отношений в менеджменте, он указывал на отсутствие культуры труда у рабочих и необходимости обучения. Считал, что главную роль в работе предприятия играет человек, а эффективность организации начинается с личной эффективности каждого человека на рабочем месте, в частности, с эффективного использования времени на производстве.

Николай Андреевич Витке (1891–1938 гг.) – сторонник поведенческой организации управленческих отношений русской школы менеджмента. Рассматривал управление как способ высвобождения творческого потенциала работников. Ввел в научный

оборот ряд важных понятий («человеческий фактор производства», «коллективно-трудовая деятельность», «социально-психологическая атмосфера», «организационный кризис»). Николай Андреевич выдвинул концепцию человеческого фактора в управлении предприятием, тем самым опередив подход Э. Мэйо к процессу управления. Описывал идею значимой роли администратора в создании в трудовом коллективе благоприятной психологической атмосферы, как он называл, «духа улья».

Таким образом, мы видим, что русская школа научной организации труда сыграла значительную роль как в жизни работы промышленных предприятий советского государства, так в методологии и развитии теории менеджмента, в частности теории бережливого производства. Отечественные исследователи рассматривали управление и как деятельность руководителя, и как среду непосредственных исполнителей, условия стимулирования их труда, а также как возможность применения разнообразных экспериментов по повышению эффективности производства и производительности труда.

Актуальность данных научных подходов русской школы научной организации труда прослеживается сегодня и во внедрении проекта «Бережливое производство» и национального проекта «Производительность труда» [5], начало которого было в 2018 г., а завершение – в 2024 г. Участниками этого национального проекта стали около 6 тыс. предприятий России. Сегодня на предприятиях России внедряется федеральный проект «Производительность труда» до 2030 г. в рамках национального проекта «Эффективная и конкурентная экономика».

Библиографический список

1. Давыдова Н. С. Бережливое производство : монография. Ижевск : Изд-во Ин-та экономики и управления УдГУ, 2012. 138 с.
2. Концепция по внедрению бережливых технологий в системе образования Пермского края. URL: <https://base.garant.ru/405133119/>
3. Оно Т. Производственная система Тойоты. Уходя от массового производства : пер. с англ. М. : Ин-т комплекс. стратег. исслед., 2006. 195 с.
4. Ерманский О. А. Научная организация труда и производства и система Тэйлора. Архивная копия от 12 июня 2021 на Wayback Machine. 4-е изд. М.: Гос. изд., 1925. [2], X, 380, VIII с. (Библиотека по научной организации труда). URL: <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01004929570?page=1&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 21.12.2025).
5. Паспорт национального проекта «Производительность труда и поддержка занятости». URL: https://www.economy.gov.ru/material/directions/np_proizvoditelnost_truda/ (дата обращения: 23.12.2025).
6. Ковылин А. С. Концепция внедрения бережливого производства на промышленном предприятии «РОСАТОМ» // Современная модель управления: проблемы и перспективы : материалы VIII Всерос. (нац.) науч.-практ. конф. Магнитогорск, 2024. С. 107–114.

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ КАК ИНСТРУМЕНТ ФИНАНСОВОЙ ИНКЛЮЗИИ: ПРАВОВЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Е. А. Патраков

Студент, Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Пермь, Россия, patrackovegor@yandex.ru

Научный руководитель: Э. Р. Кузнецова, д-р экон. наук, профессор,
Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Пермь, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются перспективы внедрения цифрового рубля как инструмента повышения финансовой инклюзии в Российской Федерации. Цель исследования – анализ правовых и экономических аспектов цифрового рубля, оценка его потенциала для расширения доступа к финансовым услугам, особенно для социально уязвимых групп населения. В работе использованы методы сравнительного анализа, системного подхода и нормативно-правового анализа. Результаты исследования показывают, что цифровой рубль способен снизить транзакционные издержки, повысить прозрачность расчетов и обеспечить финансовую доступность в удаленных регионах. Вместе с тем выявлены правовые риски, связанные с защитой персональных данных, кибербезопасностью и регулированием эмиссии. Область применения результатов включает разработку государственных программ финансовой интеграции, совершенствование нормативной базы цифровой валюты, а также стратегии цифровизации финансового сектора.

Ключевые слова: цифровой рубль, финансовая инклюзия, цифровая трансформация, правовое регулирование, экономическая безопасность, ЦБ РФ, цифровая валюта

DIGITAL RUBLE AS A TOOL OF FINANCIAL INCLUSION: LEGAL AND ECONOMIC ASPECTS

E. A. Patrakov

Student, Perm Branch of the Russian Academy of National Economy
and Public Administration under the President of the Russian Federation,
Perm, Russia, patrackovegor@yandex.ru

Scientific supervisor: E. R. Kuznetsova, Doctor of Economic Sciences,
Professor, Perm Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Perm, Russia,

Abstract. The article examines the prospects for the introduction of the digital ruble as a tool for increasing financial inclusion in the Russian Federation. The purpose of the study is to analyze the legal and economic aspects of the digital ruble, assess its potential for expanding access to financial services, especially for socially vulnerable groups. The work uses methods of comparative analysis, systemic approach, and regulatory analysis. The results show that the digital ruble can reduce transaction costs, increase transparency of settlements, and ensure financial accessibility in

remote regions. At the same time, legal risks related to personal data protection, cybersecurity, and emission regulation are identified. The scope of the results includes the development of state financial integration programs, improvement of the regulatory framework for digital currency, and strategies for digitalization of the financial sector.

Keywords: digital ruble, financial inclusion, digital transformation, legal regulation, economic security, Central Bank of Russia, digital currency

Цифровая трансформация финансовой системы является одним из ключевых трендов современной экономики. Внедрение цифрового рубля, инициированное Банком России, открывает новые возможности для повышения финансовой инклюзии – обеспечения доступа к финансовым услугам для всех категорий граждан [1, с. 45]. Актуальность темы обусловлена растущим разрывом в доступности финансовых услуг между городским и сельским населением, а также необходимостью интеграции цифровых технологий в национальную платежную систему. Целью данной работы является комплексный анализ экономических и правовых аспектов цифрового рубля как инструмента финансовой инклюзии, а также оценка его социально-экономического потенциала.

Цифровые валюты центральных банков (Central Bank Digital Currencies, CBDC) представляют собой цифровую форму фиатных денег, эмитируемых и гарантированных государством. В мировой практике выделяют два основных типа CBDC: розничные (для населения и бизнеса) и оптовые (для межбанковских расчетов). Цифровой рубль относится к розничному типу и предназначен для широкого использования в расчетах [2, с. 34].

Ключевые преимущества CBDC включают:

- снижение зависимости от наличных денег;
- повышение скорости и прозрачности транзакций;
- сокращение издержек на печать и обслуживание наличности;
- возможность программирования денег (например, для целевых социальных выплат).

Однако внедрение CBDC сопряжено с рисками: возможный отток депозитов из коммерческих банков, угрозы кибербезопасности, необходимость защиты конфиденциальности пользователей [3, с. 78].

Финансовая инклюзия – это доступность и возможность использования финансовых услуг для всех слоев населения. По данным ЦБ РФ, около 20 % взрослого населения России остаются вне банковской системы, особенно в удаленных и сельских районах [4]. Цифровой рубль может стать решением данной проблемы благодаря следующим характеристикам: возможность использования без банковского счета через упрощенную идентификацию; низкие транзакционные издержки; доступность через мобильные приложения даже при слабом интернет-соединении (офлайн-режим).

Внедрение цифрового рубля позволит сократить издержки на обработку наличных денег, которые, по оценкам, составляют до 1,5 % ВВП [5]. Это особенно важно для малого бизнеса и государственных учреждений, работающих с большими объемами наличности.

Цифровой рубль может стать катализатором перехода к безналичной экономике, что повысит прозрачность финансовых потоков и снизит теневой оборот. Это также со-

здаст условия для развития новых финансовых сервисов, таких как микрокредитование, страхование и инвестиционные продукты для населения с низкими доходами.

Внедрение цифрового рубля открывает для Банка России новые инструменты реализации денежно-кредитной политики. Однако эти возможности сопряжены с рисками. Излишняя прозрачность и потенциальный контроль за тратами граждан вызывают опасения в области приватности и свободы распоряжения личными финансами.

Прямой канал взаимодействия с держателями цифровой валюты позволяет теоретически применять более точные и адресные меры, рассмотренные ниже.

Программируемые деньги для целевого стимулирования. Цифровой рубль может быть запрограммирован на использование только в определенных секторах экономики (например, малый бизнес, сельское хозяйство), что повысит эффективность государственной поддержки.

Потенциал для отрицательных процентных ставок на розничном уровне. В отличие от традиционных депозитов, с которых сложно взимать отрицательный процент, технически возможно установить комиссию за хранение крупных сумм в цифровых рублях на кошельках физических лиц. Это может стать дополнительным инструментом стимулирования расходов и борьбы с дефляционными тенденциями в кризисные периоды [8, с. 17].

Повышение прозрачности денежного агрегата M0. Поскольку все операции с цифровым рублем будут фиксироваться в центральном реестре ЦБ, регулятор получит данные о скорости обращения денег в режиме, близком к реальному времени. Это позволит точнее оценивать инфляционные ожидания и оперативнее реагировать на изменения в экономике.

Пояснение. Двухуровневая модель предполагает эмиссию цифрового рубля Центральным банком и его распределение через коммерческие банки, что обеспечивает стабильность финансовой системы и снижает риски оттока депозитов.

На основе пилотных проектов ЦБ РФ можно спрогнозировать следующие экономические эффекты от внедрения цифрового рубля (табл. 1).

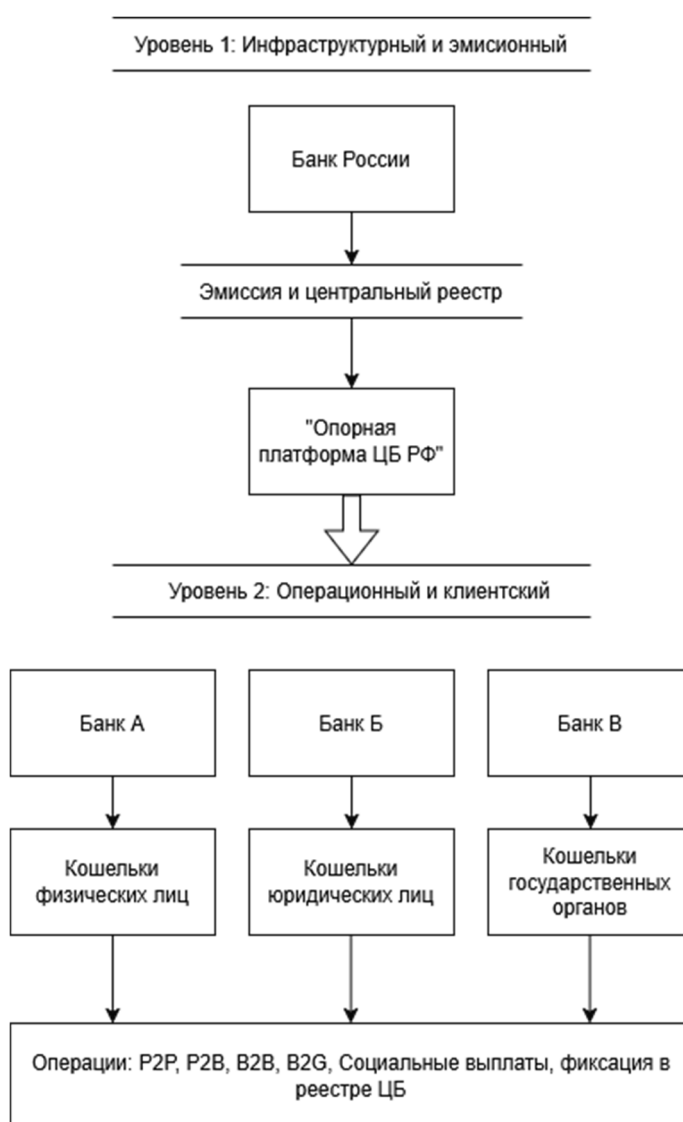

Рис. Схема обращения цифрового рубля в двухуровневой модели

Прогноз экономических эффектов цифрового рубля к 2030 году

Показатель	Базовый сценарий	Оптимистичный сценарий
Снижение издержек на наличные	0,8 % ВВП	1,2 % ВВП
Рост безналичных платежей	15 %	25 %
Увеличение финансовой включенности	+12 % населения	+20 % населения
Сокращение теневого оборота	–5 %	–10 %
Рост ВВП за счет цифровизации	0,50 %	1,20 %

Источник: расчеты автора на основе данных ЦБ РФ и Минэкономразвития.

Приведенные расчеты показывают, что цифровой рубль может стать драйвером роста цифровой экономики и повышения эффективности государственного управления.

Правовое регулирование цифрового рубля основывается на федеральном законе от 31.07.2020 № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте», который определяет основные понятия и принципы обращения цифровых валют [1]. Однако для полноценного внедрения цифрового рубля необходимы дополнения к Гражданскому кодексу РФ, Налоговому кодексу, а также отдельным нормативным актам ЦБ РФ.

Обработка персональных данных при использовании цифрового рубля должна соответствовать требованиям федерального закона № 152-ФЗ «О персональных данных». Возникают вопросы о балансе между конфиденциальностью пользователей и необходимостью контроля за транзакциями для противодействия отмыванию денег и финансированию терроризма.

Цифровой рубль как критическая инфраструктура требует высокого уровня защиты от кибератак. Необходимо четкое определение ответственности за убытки, возникшие в результате сбоев системы, мошенничества или хакерских атак. Это требует разработки специальных правовых механизмов страхования и компенсаций.

Внедрение цифрового рубля создает новые вызовы для системы валютного регулирования и международных расчетов. В настоящее время отсутствует унифицированная международная правовая база, регулирующая обращение CBDC через границы.

Коллизии юрисдикций. При осуществлении трансграничной платежной операции с использованием цифрового рубля возникает вопрос о применимом праве в случае спора: законодательство страны-эмитента (России), страны получателя или международные договоры [10, с. 48].

Модернизация валютного контроля. Действующие правила валютного контроля РФ, основанные на отчетности резидентов о движении средств на зарубежных счетах, могут оказаться неэффективными. Цифровой рубль, хранящийся в кошельке резидента, технически может быть доступен для платежей нерезиденту без открытия счета в иностранном банке. Это требует пересмотра процедур и, возможно, создания систем автоматического мониторинга кросс-бордерных транзакций непосредственно на платформе ЦБ.

Обход санкционных ограничений. Одним из дискуссионных мотивов развития цифрового рубля является создание инструмента для международных расчетов, не-

зависимого от западных платежных систем (SWIFT) и доллара США. Однако для легитимного использования в этой роли необходимо создание сети взаимного признания CBDC с другими странами-партнерами и разработка соответствующих межгосударственных соглашений.

Таким образом, правовое обеспечение цифрового рубля должно развиваться не только на национальном, но и на международном уровне.

Китай является лидером в области внедрения CBDC. Цифровой юань (e-CNY) уже тестируется в нескольких регионах и используется для социальных выплат, стимулируя финансовую инклюзию среди сельского населения. Опыт Китая показывает важность государственной поддержки и интеграции CBDC с существующими платежными системами [6].

ЕЦБ проводит консультации по внедрению цифрового евро, уделяя особое внимание защите приватности и устойчивости финансовой системы. Европейский опыт акцентирует необходимость баланса между инновациями и стабильностью.

Швеция, где уровень использования наличных денег один из самых низких в мире, рассматривает e-krona как способ обеспечить доступ к государственным деньгам в цифровую эпоху. Этот пример демонстрирует, что CBDC может быть инструментом сохранения суверенитета национальной валюты [7].

Таблица 2

Сравнительная характеристика моделей CBDC в разных странах

Параметр	Россия (цифровой рубль)	Китай (e-CNY)	ЕС (цифровой евро)	Швеция (e-krona)
Тип CBDC	Розничный, двух-уровневая модель	Розничный, гибридная модель	Розничный (планируется)	Розничный
Статус	Пилотные испытания	Массовое тестирование	Консультационная фаза	Исследовательская фаза
Доступность	Через банки и мобильные приложения	Через банки и платёжные приложения	Через банки (планируется)	Через банки и Riksbank
Офлайн-платежи	Да (ограниченно)	Да	В планах	Да
Программируемость	Ограниченная (соц. выплаты)	Да (умные контракты)	Рассматривается	Нет
Цель внедрения	Финансовая инклюзия, суверенитет	Контроль, цифровизация экономики	Конкуренция с частными валютами	Замена наличных
Правовая база	ФЗ № 259-ФЗ	Закон о цифровом юане	Регламент ЕЦБ (в разработке)	Закон о платежных системах

Успешное внедрение цифрового рубля зависит от уровня цифровой грамотности населения. Необходимы образовательные программы, особенно для пожилых людей и жителей сельской местности, чтобы научить их безопасному использованию цифровой валюты.

Цифровой рубль может использоваться для целевых социальных выплат (например, пособий, субсидий), что повысит эффективность и прозрачность их рас-

пределения. Программируемые деньги позволят гарантировать, что средства будут израсходованы на конкретные цели (лечение, образование, продукты питания).

Возможный отток депозитов из коммерческих банков в цифровой рубль может повысить стоимость кредитования и снизить прибыльность банков. Для минимизации этого риска ЦБ РФ рассматривает возможность установления лимитов на холдинги цифровых рублей для физических лиц.

Зависимость от цифровой инфраструктуры создает уязвимости: сбои в работе системы, кибератаки, технические ошибки. Необходимо создание резервных систем и протоколов восстановления.

Отсутствие единой международной правовой рамки для CBDC может создавать сложности в трансграничных расчетах и регулировании.

Цифровой рубль обладает значительным потенциалом для повышения финансовой инклюзии, особенно в удаленных и социально уязвимых регионах России. Его внедрение способно снизить транзакционные издержки, повысить прозрачность расчетов и стимулировать развитие цифровой экономики. Однако успех этой инициативы зависит от гармоничного сочетания экономических инноваций, надежной правовой базы и мер по повышению цифровой грамотности населения.

Для минимизации рисков необходимо:

- разработать четкую нормативно-правовую базу;
- обеспечить высокий уровень кибербезопасности;
- проводить образовательные кампании для населения;
- учитывать международный опыт и координировать действия с другими странами.

Цифровой рубль – это не только технологическое новшество, но и инструмент социально-экономического развития, который может способствовать сокращению неравенства и укреплению финансового суверенитета России.

Библиографический список

1. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007310075> (дата обращения: 14.12.2025).
2. О Концепции развития цифрового рубля : доклад Банка России. М., 2023. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/140169/concept_13102021.pdf (дата обращения: 03.12.2025).
3. Горина Т. И., Мерзляков С. А. Цифровой рубль: возможности и риски для финансовой системы России // Финансы и кредит. 2023. Т. 29, № 1. С. 34–55. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/tsifrovoy-rubl-vozmozhnosti-i-riski-dlya-finansovoy-sistemy-rossii> (дата обращения: 10.12.2025).
4. Смирнов А. В. Финансовая инклюзия в условиях цифровой трансформации: международный опыт и российские реалии // Экономика региона. 2022. Т. 18, № 4. С. 1126–1140. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/finansovaya-inklyuziya-v-usloviyah-tsifrovoy-transformatsii-mezhdunarodnyy-opyt-i-rossiyskie-realii> (дата обращения: 18.12.2025).

5. Боар К., Верли А. Готовы, к старту? – Результаты третьего опроса БМР по цифровым валютам центральных банков // Документы Банка международных расчетов. 2021. № 114. URL: <https://www.bis.org/publ/bppdf/bispar114.pdf> (дата обращения: 05.12.2025).
6. Народный банк Китая. Отчет о ходе пилотных испытаний цифрового юаня (e-CNY). 2023. URL: <http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/4437856/2023031614574699620.pdf> (дата обращения: 12.12.2025).
7. Козлов А. К. Кибербезопасность цифровых валют центральных банков: вызовы для России // Вопросы кибербезопасности. 2022. № 4 (48). С. 22–31. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/kiberbezopasnost-tsifrovyyh-valyut-tsentralnyh-bankov-vyzovy-dlya-rossii> (дата обращения: 09.12.2025).
8. Европейский центральный банк. Отчет об этапах исследования по цифровому евро. Франкфурт, 2023. URL: https://www.ecb.europa.eu/pub/pdf/other/ecb.digital_euro_report~c5b98aa4d9.en.pdf (дата обращения: 15.12.2025).
9. Абрамова М. А., Трофимова Г. Н. Цифровая грамотность как фактор успешной адаптации населения к использованию CBDC // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2023. № 4. С. 204–223. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/tsifrovaya-gramotnost-kak-faktor-uspeshnoy-adaptatsii-naseleniya-k-ispolzovaniyu-cbdc> (дата обращения: 19.12.2025).
10. Гусев А. Ю. Правовые проблемы внедрения цифрового рубля в контексте защиты прав потребителей // Банковское право. 2024. № 1. С. 45–52. URL: <https://cyberleninka.ru/article/v/pravovye-problemy-vnedreniya-tsifrovogo-rublya-v-kontekste-zaschity-prav-potrebiteley> (дата обращения: 07.12.2025).

ИГРОВАЯ ОНЛАЙН-АДДИКЦИЯ В ПРОБЛЕМЕ СОЦИАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ ЛИЧНОСТИ

В. В. Пискунова

Канд. мед. наук, доцент, Пермский государственный
аграрно-технологический университет, Пермь, Россия, hr.piskunova@mail.ru

Аннотация. В статье рассмотрена проблема вовлеченности студенческой молодежи в онлайн-игры как одного из показателей социальной безопасности личности. Проведен анализ социально-психологических, медицинских исследований, посвященных взаимосвязанным проблемам: интернет-зависимости, игровой онлайн-зависимости и социальной безопасности личности. Представлены результаты опроса обучающихся колледжа о вовлеченности в онлайн-игры.

Ключевые слова: обучающиеся, колледж, социальная безопасность личности, интернет-зависимость, онлайн-игры, игровая онлайн-зависимость

ONLINE GAMING ADDICTION AND SOCIAL SECURITY

V. V. Piskunova

Candidate of Medical Sciences, Associate Professor,
Perm State Agricultural Academy, Perm, Russia, hr.piskunova@mail.ru

Abstract. The article considers the problem of student youth involvement in online games as one of the indicators of social security of an individual. The analysis of socio-psychological and medical research devoted to interrelated problems of Internet addiction is carried out, online gambling addiction and personal social security. The results of a survey of college students about their involvement in online games are presented.

Keywords: students, college, personal social security, internet addiction, online games, online gaming addiction

Актуальность проблемы социальной безопасности личности определена широким спектром вопросов нормативно-правового, экономического, социокультурного характера. Биосоциальный конструкт человеческого существования предопределяет основу проблемы социальной безопасности – трансформация природного существа (индивида) в социальное (личность) сопровождается влиянием общества на формирование его личностных особенностей на протяжении всей жизни [1]. Одним из преобразующих социальных факторов жизнедеятельности человека последних десятилетий стало распространение интернета во все сферы, цифровизация экономики [2].

Согласно данным ВЦИОМ, за последнее десятилетие количество пользователей интернета в России выросло в 1,6 раза, из которых 68 % опасаются за сохран-

ность личных данных; 41 % опрошенных являются геймерами, большинство (67 %) из которых – молодежь до 24 лет [3, 4].

Интернет для современной молодежи представляет собой не появившуюся «новинку» бытия (в отличие от более старшего поколения), а часть среды жизнедеятельности, которую индивид разнообразно использует: от поиска информации по различным вопросам (причем интернет для молодежи – основной источник информации) до проведения свободного времени (общение в различных мессенджерах, просмотр кино в онлайн-кинотеатрах, видеоигры и т. д.).

Так, Д. В. Руденкин, А. И. Руденкина (2019) определили, что интернет для современной российской молодежи – «не техническое средство получения информации, а полноценная среда обитания», повышенная активность при его использовании представляет собой источник социальных рисков: интернет-зависимости, усиления воздействия деструктивного информационного контента и коммуникативного разрыва между поколениями [5].

Важность вопроса зависимости молодежи от вовлеченности в интернет-игры в настоящее время показало обострение социальной проблемы в связи с официальными обращениями молодежи в государственные структуры, проведением митинга по поводу блокировки одной из онлайн-платформ для общения и онлайн-игр. Так, опасности для духовно-нравственного развития детей и молодежи в виде негативного контента в игре были выявлены Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) на одной из онлайн-платформ, что явилось основанием для ограничения доступа (3 декабря 2025 г.) к материалам данной платформы [6].

Согласно исследованиям российских и зарубежных авторов (А. Ю. Егоров, А. В. Худяков, А. В. Урсу, М. Гриффитс и др.) игровая онлайн-аддикция относится к активным технологическим зависимостям, характеризуется такими синдромами, как:

- синдром зависимости (увеличение времени игры, сложности самоконтроля времени игры, навязчивое желание играть, навязчивые компульсивные мысли и образы игры, перед игрой – подъем настроения, чувство предвкушения, при ограничении времени игры – раздражительность, тревожно-депрессивный синдром, нарастающая усталость, сонливость);

- синдром низменного сознания («вхождение» в игру – фиксация взора – концентрация на игре, мониторе, герое, прицеле на экране; физически неподвижное положение тела; снижение значимости внешних факторов – от рефлексов, болевой чувствительности до физиологических потребностей; нивелирование внешних проблем; ускорение восприятия чувства времени; отчужденность от информации внешних источников; идентификация с героем игры, восприятие виртуальной реальности реальной; выраженные эмоции в процессе игры; в послеигровой период временная дереализация и заторможенность);

- депрессивный синдром (в послеигровой период – снижение настроения, апатия, тревога);

- астенический синдром (в послеигровой период – усталость, гиперстезия, эмоциональная гиперстезия, раздражительность, неустойчивость внимания, торможение мышления, сонливость, апатия, гипобулия) [7].

Влияние интернет-контента, онлайн-игр на формирование психологических особенностей онлайн-игроков является предметом ряда психолого-педагогических, социально-психологических исследований последних десятилетий. Определены как позитивные, так и негативные аспекты воздействия интернета в целом и онлайн-игр в частности на формирование личностных особенностей участников интернет-контента.

К позитивным аспектам воздействия компьютерных игр, в том числе многопользовательских онлайн-игр, относят: тренировку многозадачности, развитие целеустремленности, обучение общению, улучшение концентрации внимания, формирование познавательной активности, развитие ответственности и доверия, внутреннего локуса контроля [8].

О. А. Дворянкин, помимо увлекательного досуга, отмечает такие позитивные последствия участия в онлайн-играх, как знакомство и общение людей по интересам вне зависимости от места проживания; возможность живого общения; развитие таких способностей, как: навык работы с трехмерными и двухмерными пространствами, развитие внимания, объема рабочей памяти, логического и стратегического мышления, навык принятия обдуманного решения и готовности идти на риск [9].

Б. Б. Секенова отмечает такие положительные аспекты онлайн-игр, как формирование черт характера (решимость, способность достигать поставленной цели, самоконтроль, выдержка), развитие познавательных процессов (концентрация внимания, стратегическое мышление, интеллект), развитие коммуникативных способностей [10].

Помимо исследований, отмечающих позитивное влияние онлайн-игр на психофизиологическое, социальное развитие ребенка, молодого человека, существует ряд работ, обосновывающих негативное влияние интернет-контента, онлайн-игр.

Представители когнитивно-бихевиоральной модели интернет-зависимости отмечают нефункциональное поведение, связанное со злоупотреблением возможностями интернета, проявляемое в виде зависимости от катарсиса, чувства облегчения от снятия напряжения, в виде невротических переживаний [11].

Исследователями интернет-зависимости как формы нехимических аддиктивных расстройств выявлено формирование у интернет-аддиктов аддиктивной личности с присущими ей стратегиями и психологическими защитами, аддиктивными навыками; определено, что им свойственны коммуникативные сложности вне сети, затруднения самоконтроля времени нахождения в виртуальном пространстве и, как следствие, снижение качества учебной и/или профессиональной деятельности; обнаружено наличие предрасположенности к полиаддиктивным состояниям (сочетание химических и нехимических зависимостей), коморбидности (сочетание аддикции с эпизодами депрессий, суицидальными тенденциями) [12].

Также отмечается негативное воздействие интернет-контента на суицидальное поведение молодежи, обусловленное вовлечением детей, подростков посредством героизации самоубийц, участия в онлайн-играх в виртуальные сообщества – около-суицидальные группы, клубы самоубийц, с последующим кибермоббингом [13].

Необходимо отметить, что, наряду с личностными изменениями интернет-аддиктов, посредством модерации игровых заданий проводится моделирование деструктивного поведения молодежи в игре с возможным продолжением офлайн (амо-

ральное, деструктивное, преступное поведение, сетевые убийства и самоубийства) таким образом, осуществляется управление массовым поведением, ставится под угрозу социальная безопасность [14].

В рамках данного исследования социальной безопасности личности определена подверженность обучающихся колледжа формированию игровой онлайн-аддикции.

С целью эмпирического исследования предрасположенности обучающихся к игровой онлайн-зависимости были определены:

- выборка – обучающиеся 2-го и 3-го курсов ПГТК, 60 человек, обоих полов, возраст от 17 лет до 21 года;

- опрос в виде собственной анкеты (анонимный, с использованием Google-формы).

На вопрос: «Какие эмоции, чувства вызывает у Вас участие в онлайн-игре?» получены следующие ответы:

- радость и удовлетворение – 60 %;
- вовлечение и любопытство – 75 %;
- поддержка и командное единение – 10 %;
- гнев – 25 %;
- страх – 0 %;
- чувство вины и стыда – 5 %.

На вопрос: «Какие эмоции, чувства вызывает у Вас невозможность участия в онлайн-игре?» получены следующие ответы:

- расстройство – 55 %;
- раздражение – 40 %;
- злость – 25 %;
- гнев – 15 %;
- апатию – 10 %;
- депрессию – 15 %;
- агрессию – 10 %;
- возбуждение – 5 %.

На вопрос: «Сколько часов в день Вы играете в онлайн-игры?» получены следующие ответы:

- до 1 часа – 15 %;
- 1–2 часа – 15 %;
- 2–3 часа – 25 %;
- 3–5 часов – 15 %;
- 5–7 часов – 5 %;
- более 8 часов – 25 %.

Результаты проведенного опроса показали, что:

- 100 % респондентов ежедневно проводят свободное время, играя в онлайн-игры;
- 55 % опрошенных обучающихся играют в онлайн-игры более 3 часов в день ежедневно;

- наиболее часто испытываемые эмоции и чувства от участия в онлайн-игре: радость и удовлетворение, вовлечение и любопытство, гнев;

- наиболее часто испытываемые эмоции и чувства при невозможности участия в онлайн-игре: расстройство, раздражение, злость.

Данные проведенного опроса показывают, что предрасположенность обучающихся к игровой онлайн-зависимости существует, особенно у 25 % опрошенных, играющих ежедневно более 8 часов. Полученные результаты исследования подтверждают описанное Й. Хёйзинга понятие *Homo ludens* и введенное И. В. Бурлаковым понятие *Homo Gamer* (человек играющий) [15; 16]. Однако полученные результаты могут свидетельствовать о существовании у обучающихся других аддикций, психологических проблем, скрывающихся под игровой зависимостью, что является основанием для консультативной встречи с психологом колледжа.

Библиографический список

1. Шиловцев А. В. Социальная безопасность личности в современной России // Вестник ПНИПУ. Социально-экономические науки. 2018. № 1. С. 96–106.
2. Цифровизация экономики России / Н. К. Васильева, Е. А. Болотнова, К. Д. Берёза, А. В. Булатникова // Вестник Академии знаний. 2025. № 4(69). С. 127–132.
3. ВЦИОМ: в России ежедневно пользуются интернетом 76 % жителей. URL: <https://telesputnik.ru/materials/trends/news/vciom-v-rossii-ezhednevno-polzuyutsya-internetom-76-zhiteley> (дата обращения 20.12.2025).
4. ВЦИОМ: 40 % опрошенных россиян играют в видеоигры. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/8099956> (дата обращения 20.12.2025).
5. Руденкин Д. В., Руденкина А. И. Интернет в социальной реальности современной российской молодежи // *Juvenis Scientia*. 2019. № 1. С. 43–48.
6. В Томске прошел митинг против блокировки Roblox // РБК. URL: <https://www.rbc.ru/rbcfreenews/693e6a4d9a794701c3f5538d> (дата обращения 20.12.2025).
7. Худяков А. В., Урсу А. В., Старченкова А. М. Компьютерная игровая зависимость, клиника, динамика и эпидемиология // *Медицинская психология в России*. 2015. № 4(33). С. 1–10.
8. Психолого-педагогические аспекты пользы компьютерных игр / О. Ю. Малоземов, М. П. Боярский, К. О. Золотухина, В. В. Харлов // *Теория и практика современной науки*, 2021. № 11(77). С. 182–185.
9. Дворянкин О. А. Игры в Интернете – новые информационные технологии // *Восточно-Европейский научный журнал*. 2021. № 10-4 (74). С. 14–23.
10. Секенова Б. Б. Влияние компьютерных игр на психологию человека // *Евразийский союз ученых*. 2016. № 6 (27). С. 145–146.
11. Асмолов А. Г., Цветкова Н. А., Цвеков А. В. Психологическая модель интернет-зависимости личности // *Мир психологии*. 2004. № 1. С. 179–192.
12. Лоскутова В. А. Интернет-зависимость как форма нехимических аддиктивных расстройств : дис. ... канд. мед. наук. Новосибирск, 2004. 157 с.
13. Ключко Е. И. Воздействие Интернета на суицидальное поведение молодежи // *Общество. Среда. Развитие* («TERRA HUMANA»), 2014. № 1. С. 69–71.
14. Узлов Н. Д., Семенова М. Н. Игра, трансгрессия и сетевой суицид // *Суицидология*. 2017. Т. 8, № 3(28). С. 40–53.
15. Бурлаков И. В. *Homo Gamer: Психология компьютерных игр*. М. : Независимая фирма «Класс», 2000. 141 с. (Библиотека психологии и психотерапии, вып. 86). URL: <https://psyinst.moscow/biblioteka/?part=article&id=485>
16. Хёйзинга Й. *Homo ludens. Человек играющий* / сост., предисл. и пер. с нидерл. Д. В. Сильвестрова; ком., указ. Д. Э. Харитоновича. СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2011. 416 с.

**ПРАВА РЕБЕНКА В ЦИФРОВОМ ПРОСТРАНСТВЕ:
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ И ЗАЩИТА
В РОССИЙСКОМ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ**

А. В. Попкова

Студентка, Западно-Уральский институт экономики и права,
Пермь, Россия, popkova.nyura@gmail.com

Научный руководитель: О. М. Палкина, канд. экон. наук, доцент,
Западно-Уральский институт экономики и права, Пермь, Россия

Аннотация. Рассматриваются основные аспекты прав ребенка в цифровом пространстве, акцентируется внимание на обеспечении цифровой безопасности. Освещаются ключевые направления рисков и преимущества использования цифровых технологий в правовой практике по отношению к правам несовершеннолетних. Анализируется современное регулирование цифровой безопасности детей в России: введенный федеральным законом № 530-ФЗ механизм прозрачности крупнейших интернет-платформ и ответственности за запрещенный контент, а также обсуждаемая практика возрастной верификации и существующие административные санкции (ст. 6.17, 13.21, 13.41 КоАП). Отмечены ключевые проблемы правоприменения: фрагментарность нормативной базы, неэффективность маркировки по возрасту, трудности привлечения зарубежных сервисов к ответственности, риск избыточной цензуры полезного контента и низкий уровень цифровой грамотности детей, родителей и педагогов. Анализируется международный опыт и практика Российской Федерации в этой области, выделяются основные проблемы и предлагаются пути их решения.

Ключевые слова: цифровые риски, права детей, цифровые решения, правовое регулирование, искусственный интеллект, цифровая безопасность, международный опыт, юридическая практика, Российская Федерация, гарантии

**CHILD RIGHTS IN THE DIGITAL SPACE:
LEGAL REGULATION AND PROTECTION
IN RUSSIAN LEGISLATION**

A. V. Popkova

Student, West Ural Institute of Economics and Law,
Perm, Russia, popkova.nyura@gmail.com

Scientific supervisor: O. M. Palkina, Candidate of Economics, Associate Professor,
West Ural Institute of Economics and Law, Perm, Russia

Abstract. The main aspects of children's rights in the digital space are considered, focusing on ensuring digital security. The key areas of risks and advantages of using digital technologies in legal practice in relation to the rights of minors are highlighted. The text analyzes the current regulation of children's digital safety in Russia: the mechanism for transparency of the largest Internet platforms and responsibility for prohibited content introduced by Federal Law No. 530-FZ, as well as the discussed age verification practice and existing administrative sanctions (art. 6.17, 13.21, 13.41 of the Administrative Code). The key problems of law enforcement are highlighted: the fragmentation of the regula-

tory framework, the ineffectiveness of age labeling, the difficulties of holding foreign services accountable, the risk of excessive censorship of useful content, and the low level of digital literacy among children, parents, and educators. The international experience and practice of the Russian Federation in this field are analyzed, the main problems are identified and ways to solve them are proposed.

Key words: digital risks, children's rights, digital solutions, legal regulation, artificial intelligence, digital security, international experience, legal practice, Russian Federation, guarantee

Актуальность прав ребенка в цифровом пространстве обусловлена стремительным развитием информационных технологий и их проникновением во все аспекты социально-экономической деятельности. Цифровая среда стала неотъемлемой частью социализации, образования и досуга современных детей, точность и доступность информации становятся определяющими факторами. Однако параллельно формируется новый ландшафт рисков: кибербуллинг, распространение деструктивного контента, нарушение конфиденциальности персональных данных, цифровая зависимость. Эти вызовы требуют адекватного и сбалансированного ответа со стороны государства, общества и семьи.

Кибербуллинг представляет собой проблему международного уровня – травле в интернете в настоящее время подвергаются подростки по всему миру. Изучение кибербуллинга следует осуществлять в контексте защиты прав несовершеннолетних, поскольку права ребенка должны пониматься широко, в том числе как право на уважительное отношение, на поддержку в обществе. Тем не менее во многих зарубежных исследованиях, посвященных кибербуллингу, вопрос о защите прав подростков отсутствует [8, с. 4].

Рассмотрим цифровые риски для несовершеннолетних как объект правовой защиты.

При использовании сети интернет дети часто сталкиваются с теми же проблемами безопасности, что и взрослые, но в отношении них могут применяться определенные способы, вызывающие соблазн кликнуть по определенной ссылке. К ним можно отнести поддельные сообщения от друзей, предложения «бесплатной» музыки, фильмов. Р. В. Хисамова отмечает, что родители, заинтересованные в создании для своих детей благоприятных условий развития, самостоятельно применяют доступные на практике превентивные меры защиты их прав и законных интересов в интернете, используя функции «родительского контроля» и иные существующие методы, однако представляется, что ввиду недостаточной информационной грамотности старшего поколения и многообразия приложений, предоставляющих функции такого контроля, фильтрация информации, потребляемой несовершеннолетними, в большинстве случаев практически отсутствует [6, с. 4].

Прежде чем анализировать правовые механизмы, необходимо определить основные угрозы цифровому пространству, которые требуют правовой защиты.

Информационно-цифровой риск: столкновение с контентом, наносящим вред здоровью (психике) и развитию (пропаганда насилия, информация, побуждающая на противоправные действия и т. д.). Источником может выступать как противозаконный, так и законный контент, но не предназначенный для просмотра несовершеннолетними.

Потребительский риск: связан с манипулятивными действиями злоумышленников в отношении несовершеннолетних для их вовлечения, например, во внутриигровые покупки, агрессивный маркетинг, азартные игры.

Риск нарушения приватной информации: неконтролируемый сбор персональных данных несовершеннолетнего потребителя, а также их обработка. К этим данным относится геолокация, биометрия, данные о поведении в сети интернет. Все перечисленное в указанном пункте создает условие для других видов угроз.

Также рассмотрим правовые основы защиты ребенка в цифровой среде.

Регулирование строится на нескольких уровнях: конституционные нормы, международные обязательства, федеральное законодательство и подзаконные акты.

Конституция РФ гарантирует каждому право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ст. 23), свободу мысли и слова, право свободно искать, получать и распространять информацию (ст. 29). Специальная защита семьи, материнства и детства предусмотрена ст. 38. Российская Федерация является участником Конвенции о правах ребенка, где в ст. 17 подчеркивается важность СМИ и признается роль государства в защите ребенка от вредной информации [1].

В рамках специального законодательства в сфере защиты детей от вредной информации отметим федеральный закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию» является ключевым актом. Он вводит: возрастную маркировку информационной продукции (0+, 6+, 12+, 16+, 18+) [2]; требования к распространению информации в зависимости от ее категории (запрет на распространение среди детей, ограничение по времени или месту демонстрации); обязанности распространителей информации (включая владельцев сайтов и социальных сетей) по соблюдению данных требований.

Практика применения закона выявила сложности: субъективность оценки «вредности», формальный подход к маркировке, трудности контроля контента в социальных сетях и мессенджерах.

Защита персональных данных несовершеннолетних. Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» устанавливает особые условия обработки данных детей. В соответствии со ст. 6.1 Закона обработка персональных данных ребенка допускается с согласия его законных представителей (родителей), за исключением ограниченного числа случаев (например, для защиты его интересов). Это гарантия, однако на практике она часто игнорируется, особенно при использовании мобильных приложений и онлайн-сервисов, не адаптированных к российскому законодательству [3].

В последние годы вектор регулирования сместился в сторону активного участия государства в создании «безопасных» интернет-зон для детей и усиления ответственности интернет-платформ («цифрового суверенитета»).

Федеральный закон от 01.05.2019 № 93-ФЗ («Закон о „суверенном интернете“») создает технические основы для изоляции российского сегмента сети при угрозах [5].

Федеральный закон от 30.12.2020 № 530-ФЗ ввел прозрачность для крупнейших интернет-платформ (социальных сетей, видеохостингов) и механизмы реакции на запрещенный контент, включая пропаганду наркотиков.

Инициативы по возрастной верификации. Обсуждается и частично внедряется необходимость обязательной идентификации пользователей для доступа к определенному контенту или функциям (например, стриминговые сервисы).

Административная ответственность. Кодекс об административных правонарушениях (ст. 6.17, 13.21, 13.41) предусматривает значительные штрафы за нарушение законодательства о защите детей от вредной информации и о персональных данных.

Несмотря на развитую нормативную базу, сохраняются серьезные проблемы: фрагментарность регулирования, отсутствие единого системообразующего акта, комплексно регулирующего цифровую безопасность детей, отсутствие системности (рассредоточение норм по множеству законов).

Неэффективность возрастной маркировки. Она не является техническим барьером, носит скорее информирующий характер. Дети легко обходят формальные ограничения.

Сложность привлечения к ответственности зарубежных интернет-сервисов. Требуются сложные механизмы взаимодействия на международном уровне, которые часто отсутствуют.

Отсутствие баланса между запретами и развивающим контентом. Критики отмечают, что чрезмерно жесткое регулирование может ограничить доступ детей к полезной и развивающей информации (например, по вопросам сексуального просвещения, психического здоровья).

Недостаточная цифровая грамотность детей, родителей и педагогов. Законы не работают без осознанного поведения пользователей.

Для преодоления выявленных проблем необходимы меры на законодательном, организационном и социокультурном уровнях.

Проведенный выше обзор правовых мер защиты интересов детей в интернете неизбежно подводит нас к заключению о том, что защита прав детей в интернете должна осуществляться на нескольких уровнях путем гармонизации государственного, частного и общественного начал. По опыту развитых стран мира, к которым мы относим и Россию, эффективными мерами на уровне государства являются: законодательные запрет и ограничение распространения информации, способной нанести вред ребенку; внедрение классификации интернет-сайтов; повышение осведомленности детей, педагогов и родителей об интернет-угрозах и способах борьбы с ними.

Там, где заканчивается государственная правовая охрана интересов детей в интернете, начинается сфера усмотрения или зона ответственности родителей и в то же время открывается возможность для реализации положительных общественных инициатив. И если государственная правовая охрана детей в Интернете от внешних рисков на сегодняшний день, как было показано выше, более или менее обозначена в нормах действующего законодательства, то способы защиты прав детей в интернете, доступные родителям (иным законным представителям ребенка), правовой доктриной еще не выработаны [7, с. 7].

Международные стандарты и подходы. Комитет ООН по правам ребенка в 2021 г. принял «Общий комментарий № 25 (2021) о правах ребенка в цифровой сре-

де», где детализируются обязанности государств по защите детей онлайн: регулирование платформ, обеспечение приватности, цифровая грамотность, доступ к правовой помощи и механизмам жалоб [4].

Европейский подход: GDPR устанавливает особые правила обработки персональных данных детей (ст. 8 о согласии на информационные услуги), а в нормативных инициативах ЕС (AVMSD, DSA) уделено внимание защите детей от вредного контента, прозрачности алгоритмов и модерации платформ.

Рекомендации Совета Европы и других международных организаций подчеркивают необходимость сочетания мер защиты (технико-правовых, образовательных и социальных) и соблюдения прав на свободу выражения и доступ к информации, фиксируют ключевую идею, которая должна стать ориентиром любой государственной политики в отношении детей в цифровой среде: защита несовершеннолетних требует комплексного, сбалансированного подхода, сочетающего правовые, технические и образовательные меры, и при этом не должна приводить к избыточному ограничению фундаментальных прав – свободы выражения мнений и доступа к информации. Это принципиально: меры защиты, направленные на предотвращение вреда, должны быть соразмерны и применяться таким образом, чтобы не лишать ребенка легитимных возможностей для обучения, саморазвития и участия в общественной жизни.

Российская нормативная база содержит важные инструменты, но требует системного объединения, технологий верификации и отличных механизмов исполнения в отношении международных платформ. Баланс между защитой и доступом к развивающей информации, а также повышение цифровой грамотности – ключи к повышению эффективности мер.

На практическом уровне это означает, что регулирование и практика должны базироваться на нескольких взаимодополняющих принципах. Во-первых, принципе пропорциональности: ограничительные меры (цензура, блокировки, фильтры) допустимы лишь тогда, когда менее жесткие способы защиты невозможны или явно неэффективны. Во-вторых, принципе адресности и дифференциации: меры должны учитывать возрастные особенности детей и специфику контента – то, что уместно для подростка, может быть неприемлемо для ребенка младшего возраста. В-третьих, принципе прозрачности и подотчетности: правила контроля и регулирования контента, алгоритмические решения и процедуры жалоб должны быть понятны пользователям и подлежать независимой проверке.

Не менее важна система жалоб и оперативного реагирования: у детей и их законных представителей должны быть доступные, быстрые и эффективные механизмы для сообщения о вредном контенте, его удалении и получения правовой помощи. Эти механизмы должны работать прозрачным образом и быть подконтрольны независимым надзорным органам, чтобы исключить произвольные решения и обеспечить восстановление нарушенных прав.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/

2. О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию : федер. закон от 29.12.2010 № 436-ФЗ // Сайт «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_108808/
3. О персональных данных : федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Сайт «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61801/
4. Общий комментарий № 25 (2021) о правах ребенка в цифровой среде.
5. Закон о суверенном интернете : федер. закон от 01.05.2019 № 93-ФЗ.
6. Подустова О. Л., Чурочкина А. А. Правовые аспекты защиты прав детей в цифровом пространстве // Вопросы безопасности. 2025. № 2. С. 53–66. DOI: 10.25136/2409-7543.2025.2.74098
7. Хисамова Р. В. Особенности защиты прав детей в интернете // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2025. № 2 (61). С. 105–113. DOI: 10.17308/law/1995-5502/2025/2/105-113
8. Миронова С. М., Симонова С. С. Защита прав и свобод несовершеннолетних в цифровом пространстве // Всероссийский криминологический журнал. 2020. Т. 14, № 2. С. 234–241. DOI 10.17150/2500-4255.2020.14(2).234-241

СОЦИАЛЬНАЯ ПОДДЕРЖКА ИНВАЛИДОВ

В. С. Попкова

Студентка, Пермский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации, Пермь, Россия, EAShisterova@fa.ru
Научный руководитель: Е. А. Шистерова, канд. пед. наук, доцент,
Пермский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации, Пермь, Россия

Аннотация. Данная работа посвящена изучению специфики оказания социальной помощи лицам с ограниченными возможностями в текущих социально-экономических реалиях. В рамках исследования анализируются тенденции развития и принципы работы системы поддержки инвалидов в современных условиях. В статье даётся определение ключевым терминам и концепциям, раскрывающим суть и содержание действующих социально-экономических гарантий и прав, обеспечивающих достойную жизнь инвалидам. Особое внимание уделяется анализу механизмов, направленных на создание условий для полноценного участия инвалидов в жизни общества. Рассматриваются вопросы обеспечения доступности среды, трудоустройства и социальной адаптации. Исследование направлено на выявление проблем и перспектив развития системы социальной поддержки инвалидов в контексте меняющихся социально-экономических условий. Результаты работы могут быть использованы для совершенствования законодательства и практической деятельности в данной сфере.

Ключевые слова: социальная поддержка, инвалид, медико-социальная экспертиза, реабилитация и абилитация, социальное обслуживание, доступная среда

SOCIAL SUPPORT FOR THE DISABLED

V. S. Popkova

Student, Perm Branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation, Perm, Russia, EAShisterova@fa.ru
Scientific supervisor: E. A. Shisterova, Candidate of Pedagogic Sciences,
Associate Professor, Perm Branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation, Perm, Russia

Abstract. This work is devoted to the study of the specifics of providing social assistance to people with disabilities in the current socio-economic realities. The research analyzes the development trends and principles of the disability support system in modern conditions. The article defines key terms and concepts that reveal the essence and content of existing socio-economic guarantees and rights that ensure a decent life for people with disabilities. Special attention is paid to the analysis of mechanisms aimed at creating conditions for the full participation of persons with disabilities in society. The issues of ensuring accessibility of the environment, employment and social adaptation are considered. The research is aimed at identifying problems and prospects for the development of a system of social support for people with disabilities in the context of changing socio-economic conditions. The results of the work can be used to improve legislation and practical activities in this area.

Keywords: social support, disabled person, medical and social expertise, rehabilitation and habilitation, social services, accessible environment

Социальная поддержка инвалидов представляет собой ключевую составляющую государственной политики, направленную на обеспечение равных возможностей для людей с ограниченными возможностями. По последним данным на 2024 г., в России проживает около 11,1 млн человек с инвалидностью, что составляет 7,6 % от общей численности населения страны, причем 779 тыс. из них – дети. Общее число инвалидов снизилось с 2016 г., однако детей-инвалидов стало больше на 162 тыс. Также возросла доля инвалидов I группы (полная утрата трудоспособности с необходимостью ухода). Динамика инвалидности нестабильна. По данным, опубликованным Росстатом, в последние два года общая численность инвалидов в России повышается – на 1,0 % за 2023 г. и на 0,7 % за 2024 г. [1]. В данном контексте актуализируется еще одна проблема: с 2015 г. занятость инвалидов в России значительно сократилась. Это подчеркивает необходимость продолжения изучения обозначенной проблемы.

Актуальность исследования обусловлена растущим числом людей с инвалидностью, вследствие чего первостепенное значение приобретает не только соблюдение их законных прав, но и формирование адаптированной инфраструктуры для всесторонней интеграции в социум. Методологический подход охватывает изучение действующих нормативно-правовых документов, что обеспечит комплексное понимание современного положения дел в рассматриваемой области.

Объектом исследования является система социальной поддержки инвалидов в России, которая охватывает различные аспекты, включая законодательство, доступность услуг и уровень их реализации.

В Российской Федерации термин «инвалидность» означает различные нарушения здоровья, приводящие к ограничению активности и создающие препятствия для полноценного участия в общественной жизни. Этот статус предполагает предоставление мер социальной поддержки и защиты [2, с. 99].

Определение инвалидности закреплено в ст. 1 федерального закона № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации», где инвалидом признается лицо, жизнедеятельность которого ограничена вследствие заболеваний, травм или врожденных дефектов и которое нуждается в социальной защите. Для лиц, не достигших 18 лет, используется специальная категория «ребенок-инвалид» [3, ст. 1].

Люди с ограниченными возможностями здоровья составляют одну из наиболее уязвимых групп населения нашей планеты. Их благополучие и продолжительность жизни тесно связаны с вниманием, которое государство уделяет своим гражданам, с формированием законодательной базы для оказания помощи, а также с эффективностью социальных и иных служб, направленных на достижение поставленных целей и улучшение условий жизни этой категории населения [4, с. 111].

В Российской Федерации основу системы социальной поддержки лиц с инвалидностью формирует Конституция, закрепляющая социальную направленность государства [5, ст. 7], а важнейшими законодательными актами в данной сфере выступают:

1. Федеральный закон от 24 ноября 1995 года № 181-ФЗ «О социальной защите инвалидов в Российской Федерации». Данный закон определяет основные направления государственной политики в отношении инвалидов, гарантирует их права и устанавливает меры поддержки, включая реабилитационные мероприятия и обеспечение необходимыми техническими средствами. Он регулирует такие аспекты, как доступность объектов и услуг, трудоустройство и образование.

2. Федеральный закон от 28.12.2013 года № 442-ФЗ «Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации» регламентирует порядок предоставления социальных услуг населению, устанавливая различные формы и виды социальной помощи, а также определяя права и обязанности получателей социальных услуг. Закон устанавливает стандарты качества социального обслуживания и принципы его организации [6].

3. Конвенция ООН о правах инвалидов, ратифицированная Российской Федерацией в 2012 г., оказала значительное влияние на изменение подходов к пониманию инвалидности. Она переориентировала политику с медицинской модели, акцентирующей внимание на ограничениях здоровья, на социальную модель. В соответствии с этой концепцией инвалидность рассматривается как следствие взаимодействия человека с особенностями здоровья и существующих в обществе препятствий, а не как индивидуальная проблема [7].

Система поддержки инвалидов реализуется через несколько взаимосвязанных направлений:

1. Медико-социальная экспертиза: процедура установления инвалидности и степени утраты трудоспособности.

2. Реабилитация и абилитация: комплекс мер, направленных на восстановление утраченных функций и формирование новых навыков. Реализуется через Индивидуальную программу реабилитации или абилитации (ИПРА).

3. Социальное обслуживание: включает предоставление социально-бытовых, медицинских, психологических и правовых услуг.

4. Содействие в получении образования: создание условий для инклюзивного образования и специализированных образовательных условий.

5. Содействие трудоустройству: реализация квот для приема на работу и создание адаптированных рабочих мест.

6. Обеспечение доступной среды: создание условий для беспрепятственного доступа к объектам социальной, транспортной и информационной инфраструктуры.

Современная российская система постепенно отказывается от модели опеки и переходит к модели, основанной на правах человека и социальной вовлеченности. Это отчетливо проявляется в акценте на таких принципах, как уважение к личности, отсутствие дискриминации и всестороннее участие инвалидов в общественной жизни.

В современной России активно разрабатываются меры, направленные на обеспечение полноценной интеграции инвалидов в социум. В частности, многоуровневая структура профессионального образования предоставляет возможность обучения инвалидов с учетом индивидуальных способностей и ограничений. Создаются благоприятные условия для инклюзивного обучения, позволяющие инвалидам получать образование совместно со здоровыми сверстниками. Кроме того, функционирует развитая система санаторно-курортного обслуживания, обеспечивающая инвалидам доступ к

оздоровительным процедурам и реабилитации. В рамках государственной программы «Доступная среда» ведется работа по адаптации объектов инфраструктуры для нужд инвалидов, включая общественный транспорт, жилые дома и социальные учреждения.

Хотя законодательство в области социальной защиты лиц с ограниченными возможностями является достаточно развитым, в данной сфере наблюдаются некоторые систематические трудности:

1. Проблемы, связанные с доступностью жилищного фонда: законодательные нормы не содержат положений, гарантирующих адаптацию жилого помещения, принадлежащего инвалиду, в соответствии с его индивидуальной программой реабилитации и абилитации (ИПРА). Действенных способов компенсации затрат, связанных с проведением необходимых работ, не предусмотрено, что создает существенные препятствия для многих граждан, нуждающихся в такой поддержке.

2. Несовершенство в процедурах обеспечения прав: инвалиды и семьи, воспитывающие детей-инвалидов, часто сталкиваются с практическими проблемами в процессе реализации своих законных прав, особенно в области образования и трудоустройства. Существующие механизмы нуждаются в оптимизации.

3. Ограниченная результативность государственных программ: в ходе реализации государственной программы «Доступная среда» выявляются определенные недостатки, в частности, не в полной мере налаженное взаимодействие между различными ведомствами и пробелы в нормативной базе, регулирующей вопросы трудоустройства инвалидов.

4. Существование социальных преград: в обществе сохраняется определенная степень настороженности, а иногда и негативного отношения к инвалидам, что препятствует их полноценной интеграции в социум. Необходимо принятие мер, направленных на преодоление этих барьеров.

Рекомендации по модернизации системы социальной помощи лицам с ограниченными возможностями:

1. Внедрение на законодательном уровне положений, обеспечивающих адаптацию жилищных условий для инвалидов, а также унификация процедуры предоставления полной компенсации понесенных затрат во всех субъектах Российской Федерации, финансируемой из средств федерального бюджета. Цель состоит в создании единообразного подхода к обеспечению доступности жилья для инвалидов на всей территории страны.

2. Расширение инфраструктуры информационных технологий и коммуникаций, включая создание специализированных веб-ресурсов, ориентированных на содействие социальной интеграции и обеспечение доступа инвалидов к необходимой информации. Акцент делается на цифровизации услуг и создании онлайн-платформ для взаимодействия.

3. Оптимизация взаимодействия между государственными органами и ликвидация пробелов в законодательстве, в частности, в сфере трудоустройства инвалидов. Необходима систематизация нормативно-правовой базы и усиление контроля за соблюдением прав инвалидов на рынке труда.

4. Повышение результативности программы «Доступная среда», включая ускоренное формирование систем комплексной реабилитации инвалидов во всех регио-

нах Российской Федерации. Подчеркивается важность комплексного подхода к реабилитации, включающего медицинские, социальные и профессиональные аспекты.

Понятие и категории инвалидности – это сложная и постоянно развивающаяся система, которая претерпела существенные изменения. Изначально, в рамках медицинской модели, акцент делался на физических или психических дефектах и ограничениях индивида. Однако современные социальные и биопсихосоциальные модели трактуют инвалидность не как личную проблему, а как следствие взаимодействия между состоянием здоровья человека и препятствиями, возникающими в обществе, – архитектурными, информационными, коммуникативными и др.

Важно понимать, что категории инвалидности, такие как нарушения двигательной функции, зрения, слуха и другие, предназначены не для стигматизации, а для оценки типа и масштаба необходимой поддержки. Они служат основой для разработки индивидуальных планов реабилитации и абилитации, а также для формирования доступной среды.

Всестороннее осмысление понятия инвалидности и ее категорий – это необходимая база для формирования подлинно инклюзивного общества, где каждый человек, вне зависимости от его особенностей, может реализовать свой потенциал и вести полноценную жизнь.

Таким образом, в Российской Федерации создана комплексная система поддержки лиц с инвалидностью, включающая финансовые пособия, социальные льготы и программы реабилитации. Основным вектором развития является смещение акцента с оказания материальной помощи на комплексную интеграцию инвалидов в общество посредством индивидуальных программ реабилитации и абилитации (ИПРА) и формирования доступной среды. Действующая система постепенно трансформируется в направлении построения модели, которая не только обеспечивает необходимую поддержку, но и способствует раскрытию потенциала и реализации способностей граждан с ограниченными возможностями здоровья.

Библиографический список

1. Официальная статистика /Население/Положение инвалидов / ред. С. Н Черикова; Росстат. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/13964>, свободный (дата обращения: 29.11.2025).
2. Усова Л. В. К вопросу об интерпретации понятий «инвалид» и «инвалидность» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 5. С. 99.
3. О социальной защите инвалидов в Российской Федерации : федер. закон от 24.11.1995 № 181-ФЗ ред. от 31.07.2025 // Сайт «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8559/ (дата обращения: 29.11.2025).
4. Сабанов З. М. Особенности социальной поддержки инвалидов в современных социально-экономических условиях // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2025. № 6. С. 111–114.
5. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Сайт «КонсультантПлюс». URL: <https://www.consultant.ru/sys/condition/> (дата обращения: 29.11.2025).
6. Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации : федер. закон от 28.12.2013 № 442-ФЗ // Сайт «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 29.11.2025).
7. Конвенция ООН. URL: <https://www.un.org/ru/documents/treaty/convention>, свободный. Электрон. версия печ. публикации. (дата обращения: 29.11.2025).

ОСОБЕННОСТИ ПРАВОВОГО ПОЛОЖЕНИЯ БУКМЕКЕРСКИХ КОНТОР В РОССИИ

Е. Н. Рубцов

Курсант, Пермский институт Федеральной службы
исполнения наказаний России, Пермь, Россия, malczevoleg@yandex.ru
Научный руководитель: О. В. Мальцев, канд. экон. наук, доцент,
Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы, Пермь, Россия

Аннотация. В статье рассматривается статус букмекерских организаций в Российской Федерации с точки зрения законодательного регулирования и требований, предъявляемых к ним. Цель: проанализировать законодательство, регламентирующее профессиональную деятельность, связанную с приемом ставок на события, имеющие вероятностный характер, в области спортивных и иных мероприятий. Актуальность изучаемой темы связана прежде всего с низким уровнем правовой культуры игроков и потенциальных игроков в области букмекерской деятельности. Содержание работы: в ходе проведенного исследования обобщены и сформулированы основные требования к букмекерской деятельности, которые необходимо знать участникам. К их числу относятся как игроки, так и организаторы. Представленная информация может быть использована как участниками процесса азартных игр, так и иными лицами, заинтересованными в повышении финансовой грамотности в данной области. Вывод: представленная информация может помочь снизить процент обманутых игроков и сформировать правильное и цивилизованное представление о процессе организации азартных игр на основе ставок.

Ключевые слова: законодательство, риск, букмекерские конторы

FEATURES OF THE LEGAL STATUS OF BOOKING OFFICES IN RUSSIA

E. N. Rubtsov

Cadet, Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia,
Perm, Russia, malczevoleg@yandex.ru
Scientific supervisor: O. V. Maltsev, Candidate of Economic Sciences, Associate Professor,
Perm Institute of the Federal Penitentiary Service, Perm Branch of the Russian Presidential
Academy of National Economy and Public Administration Perm, Perm, Russia

Abstract. The article examines the status of bookmaker organizations in the Russian Federation in terms of legislative regulation and the requirements imposed on them. Purpose: to analyze the legislation regulating professional activities related to accepting bets on events that have a probabilistic nature in the field of sports and other events. Relevance of the topic: the relevance is primarily due to the low level of legal culture among players and potential players in the field of bookmaker activities. Content of the work: the study summarizes and formulates the main requirements for bookmaker activities that participants need to know. These include both players and organizers. The

information provided can be used by both participants in the gambling process and other individuals interested in improving their financial literacy in this area. Conclusion: The information provided can help reduce the percentage of deceived players and create a correct and civilized understanding of the process of organizing gambling based on betting.

Keywords: legislation, risk, bookmakers

В современном обществе многие получают адреналин различными способами. Некоторые люди это делают посредством букмекеров. Необходимо понимать, что данные услуги предлагаются и нелегальными конторами. В России в 2025 г. было зарегистрировано 15 легально действующих букмекерских контор. Однако, несмотря на их достаточную распространенность, даже в удаленных уголках страны, не все понимают сущность их деятельности, что ведет к возникновению конфликтных ситуаций. Необходимо учитывать неблагоприятную для игроков статистику. Так, в 2024 г. было зарегистрировано 72 судебных спора с участием букмекерских контор, и в 65 случаях суды встали на их сторону, то есть только в 9,7 % случаев суды поддерживали сторону игроков. Кроме того, особого внимания заслуживают факты нарушений со стороны букмекерских контор, с которыми могут столкнуться участники данных правоотношений. Среди таких проблем можно выделить наиболее типичные для данной сферы. Во-первых, букмекерские организации, предлагающие свои услуги на территории РФ игрокам, находятся на территориях вне российской юрисдикции, что создаст сложности с разрешением конфликтных ситуаций в случае их возникновения. Во-вторых, очень часто участники могут вступить в отношения с фейковыми конторами. В-третьих, выявляются случаи, когда конторы выходят на рынок с использованием чужого бренда или с применением фишингового сайта.

Что же представляют собой букмекерские конторы [3]? Субъектами букмекерской деятельности являются юридические лица, осуществляющие предпринимательскую деятельность по организации и проведению азартных игр в форме приема ставок на исход событий, а также участники таких игр – физические лица, заключающие пари. Букмекерские организации относятся к особой категории субъектов хозяйствования, поскольку их деятельность строго регулируется государством и связана с финансовыми рисками, налоговыми обязательствами и требованиями к прозрачности денежных потоков.

Согласно федеральному закону от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр...» [1] субъектами данной деятельности могут быть только юридические лица, зарегистрированные в установленном порядке на территории Российской Федерации и получившие лицензию на осуществление букмекерской деятельности.

Физические лица, индивидуальные предприниматели, а также иностранные юридические лица не вправе заниматься организацией азартных игр в России.

Финансово-правовой статус букмекерской конторы определяется ее положением в системе финансовых отношений и обязанностями перед государством, участниками азартных игр и иными контрагентами. Букмекерская контора является налогоплательщиком, лицензиатом и участником расчетных операций, регулируемых государством. Основные признаки финансово-правового статуса букмекерской организации:

1. Наличие лицензии, выдаваемой Федеральной налоговой службой РФ. Без лицензии деятельность признается незаконной.

2. Членство в саморегулируемой организации (СРО) – обязательное условие функционирования, обеспечивающее дополнительный контроль и защиту интересов игроков.

3. Финансовые гарантии – обеспечение уставного капитала не менее 1 млрд рублей, а также предоставление банковской гарантии или внесение обеспечительного взноса.

4. Участие в системе ЦУПИС/ЕЦУПИС, что обеспечивает прозрачность расчетов и уплату налогов.

5. Исполнение налоговых и отчетных обязательств перед государством, включая уплату налога на игорный бизнес и налога на доход с выигрышей клиентов.

Таким образом, финансово-правовой статус букмекерской конторы представляет собой совокупность ее прав, обязанностей и ограничений, вытекающих из публично-правовых норм. Сфера игорного бизнеса, включая букмекерскую деятельность, относится к числу высокорисковых и социально значимых отраслей, поэтому законодатель установил особый налоговый режим.

В соответствии с гл. 29 Налогового кодекса Российской Федерации букмекеры обязаны уплачивать налог на игорный бизнес, ставка которого зависит от количества пунктов приема ставок. На основании федерального закона от 11 июня 2021 г. № 248-ФЗ введен механизм целевых отчислений букмекеров в адрес спортивных федераций и лиг. Размер таких отчислений зависит от объема интерактивных ставок и направляется на развитие российского спорта. Кроме того, при выплате выигрышей игрокам букмекер обязан удерживать и перечислять налог на доходы физических лиц (НДФЛ), выступая налоговым агентом.

Букмекеры также подлежат обязательному финансовому контролю со стороны Росфинмониторинга в рамках законодательства о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем. Это включает идентификацию клиентов, контроль операций и отчетность о подозрительных транзакциях. Иными словами, клиенты, получившие выигрыш, становятся объектом контроля органа финансового мониторинга, о чем многие даже не догадываются.

Финансовая ответственность букмекеров выражается в применении к ним мер государственного принуждения за нарушение требований законодательства, налоговой дисциплины и лицензионных условий.

К основным видам финансовой ответственности относятся:

- штрафные санкции за нарушение порядка расчетов или непредоставление отчетности;
- пеня за несвоевременную уплату налогов;
- приостановление действия лицензии в случае неоднократных нарушений финансового характера;
- аннулирование лицензии при выявлении фактов ведения незаконной игорной деятельности.

Кроме того, в случае неисполнения букмекером обязательств перед игроками возможна гражданско-правовая ответственность в виде взыскания убытков и компенсации морального вреда. Участники азартных игр (игроки) также обладают

определенным финансово-правовым статусом. С одной стороны, они выступают потребителями услуг букмекеров, а с другой – субъектами налоговых отношений, так как получение выигрыша образует объект налогообложения по НДФЛ. Игроки обязаны предоставлять достоверные сведения при регистрации, проходить процедуру идентификации личности в системе ЕЦУПИС [2], а также соблюдать установленные правила участия в пари.

При этом государство гарантирует защиту прав участников, включая право на получение выигрыша, на достоверную информацию об организаторе и на обращение в суд или СРО при возникновении споров.

Современные тенденции развития законодательства направлены на дальнейшее усиление финансового контроля и повышение прозрачности денежных потоков в букмекерской сфере, в том числе с применением искусственного интеллекта [4, 5].

Перспективными направлениями являются:

- совершенствование налогового регулирования интерактивных ставок;
- цифровизация расчетных операций через единые платформы;
- повышение требований к финансовой устойчивости букмекеров;
- расширение полномочий ЕЦУПИС и СРО в части надзора и отчетности.

Таким образом, финансово-правовой статус субъектов букмекерской деятельности в Российской Федерации представляет собой динамично развивающийся правовой институт, отражающий баланс между свободой предпринимательства и интересами государства в сфере финансовой безопасности, а четкие механизмы его регулирования должны привести к прозрачности и повышению уровня доверия [5].

Библиографический список

1. О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 29 декабря 2006 г. № 244-ФЗ // Собр.законодательства Рос. Федерации. 2007. № 1. Ст. 7.
2. О едином регуляторе азартных игр : федер. закон от 11 июня 2021 г. № 248-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2021. № 24. Ст. 4541.
3. Отчёт о проблемах нелегального букмекерского рынка и мерах его легализации / Общественный совет при ФНС России. М., 2024. 28 с.
4. Иванов С. В. Финансово-правовые основы игорного бизнеса в Российской Федерации: монография. М.: Юрайт, 2021. 240 с.
5. Киселёв В. А. Финансово-правовой статус субъектов игорного бизнеса в России // Финансовое право. 2023. № 5. С. 42–51.

ВЛИЯНИЕ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ НА РЫНОК ТРУДА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

В. С. Седусова

Студентка, Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Пермь, Россия, sedusovaaa_16@mail.ru,

Научный руководитель: Э. Р. Кузнецова, д-р экон. наук, профессор,
Пермский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной
службы при Президенте Российской Федерации, Пермь, Россия

Аннотация. В статье рассматривается влияние цифровой трансформации на рынок труда в современных социально-экономических условиях. Цифровизация экономики, внедрение автоматизации, искусственного интеллекта и платформенных решений, несомненно, оказывают существенное воздействие на структуру занятости, характер трудовой деятельности и требования к рабочей силе. Целью исследования является анализ основных направлений изменений на рынке труда под воздействием цифровой трансформации. В работе использованы методы анализа, обобщения и систематизации научных источников. Рассматриваются процессы автоматизации труда, появление новых профессий и форм занятости, а также изменение требований к профессиональным компетенциям работников. Особое внимание уделено социально-экономическим последствиям цифровой трансформации рынка труда и роли государства и бизнеса в адаптации рабочей силы к новым условиям. Сделан вывод о необходимости развития системы непрерывного образования и формирования цифровых компетенций для обеспечения устойчивого развития рынка труда в условиях цифровой экономики.

Ключевые слова: цифровая трансформация, рынок труда, автоматизация, цифровые технологии, занятость, человеческий капитал, цифровые компетенции, экономика

THE IMPACT OF DIGITAL TRANSFORMATION ON THE LABOR MARKET IN MODERN CONDITIONS

V. S. Sedusova

Student, Perm Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Perm, Russia, sedusovaaa_16@mail.ru

Scientific supervisor: E. R. Kuznetsova, Doctor of Economics, Professor,
Perm Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Perm, Russia

Abstract. The article examines the impact of digital transformation on the labor market in modern socio-economic conditions. The digitalization of the economy, the introduction of automation, artificial intelligence and platform solutions undoubtedly have a significant impact on the employment structure, the nature of work and the requirements for the workforce. The purpose of the study is to analyze the main directions of changes in the labor market under the influence of

digital transformation. The paper uses methods of analysis, generalization and systematization of scientific sources. The processes of labor automation, the emergence of new professions and forms of employment, as well as changing requirements for professional competencies of employees are considered. Special attention is paid to the socio-economic consequences of the digital transformation of the labor market and the role of government and business in adapting the workforce to new conditions. It is concluded that it is necessary to develop a system of continuing education and the formation of digital competencies to ensure the sustainable development of the labor market in the digital economy.

Keywords: digital transformation, labor market, automation, digital technologies, employment, human capital, digital competencies, economics

В условиях ускоренного развития цифровых технологий цифровая трансформация становится определяющим фактором социально-экономического развития современных государств, напрямую влияя на их глобальную конкурентоспособность, уровень производительности и благосостояние граждан [1, 2]. Процессы цифровизации затрагивают практически все сферы экономики и общественной жизни, формируя новые модели производства, такие как «умные фабрики» с автономными роботизированными линиями, модели управления, основанные на предиктивной аналитике в режиме реального времени, и занятости, характеризующейся ростом проектной и дистанционной работы [1, 2]. Особое значение данные изменения приобретают для рынка труда, который одним из первых реагирует на технологические и институциональные преобразования, выступая одновременно и драйвером, и критически чувствительной зоной трансформации [3].

Современные исследования, например отчеты Всемирного экономического форума и McKinsey Global Institute, показывают, что цифровая трансформация приводит не только к изменению характера трудовой деятельности, но и к пересмотру традиционных представлений о профессиях, занятости и профессиональной карьере [7]. Например, прогнозируется, что к 2030 г. до 375 млн работников по всему миру (около 14 % глобальной рабочей силы) могут быть вынуждены сменить профессию из-за автоматизации [8]. Автоматизация, внедрение искусственного интеллекта и развитие цифровых платформ способствуют вытеснению рутинного труда – как физического на конвейерах, так и когнитивного в административных процессах, одновременно создавая спрос на новые компетенции и формы занятости [3; 5]. В этих условиях возрастает актуальность анализа влияния цифровой трансформации на рынок труда и выявления основных тенденций его развития для формирования эффективной государственной политики и корпоративных стратегий [2].

Цифровая трансформация представляет собой комплексный процесс внедрения цифровых технологий, сопровождающийся глубоким изменением экономических, организационных и социальных механизмов функционирования общества. Это не просто технический апгрейд, это смена парадигмы [1]. В отличие от цифровизации, которая предполагает использование отдельных цифровых инструментов, например перевода документооборота в электронный вид для повышения эффективности отдельных процессов, цифровая трансформация охватывает системные изменения в моделях управления (переход от иерархии к сетевым структурам), производства (переход к кастомизированным продуктам и сервисам) и взаимодействия между экономическими субъектами (формирование экосистем и платформ) [2].

К числу ключевых направлений цифровой трансформации относятся автоматизация производственных и управленческих процессов, использование технологий искусственного интеллекта для анализа данных и принятия решений, развитие платформенной экономики, меняющей логику целых отраслей, применение больших данных и облачных вычислений, которые обеспечивают масштабируемость и гибкость. Эти технологии способствуют повышению производительности труда, снижению транзакционных издержек и ускорению процессов принятия решений, однако их внедрение требует кардинального пересмотра бизнес-моделей и организационных структур.

Цифровая трансформация носит межотраслевой характер и оказывает влияние на все элементы экономической системы, включая рынок труда [2]. Изменения в структуре производства и организации труда неизбежно отражаются на спросе и предложении рабочей силы, формируя новые требования к квалификации работников и условиям их занятости. Эта трансформация не ограничивается ИТ-сектором: от сельского хозяйства с точным земледелием до здравоохранения с телемедициной – все отрасли испытывают потребность в новых компетенциях.

Одним из наиболее значимых последствий цифровой трансформации является автоматизация трудовых процессов. В первую очередь автоматизации подвержены рутинные и повторяющиеся операции, не требующие высокого уровня креативности и аналитического мышления, такие как ввод данных, стандартные расчеты или сборка по шаблону [4]. По оценкам ОЭСР, в среднем около 14 % рабочих мест в странах – членах организации подвержены высокому риску автоматизации, а еще 32 % – существенно изменятся [6]. В результате снижается спрос на низкоквалифицированный труд в ряде отраслей, включая промышленность, транспорт и сферу услуг, что ведет к риску роста технологической безработицы в отдельных регионах и социальных группах [4].

В то же время цифровая трансформация способствует формированию новых профессий и рабочих мест, связанных с разработкой, внедрением и сопровождением цифровых технологий. Возрастает потребность в специалистах в области информационных технологий (например, инженеры данных, DevOps-инженеры), анализа данных, программирования, кибербезопасности, а также в специалистах, способных сочетать цифровые навыки с отраслевой экспертизой, таких как сити-фермеры, управляющие вертикальными грядками с помощью IoT, или digital-продюсеры в медиаиндустрии [3]. Например, в США Бюро трудовой статистики прогнозирует рост занятости в сфере разработки программного обеспечения и анализа данных на 22 % и 31 % соответственно в период до 2030 г., что значительно выше среднего показателя по всем профессиям [10].

Существенные изменения происходят и в формах занятости. Развитие цифровых платформ (таких как Upwork, Uber, Яндекс. Услуги) и коммуникационных технологий (Zoom, Miro, Slack) способствует распространению удаленной работы, фриланса и проектной занятости [7]. С одной стороны, это расширяет возможности трудоустройства для жителей удаленных регионов, людей с ограниченной мобильностью и повышает гибкость рынка труда, позволяя компаниям быстро привлекать таланты под конкретные задачи. С другой – усиливает нестабильность занятости и снижает уровень социальной защищенности работников, многие из которых ли-

шены гарантированного отпуска, больничных, пенсионных отчислений и защиты профсоюзов. Исследования указывают на рост «прекариата» – социального слоя с нестабильной, незащищенной занятостью [3, 4].

Таким образом, цифровая трансформация приводит к структурным изменениям рынка труда, усиливая дифференциацию между высококвалифицированной и низкоквалифицированной рабочей силой и формируя новые социально-экономические вызовы, включая растущее неравенство в доходах и возможностях, а также поляризацию общества.

В условиях цифровой трансформации существенно возрастает роль человеческого капитала. Основным фактором конкурентоспособности работников становятся цифровые компетенции, включающие не только базовые навыки работы с информационными технологиями, но и способность использовать цифровые инструменты (от CRM-систем до средств бизнес-аналитики) в профессиональной деятельности, а также умение анализировать и интерпретировать данные для принятия решений. Согласно исследованию Европейской комиссии, уже сегодня более 90 % профессиональных ролей требуют хотя бы базовых цифровых навыков [9].

Особое значение приобретает способность к непрерывному обучению (lifelong learning) и профессиональной адаптации. Быстрое развитие технологий приводит к сокращению жизненного цикла профессий: по некоторым оценкам, срок актуальности профессиональных навыков теперь составляет около 5 лет. Это требует от работников постоянного обновления знаний и освоения новых навыков на протяжении всей карьеры [6]. В этой связи возрастает роль системы образования, ориентированной на формирование универсальных и междисциплинарных компетенций – критического мышления, креативности, коллаборации, которые дополняют технические знания и позволяют адаптироваться к меняющимся условиям.

Государство и бизнес играют ключевую роль в формировании условий для адаптации рабочей силы к цифровым изменениям. Реализация масштабных программ повышения цифровой грамотности для населения всех возрастов (подобных инициативе «Цифровые навыки для граждан» в ЕС), развитие системы дополнительного профессионального образования, включая микрокредитование на обучение и программы переподготовки (как Skillful в США), и прямая поддержка занятости в трансформирующихся отраслях являются важными инструментами снижения социальных рисков цифровой трансформации рынка труда.

Цифровая трансформация рынка труда оказывает неоднозначное влияние на социально-экономическое развитие. С одной стороны, внедрение цифровых технологий способствует росту производительности труда, повышению эффективности экономических процессов и созданию новых высокооплачиваемых рабочих мест в высокотехнологичных секторах экономики, что в долгосрочной перспективе ведет к экономическому росту. С другой стороны, усиливаются риски структурной безработицы в краткосрочном периоде и социального неравенства, так как блага от роста производительности и новые возможности изначально распределяются неравномерно, концентрируясь среди владельцев капитала и высококвалифицированных специалистов.

Особую актуальность приобретает проблема адаптации уязвимых групп населения, включая работников предпенсионного возраста, лиц с низким уровнем ква-

лификации, а также жителей моногородов, экономика которых зависит от автоматизируемых отраслей. Эти группы сталкиваются с тройным барьером: возрастными предубеждениями на рынке труда, нехваткой базовой цифровой грамотности и географической изоляцией от центров роста. Например, в моногородах, где градообразующее предприятие внедряет роботизацию, увольнению могут подвергнуться сотни и тысячи людей одновременно, что создает системный кризис локального рынка труда. Без эффективных механизмов профессиональной переподготовки, программ субсидируемой занятости и адресной социальной поддержки цифровая трансформация может привести к маргинализации этих групп и усилению социальной напряженности, что наблюдалось, например, в «ржавом поясе» США. Там деиндустриализация и автоматизация без масштабных программ переобучения привели к длительной структурной безработице, росту социальных проблем и политической поляризации, став наглядным уроком социальных издержек неконтролируемого технологического сдвига.

В этой связи важным направлением государственной политики становится формирование инклюзивного рынка труда, ориентированного на обеспечение равного доступа к возможностям профессионального развития и занятости в условиях цифровой экономики, что является стратегической задачей, требующей перехода от пассивной социальной поддержки к активному инвестированию в человеческий капитал и созданию «социальных лифтов». Решение этой задачи предполагает: инвестиции в цифровую инфраструктуру (широкополосный интернет), что является базовым условием, так как без доступа к сети невозможно дистанционное обучение, поиск работы или фриланс, особенно в малых городах и селах; адаптацию трудового законодательства под новые формы занятости, например, введение статуса «занятого в платформенной экономике» с закреплением базовых социальных гарантий; стимулирование бизнеса к инвестициям в переобучение сотрудников через налоговые льготы (например, вычеты на расходы на переподготовку персонала) или софинансирование программ обучения; разработку системы пожизненного обучения с персональными образовательными счетами, которые дают каждому человеку бюджет и возможность самостоятельно выбирать курсы для актуализации навыков на протяжении всей жизни, как это реализовано в Сингапуре (SkillsFuture) или во Франции (Compte Personnel de Formation).

Цифровая трансформация является одним из ключевых факторов изменения современного рынка труда. Она перестала быть одним из многих трендов, став основной силой, переформирующей спрос на труд. Внедрение цифровых технологий приводит: к автоматизации трудовых процессов, что сокращает потребность в рутинном труде; трансформации структуры занятости, где растет доля гибридных, удаленных и проектных ролей; изменению требований к рабочей силе, делая цифровые и адаптивные навыки обязательным минимумом. Наряду с рисками сокращения рабочих мест в традиционных секторах экономики цифровизация создает новые возможности для профессионального роста и повышения эффективности труда. Например, высвобождающийся из производства работник при успешной переподготовке может найти себя в смежных высокотехнологичных сервисах – обслуживании, ремонте или логистике для автоматизированных систем. Однако для реализации этих возможностей необходима сознательная и скоординированная политика. Сти-

хийное развитие цифровой трансформации усугубит неравенство; только целенаправленное партнерство государства, бизнеса и образовательных институтов может превратить технологические вызовы в источник нового качества экономического роста и социального благополучия.

Для успешной адаптации рынка труда к условиям цифровой экономики необходим комплексный подход, включающий развитие системы непрерывного образования от школы до пенсионного возраста, целенаправленное формирование цифровых компетенций на всех уровнях и активное участие государства и бизнеса в совместном регулировании трансформационных процессов через социальное партнерство. Реализация данных мер позволит минимизировать социальные риски, смягчить переходный период для наиболее уязвимых категорий работников и обеспечить устойчивое и инклюзивное развитие рынка труда в современных условиях.

Библиографический список

1. Бухт Р., Хикс Р. Определение, измерение и развитие цифровой экономики // Вопросы экономики. 2018. № 4. С. 107–123.
2. Новая технологическая революция: вызовы и возможности для России / Г. И. Идрисов, В. Н. Княгинин, А. Л. Кудрин, Е. С. Рожкова // Вопросы экономики. 2018. № 4. С. 5–25.
3. Гимпельсон В. Е., Капельюшников Р. И. Технологические изменения и рынок труда // Экономический журнал Высшей школы экономики. – 2019. – Т. 23, № 1. – С. 5–31.
4. Капельюшников Р. И. Технологический прогресс и занятость: мифы и реальность // Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64, № 3. С. 5–15.
5. Frey C. B., Osborne M. A. The future of employment: how susceptible are jobs to computerisation // Technological Forecasting and Social Change. 2017. Vol. 114. P. 254–280.
6. Organisation for Economic Co-operation and Development. The Future of Work: OECD Employment Outlook 2019. URL: <https://www.oecd.org/employment-outlook> (дата обращения: 01.01.2025).
7. World Economic Forum. The Future of Jobs Report 2020. URL: <https://www.weforum.org/reports/the-future-of-jobs-report-2020> (дата обращения: 01.01.2025).
8. McKinsey Global Institute. Jobs lost, jobs gained: Workforce transitions in a time of automation. URL: <https://www.mckinsey.com/mgi> (дата обращения: 01.01.2025).
9. European Commission. Digital Economy and Society Index (DESI) 2023. URL: <https://digital-strategy.ec.europa.eu> (дата обращения: 01.01.2025).
10. Bureau of Labor Statistics. Employment Projections 2020–2030. URL: <https://www.bls.gov/emp> (дата обращения: 01.01.2025).

ЦИФРОВОЙ МАРКЕТИНГ И ТРАНСФОРМАЦИЯ ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ПОВЕДЕНИЯ: ВЫЗОВЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А. В. Сивкова

Студентка, Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Пермь, Россия, sivkova.sasha04@list.ru

Научный руководитель: Э. Р. Кузнецова, д-р экон. наук, профессор, Пермский филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Пермь, Россия,

Аннотация. Статья посвящена исследованию взаимного влияния инструментов цифрового маркетинга и трансформации потребительского поведения в условиях цифровой экономики. Целью работы – анализ новых моделей поведения потребителей, влияния искусственного интеллекта на маркетинговые стратегии, а также выявление правовых и социальных вызовов, связанных с использованием больших данных. Проанализированы социально-психологические аспекты трансформации потребительского поведения, рассмотрены экономические и технологические аспекты применения искусственного интеллекта в маркетинговых стратегиях, выявлены правовые и этические вызовы цифрового маркетинга, связанные с использованием персональных данных и алгоритмическими решениями. Определены перспективные направления развития, включая формирование цифровой грамотности населения, совершенствование правового регулирования и развитие этических стандартов в цифровом маркетинге. Результаты исследования могут быть применены в практике разработки маркетинговых стратегий, формировании нормативно-правовой базы цифровой экономики, а также в образовательных программах по направлениям «Маркетинг», «Цифровая экономика» и «Информационное право».

Ключевые слова: цифровой маркетинг, потребительское поведение, искусственный интеллект, цифровая трансформация, персональные данные, алгоритмическая дискриминация, информационные пузыри, манипулятивное проектирование

DIGITAL MARKETING AND CONSUMER BEHAVIOR TRANSFORMATION: CHALLENGES AND PROSPECTS

A. V. Sivkova

Student, Perm Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Perm, Russia, sivkova.sasha04@list.ru

Scientific supervisor: E. R. Kuznetsova, Doctor of Economics, Associate Professor,
Perm Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Perm, Russia

Abstract. The article is devoted to the study of the mutual influence of digital marketing tools and the transformation of consumer behavior in the digital economy. The aim of the work is to analyze new patterns of consumer behavior, the impact of artificial intelligence on marketing

strategies, as well as to identify legal and social challenges associated with the use of big data. The study analyzes the socio-psychological aspects of the transformation of consumer behavior, examines the economic and technological aspects of the use of artificial intelligence in marketing strategies, and identifies the legal and ethical challenges of digital marketing related to the use of personal data and algorithmic solutions. Promising areas of development have been identified, including the formation of digital literacy of the population, the improvement of legal regulation and the development of ethical standards in digital marketing. The research results can be applied in the practice of developing marketing strategies, forming the regulatory framework of the digital economy, as well as in educational programs in the areas of Marketing, Digital Economy and Information Law.

Keywords: digital marketing, consumer behavior, artificial intelligence, digital transformation, personal data, algorithmic discrimination, information bubbles, and manipulative design

Цифровая трансформация оказывает глубокое воздействие на современную экономику и потребительское поведение. Интенсификация цифровизации актуализирует проблему, заключающуюся в противоречии между стремительно развивающимися технологическими возможностями цифрового маркетинга и недостаточным уровнем защищенности потребителя в цифровой среде.

Новая парадигма потребительского поведения: социально-психологические аспекты трансформации. Цифровая трансформация привела к формированию принципиально новой модели потребительского поведения, в центре которой находится активный, информированный и многозадачный пользователь. Его взаимодействие с брендами характеризуется глубокой вовлеченностью, высокими ожиданиями и новыми социально-психологическими установками [1].

Таким образом, новая парадигма потребительского поведения характеризуется переходом к активной и осознанной роли «просьюмера», который обладает развитыми цифровыми компетенциями и действует в гибридной, омниканальной среде (рисунок). Его доверие завоевывается не столько рекламой, сколько аутентичными отзывами и социальным доказательством, а взаимодействие с брендом должно быть максимально быстрым, удобным и безопасным с точки зрения конфиденциальности данных.

Влияние искусственного интеллекта на маркетинговые стратегии: экономические и технологические аспекты. Проникновение искусственного интеллекта (ИИ) в маркетинг знаменует собой переход от эмпирических методов к стратегиям, управляемым данными. По данным глобального опроса Nielsen за 2025 г., 59 % маркетологов во всем мире считают ИИ для персонализации и оптимизации компаний самым влиятельным трендом, способным изменить отрасль [2]. Данная трансформация влияет как на операционные инструменты, так и на глубинные основы бизнеса, формируя новую модель, ориентированную на максимизацию экономической эффективности и клиентоцентричности.

Рис. Социально-психологические аспекты трансформации и их ключевые характеристики [1]

Инструменты искусственного интеллекта представляют собой передовой арсенал цифрового маркетолога, обеспечивающий автоматизацию основных процессов и повышение их продуктивности [3].

Ключевым направлением является предиктивная аналитика и персонализация. С помощью алгоритмов машинного обучения осуществляется обработка обширных массивов структурированной и неструктурированной информации, такой как история покупок, поведенческие паттерны на веб-сайте и активность в социальных сетях, с целью прогнозирования будущих действий потребителей. Данный подход позволяет перейти от традиционной сегментации к реализации гиперперсонализированного взаимодействия, в рамках которого формируется уникальный опыт для каждого пользователя. В качестве примера можно привести стриминговые платформы, такие как Netflix, которые применяют предиктивные модели для генерации индивидуальных рекомендаций. Это, в свою очередь, способствует значительному росту вовлеченности аудитории и увеличению среднего чека. В D2C-сегменте (Direct-to-Consumer) AI-агенты анализируют поведение каждого пользователя, чтобы рекомендовать продукты, которые с наибольшей вероятностью удовлетворят его персональные потребности.

Второй инструмент – генеративный ИИ для создания контента. Эта технология революционизирует контент-маркетинг, позволяя создавать тексты, изображения и видео за секунды. Маркетологи используют генеративный ИИ для написания рекламных объявлений, постов для социальных сетей, сценариев видеороликов и персонализированных email-рассылок. Такие инструменты помогают генерировать креативные тексты, поддерживая единый бренд-голос, позволяют дизайнерам создавать макеты сайтов и визуальные элементы по текстовому описанию, что ускоряет вывод компаний на рынок и снижает затраты на производство контента.

Третий инструмент – чат-боты и виртуальные ассистенты. Эволюция от простых чат-ботов к продвинутым AI-агентам коренным образом изменила клиентский сервис. Современные виртуальные ассистенты на базе натурально-языковых моделей не только отвечают на частые вопросы, но и помогают отслеживать заказы, ре-

комендуют продукты и даже обрабатывают возвраты. Это обеспечивает постоянную поддержку, мгновенно решает проблемы клиентов и снижает операционную нагрузку на человеческие команды.

ИИ не просто оптимизирует существующие процессы – он порождает принципиально новые, более эффективные и адаптивные бизнес-модели.

Бизнес-модель – D2C (Direct-to-Consumer) подход. ИИ является ключевым драйвером роста для D2C-брендов, позволяя им напрямую выстраивать глубокие отношения с потребителями. За счет гиперперсонализации, прогнозирования спроса и автоматизированного взаимодействия D2C-компании создают уникальное ценностное предложение, с которым трудно конкурировать традиционным ритейлерам. AI-агенты помогают таким брендам предвосхищать потребности клиентов, создавая удобный путь от обнаружения товара до покупки и постпродажного обслуживания, что укрепляет лояльность и увеличивает LTV (Lifetime Value).

Следующая бизнес-модель – динамическое ценообразование. AI-алгоритмы в реальном времени анализируют рыночный спрос, действия конкурентов, поведение конкретного пользователя и другие внешние факторы (например, время суток), чтобы автоматически адаптировать цены на товары и услуги. Это позволяет бизнесу максимизировать прибыль в периоды высокого спроса и оставаться конкурентоспособным в периоды спада, оптимизируя выручку без постоянного вмешательства человека.

Еще одна бизнес-модель – программатик-медиабаинг (ProgrammaticMediaBuying). Это автоматизированная система закупки рекламного инвентаря в реальном времени (RTB). AI лежит в основе этого процесса, анализируя пользовательские данные за миллисекунды, чтобы принять решение о покупке рекламного показа для наиболее релевантного пользователя по оптимальной цене. Такие платформы обеспечивают беспрецедентную эффективность, точность таргетинга и масштабируемость, позволяя маркетологам оптимизировать возврат инвестиций (ROI) от рекламных бюджетов.

Правовые и этические вызовы цифрового маркетинга: регуляторные аспекты и вопросы безопасности. Интеграция искусственного интеллекта и технологий работы с большими данными в маркетинг порождает комплекс правовых и этических вызовов, требующих как адаптации существующего регулирования, так и выработки новых этических стандартов [4].

Правовое регулирование использования персональных данных – это обработка персональных данных, является фундаментом современного цифрового маркетинга, что делает ее ключевым объектом правового регулирования.

Основные риски и требования заключаются в согласии и целях обработки. Компания-оператор обязана иметь законное основание для обработки персональных данных пользователя – либо его согласие, либо иное основание, предусмотренное законом. Использование данных в иных целях или их передача третьим лицам требует отдельного информированного согласия.

Также основные риски и требования заключаются в трансграничной передаче данных. Законодательство, например, в России требует, чтобы персональные данные граждан изначально хранились на территории страны. Их передача за рубеж возможна только при соблюдении специальных условий, включая обеспечение адек-

ватной защиты данных страной-получателем. Нарушение этого требования влечет за собой значительные административные штрафы и даже блокировку сайта.

Также в категорию рисков и требований попадает обезличивание данных, которое является одним из способов минимизации рисков при использовании данных для обучения AI-моделей. Однако в условиях алгоритмической обработки, позволяющей реконструировать субъектную принадлежность, классический подход к обезличиванию требует пересмотра. Для обеспечения конфиденциальности применяются такие технологии, как NER (распознавание именованных сущностей). Они позволяют выполнить предварительную анонимизацию данных до их отправки в языковую модель для последующей обработки.

Еще одним важным требованием является обеспечение прозрачности и информированности. Ключевым принципом выступает уведомление пользователя о том, что его данные или запрос обрабатываются алгоритмами искусственного интеллекта. Это соответствует принципу прозрачности и дает пользователю возможность осознанно принимать участие в таком взаимодействии.

Манипулятивный дизайн интерфейсов – это подход, при котором архитектура сайта или приложения целенаправленно вводит пользователя в заблуждение, побуждая к совершению действий, которых бы не было при полном понимании контекста. Часто пользователи бессознательно погружаются в бесконечный скроллинг или совершают импульсные покупки ради получения небольших вознаграждений. Это поднимает вопрос о тонкой грани между помощью в принятии решений и прямым манипулированием вниманием. С этической позиции командам разработчиков необходимо задумываться о том, насколько допустимо жертвовать долгосрочными интересами и комфортом пользователей ради достижения краткосрочных бизнес-показателей.

Один из этических аспектов применения ИИ – это алгоритмическая дискриминация. В отличие от детерминированных систем, системы машинного обучения являются вероятностными и основываются на статистике, что увеличивает риски дискриминационных решений. Ключевой проблемой выступает косвенная дискриминация, когда формально нейтральные критерии и практики оказывают дифференцированное негативное воздействие на лиц из защищенных групп.

Еще один этический аспект применения ИИ – это создание «информационных пузырей». Алгоритмы, нацеленные на максимизацию вовлеченности, формируют так называемые «информационные пузыри» или «пузыри фильтров». Пользователь, который смотрит определенный тип контента, получает рекомендации исключительно в рамках этой темы, что ограничивает его видение мира и может приводить к усилению поляризации общества.

Также этическим аспектом применения ИИ является ответственность за решения ИИ-систем. Вопрос о том, кто несет ответственность за вред, причиненный решениями AI-систем, остается одним из самых сложных. Российский Кодекс этики в сфере искусственного интеллекта устанавливает важный принцип: финальные решения принимает человек, который и несет за них ответственность. Это особенно критично в таких областях, как, например, судопроизводство. Эксперты единодушны во мнении, что ИИ не может заменить судью, поскольку не обладает правосознанием.

нием, внутренним убеждением и не может нести ответственность за свои «решения». Его уместная роль – ассистент, выполняющий рутинную техническую работу.

Перспективные направления развития. Данное исследование показывает необходимость комплексного подхода к цифровой трансформации маркетинга, который объединяет технологические инновации и развитие правовых и этических стандартов (таблица). Для успешной адаптации к новым реалиям нужно сообща прилагать усилия бизнесу, государству и образовательным институтам для формирования сбалансированной цифровой экосистемы, которая ориентированно на устойчивое развитие и защиту прав всех участников [5].

Перспективные направления развития

Перспективные направления развития		
Формирование цифровой грамотности	Развитие критического мышления у потребителей. Обучение цифровой гигиене и безопасности. Повышение адаптивности к новым технологиям	Снижение рисков мошенничества. Формирование осознанного потребления. Ускорение цифровой трансформации цифровой
Совершенствование правового регулирования	Разработка отраслевых стандартов использования ИИ. Создание механизмов защиты цифровых прав. Гармонизация международного регулирования	Повышение инвестиционной привлекательности. Снижение правовых рисков бизнеса. Укрепление доверия потребителей
Развитие этических стандартов	Внедрение принципов прозрачности алгоритмов. Создание систем этического аудита ИИ. Развитие культуры ответственного маркетинга	Укрепление репутации брендов. Повышение лояльности потребителей. Снижение репутационных рисков

Таким образом, цифровая трансформация маркетинга привела к системным изменениям во взаимодействии бизнеса и потребителей, требующим комплексного подхода, объединяющего технологические инновации с развитием правового регулирования и этических стандартов. Дальнейшее исследование должно быть направлено на разработку конкретных механизмов реализации этических принципов ИИ и создание сбалансированной системы регулирования, способной адаптироваться к быстро меняющимся технологическим реалиям.

Исследование показало, что успешная цифровая трансформация маркетинга требует преодоления междисциплинарных барьеров и сотрудничества между бизнесом, государством и научным сообществом.

Библиографический список

1. Влияние социально-психологических факторов цифровой трансформации на персонал организации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-sotsialno-psihologicheskikh-faktorov-tsifrovoy-transformatsii-na-personal-organizatsii>?ysclid= mij1v00rp643347749 (дата обращения: 20.11.2025).
2. Маркетинг в эпоху сокращений бюджетов // AdIndex.ru. URL: <https://adindex.ru/publication/analitics/forecasts/2025/05/22/333662.phtml?ysclid=mij1zxnmc1867382343> (дата обращения: 23.11.2025).
3. Искусственный интеллект: новый драйвер маркетинговых стратегий // Московские новости. Московский бизнеспортал. URL: <https://globalmsk.ru/news/id/77358> (дата обращения: 25.11.2025)
4. Искусственный интеллект и право // Гарант.ру : информ.-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/news/1401154/?ysclid=mij2d7qy3i382884387> (дата обращения: 27.11.2025).
5. Почему важны цифровые навыки и где их получить? / ИМЭС. URL: <https://imes.su/press-tsentr/stati/pochemu-vazhny-tsifrovyie-navyki-i-gde-ikh-poluchit/?ysclid=mij2f9ty7x550494793> (дата обращения: 28.11.2025).
6. Кингснорт С. Стратегия цифрового маркетинга. Интегрированный подход к он-лайн-маркетингу. Руководство. М. : Олимп-Бизнес, 2019. 416 с.

ПОЧЕМУ ДЕТИ-СИРОТЫ ВЫНУЖДЕНЫ ГОДАМИ ЖДАТЬ СВОЕ ЖИЛЬЕ И КАК РЕШИТЬ ЭТУ ПРОБЛЕМУ?

Д. С. Сидоренко

Студент, Пермский филиал Финансового университета при Правительстве РФ,
Пермь, Россия, dachasidorenko@yandex.ru

Научный руководитель: Е. А. Шистерова, канд. пед. наук, доцент,
Пермский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации, Пермь, Россия

Аннотация. В статье анализируются причины многолетнего ожидания детьми-сиротами и детьми, оставшимися без попечения родителей, предоставления жилья в Российской Федерации. Исследуются как законодательные, так и правоприменительные проблемы, приводящие к системным нарушениям жилищных прав данной категории граждан. Предлагаются комплексные решения, направленные на совершенствование механизмов обеспечения детей-сирот жильем и их успешную социальную адаптацию.

Ключевые слова: дети-сироты, жилищные права, социальная защита, законодательство, правоприменительная практика, проблемы, решения

WHY ORPHANS ARE FORCED TO WAIT YEARS FOR THEIR HOUSING AND HOW TO SOLVE THIS PROBLEM?

D. S. Sidorenko

Student, Perm Branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation,
Perm, Russia, dachasidorenko@yandex.ru

Scientific supervisor: E. A. Shisterova, Candidate of Pedagogic Sciences,
Associate Professor, Perm Branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation, Perm, Russia

Abstract. The article analyzes the reasons for the long-term waiting period for housing provision for orphans and children left without parental care in the Russian Federation. Both legislative and law enforcement problems leading to systemic violations of the housing rights of this category of citizens are investigated. Comprehensive solutions aimed at improving the mechanisms for providing housing to orphans and their successful social adaptation are proposed.

Keywords: orphans, housingrights, socialprotection, legislation, lawenforcementpractice, problems, solutions

В Российской Федерации проблема обеспечения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, жильем является особенно острой и социально значимой. Несмотря на законодательно закрепленное право данной категории граждан на получение жилья от государства, на практике реализация этого права сталкивается с существенными трудностями, приводящими к многолетнему ожиданию. По данным за 2024 г., около 270 тыс. детей-сирот стоят в очереди на получение жилья, а

в некоторых регионах срок ожидания превышает 20 лет [11]. Это нарушает их конституционные права, закрепленные в ст. 7, 39, 40 Конституции РФ [1–3]. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления причин данной проблемы и разработки механизмов ее решения.

Целью данной работы является исследование правового регулирования и правоприменительной практики в области защиты жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в РФ, а также выработка предложений по совершенствованию механизмов их реализации.

Законодательство РФ четко определяет категории лиц, имеющих право на дополнительные гарантии по социальной поддержке, включая жилищные права. Согласно федеральному закону от 21.12.1996 № 159-ФЗ «О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей» [5], к ним относятся:

- дети-сироты – лица в возрасте до 18 лет, у которых умерли оба или единственный родитель;

- дети, оставшиеся без попечения родителей, – лица в возрасте до 18 лет, которые остались без попечения единственного родителя или обоих родителей в связи с лишением их родительских прав, ограничением их в родительских правах, признанием родителей безвестно отсутствующими, недееспособными (ограниченно дееспособными), объявлением их умершими, установлением судом факта утраты лицом попечения родителей, отбыванием родителями наказания в учреждениях, исполняющих наказание в виде лишения свободы, нахождением в местах содержания под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений, уклонением родителей от воспитания своих детей или от защиты их прав и интересов, отказом родителей взять своих детей из образовательных организаций, медицинских организаций, организаций, оказывающих социальные услуги, а также в случае, если единственный родитель или оба родителя неизвестны, в иных случаях признания детей оставшимися без попечения родителей в установленном законом порядке.

Лица, являющиеся сиротами, имеют право на обеспечение благоустроенным жильем по договору найма специализированного жилого помещения [5]. Предоставление жилья происходит по достижении 18 лет либо после завершения пребывания в соответствующих учреждениях или окончания обучения. Для реализации этого права необходимо быть включенным в список нуждающихся в жилье, причем с 14 лет ребенок может самостоятельно подать заявление о включении в этот список. Порядок формирования списка и предоставления жилья определяется Правительством РФ [7] и нормативными актами субъектов РФ. Предоставляемое жилье должно быть благоустроенным, соответствовать санитарным и техническим нормам, а его площадь определяется по региональным нормам. Договор найма специализированного жилого помещения заключается на 5 лет, после чего, при условии успешной социальной адаптации, может быть заключен договор социального найма [5].

История развития законодательства о защите жилищных прав детей-сирот в России прошла несколько этапов [9].

1. Советский период (до 1991 г.): государство брало на себя ответственность за обеспечение жильем выпускников детских домов, однако реальное обеспечение часто сталкивалось с проблемами из-за ограниченности жилого фонда [6].

2. Переходный период (1991–1996 гг.): распад СССР и переход к рыночной экономике привели к ухудшению социально-экономической ситуации. Были приняты первые законодательные акты, направленные на усиление защиты прав детей-сирот, включая закон РФ от 21 декабря 1996 г. № 159-ФЗ.

3. Период становления современной системы (1996–2012 гг.): закон № 159-ФЗ заложил основы современной системы гарантий. Однако на практике обеспечение жильем сталкивалось с серьезными проблемами: неисполнение обязанностей органами власти, судебные разбирательства, предоставление некачественного жилья [13].

4. Современный этап (с 2013 г. – по настоящее время): внесены изменения, направленные на усиление контроля и ответственности органов власти. Создан специализированный жилищный фонд, а в ряде регионов введена практика предоставления жилищных сертификатов.

Несмотря на наличие законодательной базы, на практике реализация жилищных прав детей-сирот сталкивается с рядом серьезных проблем [10, 16].

1. *Недостаточное финансирование.* Это ключевой фактор, препятствующий своевременному обеспечению жильем. Дефицит бюджетных средств на всех уровнях приводит к нехватке жилых помещений, предназначенных для детей-сирот.

2. *Длительные сроки ожидания.* Из-за ограниченного количества жилых помещений дети-сироты вынуждены годами ожидать предоставления жилья, что часто приводит к нарушению их прав. В течение этого времени они могут испытывать жилищную нестабильность, проживать в непригодных условиях или становиться жертвами мошеннических действий.

3. *Качество предоставляемого жилья.* Нередко предоставляются жилые помещения, не отвечающие санитарным и техническим нормам, расположенные в отдаленных или неблагополучных районах. Это создает дополнительные трудности для адаптации детей-сирот и их интеграции в общество.

4. *Бюрократические барьеры.* Процедура постановки на учет и получения жилья сопряжена с многочисленными бюрократическими процедурами, что усложняет реализацию прав детей-сирот.

5. *Несовершенство механизмов контроля.* Отсутствие эффективного контроля за использованием предоставленного жилья и работой опекунов приводит к тому, что сироты могут терять право на наследство или не попадать в очереди.

Защита жилищных прав детей-сирот во многом опирается на судебную практику. Верховный Суд РФ систематически обобщает практику рассмотрения дел, касающихся обеспечения жильем детей-сирот, и суды, как правило, корректно применяют законодательство [12]. Однако, несмотря на это, проблемы в данной сфере носят системный характер.

Например, в Пермском крае насчитывается около 5,5 тыс. детей-сирот, имеющих право на жилье. При этом для 70 % лиц, состоящих на жилищном учете, государственная обязанность по предоставлению жилья уже возникла, но доля фактически обеспеченных остается невысокой [8]. Молодые люди вынуждены годами ожидать благоустроенного жилья, сталкиваясь с проблемами социального, правового и организационного характера. Так, в 2018 г. администрация г. Перми смогла обеспечить жилыми помещениями лишь 65 человек, и все в рамках исполнения судебных решений, что свидетельствует о дефиците денежных средств и системных проблемах [8].

Для эффективного решения проблемы обеспечения детей-сирот жильем необходим комплексный подход, включающий следующие меры:

1. *Строительство нового жилья.* Следует стимулировать строительство нового жилья, предназначенного для предоставления детям-сиротам, с учетом современных требований к комфорту и безопасности.

2. *Приобретение жилья на вторичном рынке.* Необходимо предусмотреть возможность приобретения на вторичном рынке жилых помещений, отвечающих установленным требованиям.

3. *Развитие системы сопровождения.* Следует развивать систему социального сопровождения детей-сирот после предоставления им жилья, с целью оказания им помощи в решении бытовых и социальных проблем.

4. *Совершенствование законодательства.* Необходимо внести изменения в действующее законодательство, направленные на упрощение процедуры предоставления жилья, усиление защиты жилищных прав детей-сирот и повышение эффективности контроля за использованием предоставленных жилых помещений.

5. *Повышение информированности.* Следует проводить информационные кампании, направленные на повышение осведомленности детей-сирот об их жилищных правах и о порядке их реализации.

6. *Усиление прокурорского надзора.* Прокуратура должна активно выявлять и пресекать нарушения в данной сфере, вносить представления министрам труда и социального развития, а также следить за устранением нарушений.

Исследование показало, что проблема обеспечения жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, остается одной из наиболее актуальных и сложных социально-политических задач в Российской Федерации. Несмотря на законодательно закрепленное право данной категории граждан на получение жилья от государства, на практике реализация этого права сталкивается с существенными трудностями и многочисленными нарушениями.

Обеспечение детей-сирот жильем является ключевым элементом социальной политики, направленной на защиту их прав. Однако, как показал анализ, ситуация в этой сфере остается практически неизменной на протяжении последних десяти лет. Несмотря на активную законодательную деятельность, а также усилия органов государственной власти и общественных организаций, очередь на жилье для детей-сирот продолжает расти, что свидетельствует о системных проблемах в механизмах реализации их жилищных прав.

Социальная значимость жилищных отношений детей, утративших родительское попечение, требует особого внимания со стороны законодателя и правоприменителя. Создание четкой системы гарантий реализации жилищных прав данной категории детей остается одной из самых актуальных проблем на протяжении многих лет. Успешное решение проблемы обеспечения жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, является не только правовой, но и моральной обязанностью государства и общества, поскольку именно полноценная реализация их жилищных прав создает необходимые условия для их успешной социальной адаптации и интеграции в общество.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) // Российская газета. 1993. 25 декабря, № 237.
2. Конституция Российской Федерации. Ст. 39.
3. Конституция Российской Федерации. Ст. 40.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации. Части первая, вторая, третья, четвертая: ГК: текст с изменениями и дополнениями на 25 сентября 2024 г. М. : Проспект, 2024. 784 с.
5. О дополнительных гарантиях по социальной поддержке детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей : федер. закон от 21.12.1996 № 159-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1996. № 52. Ст. 5880. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12778/ (дата обращения: 29.09.2025).
6. Об устройстве детей, оставшихся без родителей : постановление Совета народных комиссаров СССР от 23.01.1942. № 75.
7. О формировании специализированного жилищного фонда для детей-сирот... : постановление Правительства Российской Федерации от 04.04.2019 № 397 (ред. от 28.02.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 15 (часть II). Ст. 1748. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_322144/92d969e26a4326c5d02fa79b8f9cf4994ee5633b/ (дата обращения: 29.09.2025).
8. О соблюдении на территории Пермского края жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, и лиц из их числа : специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Пермском крае. 2018. URL: https://ombudsman.perm.ru/_res/fs/1712file.pdf/ (дата обращения: 29.09.2025).
9. Бердникова А. А. Правовое регулирование жилищных прав детей-сирот в РФ (историко-правовой анализ) // Правовое регулирование экономической деятельности Текст научной статьи. 2023. № 4. С. 6–12. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoe-regulirovanie-zhilischnyh-prav-detey-sirot-v-rossiyskoy-federatsii-istoriko-pravovoy-analiz/> (дата обращения: 29.09.2025).
10. Обеспечение и защита прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей: международные стандарты и российский опыт : учеб. пособие / под общ. ред. И. В. Шишениной. Волгоград: Изд-во ВИУ – филиала РАНХиГС, 2021. 380 с.
11. Емельяненко В., Львова-Белова М. В России в очереди на жилье стоят более 288 тысяч детей-сирот // Российская газета. 2023. 16 января. URL: <https://rg.ru/2023/01/16/lvova-belova-> (дата обращения: 20.10.2025).
12. Горина Е. А., Косинова Л. В. Жилищные сертификаты для сирот: регуляторные возможности и ограничения их результативной реализации // Вопросы государственного и муниципального управления. 2023. № 3. С. 48–70. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zhilischnye-sertifikaty-dlya-sirot-regulyatornye-vozmozhnosti-i-ogranicheniya-ih-rezultativno-y-realizatsii/> (дата обращения: 29.09.2025).
13. Мартынова Е.В. Реализация жилищных прав детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей // Социология. 2022. № 5. С. 126–134. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-zhilischnyh-prav-detey-sirot-i-detey-ostavshih-sya-bez-popecheniya-roditeley/> (дата обращения: 29.09.2025).
14. Присяжнюк Ю. П. Предоставление жилья детям как мера социальной поддержки, проблемы и перспективы // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2022. № 2. С. 108–113. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/predostavlenie-zhilya-detyam-kak-mera-sotsialnoy-podderzhki-problemy-i-perspektivy/> (дата обращения: 29.09.2025).
15. Хоршева Ю. О. Тенденции правовой защиты сирот на международном и национальном уровнях // Образование и право. 2024. № 4. С. 13–18. URL:

<https://cyberleninka.ru/article/n/tendentsii-pravovoy-zaschity-sirot-na-mezhdunarodnom-i-natsionalnom-urovnyah/> (дата обращения: 29.09.2025).

16. Якимова Е. М. Проблемы реализации права детей-сирот и лиц из числа детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, на обеспечение жилым помещением // Сибирский юридический вестник. 2022. № 1. С. 37–42.

КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ В РОССИИ

И. К. Советов

Канд. юрид. наук, доцент,
Западно-Уральский институт экономики и права, Пермь, Россия,
permsovet2008@mail.ru

Аннотация. В статье исследуются современные конституционно-правовые аспекты цифровизации российского государства и общества, ее влияние на конституционно-правовой статус личности в России.

Ключевые слова: конституционное право, цифровизация, права и свободы человека и гражданина, Российская Федерация

CONSTITUTIONAL AND LEGAL FOUNDATIONS OF DIGITALIZATION IN RUSSIA

I. K. Sovetov

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor,
West Ural Institute of Economics and Law, Perm, Russia
permsovet2008@mail.ru

Abstract. The article examines the current constitutional and legal aspects of the digitalization of the Russian state and society, and its impact on the constitutional and legal status of the individual in Russia.

Keywords: constitutional law, digitalization, human and civil rights and freedoms, Russian Federation

Современной тенденцией развития Российской Федерации, как и всего мира, являются цифровая трансформация и активное развитие новых, более эффективных форм обмена и передачи информации. Процесс цифровизации практически всех областей государственной и общественной жизни, его объективная востребованность и удобство даже при неизбежных негативных проявлениях не может оставаться вне государственно-правового внимания. Цифровизация стала одной из характерных черт XXI в., и с этим очевидным фактом следует считаться. Ее проникновение в жизнедеятельность общества и государства в силу ее удобства создает условия свободного доступа к информации о деятельности органов публичной власти, других субъектов права и положительно влияет на развитие как государства, так и гражданского общества, но одновременно практика цифровизации свидетельствует о ряде актуальных проблем, связанных с защитой информации, противоправными действиями в сфере оборота информации, с состоянием правовой культуры пользователей этой информации.

Актуальным и новым направлением цифрового развития стало взаимное влияние цифровизации и права. Использование цифровизации в праве, а также правовое регулирование цифровизации стали составной частью правотворческой, правоприменительной деятельности и научных исследований в области права. Конечно, ныне существующая система права, основанная на принципах предыдущих столетий, не была и не могла быть предназначена для решения вопросов, которые возникли в связи с цифровизацией. Данное обстоятельство породило у ряда специалистов и исследователей скептические выводы об устарелости традиционных принципов и норм права, их неспособности адекватно отразить новации правового регулирования отношений, возникающих в связи с цифровизацией, поскольку вызванное прогрессом в коммуникационной сфере развитие «цифровой» модели работы с информацией порождает большое количество социальных взаимосвязей вне традиционных форм. Выводы о том, что сетевые цифровые технологии несовместимы с традиционными представлениями о праве, и его определяющей роли в регулировании общественных отношений весьма категоричны и далеки от реальности. Однако такое утверждение не исключает, а предполагает осмысление роли права в свете новых цифровых реальностей.

В изменившейся ситуации именно право, продолжая оставаться универсальным регулятором общественных отношений, несмотря на их характер и новые формы, должно определять основные параметры нового формата цифровых коммуникаций, само испытывая влияние цифровизации. В силу своего основополагающего характера именно конституционно-правовые нормы должны выступать в качестве основы правового регулирования цифровой трансформации. В первую очередь это касается принципов и норм, содержащихся в Конституции Российской Федерации – нормативном правовом акте высшей юридической силы. Причем вне зависимости от степени развития цифровой реальности она должна находиться под воздействием Конституции как нормативного акта, имеющего самую широкую сферу правового регулирования, в том числе сферу новых отношений в киберпространстве. Содержащиеся в Конституции РФ нормы-принципы, нормы-дефиниции, нормы программного содержания являются и будут продолжать являться основой для регулирования активно развивающихся общественных отношений, возникающих в процессе цифровизации. Поскольку появились новые, имеющие конституционное значение формы деятельности различных субъектов права в киберпространстве, возникают проблемы их соотнесения с действующими конституционно-правовыми нормами. В принципе, возможны два основных подхода к определению такого соотношения. Во-первых, можно адаптировать существующие конституционно-правовые нормы к явлениям новой реальности в сфере информационно-коммуникационных технологий, дополнив действующие конституционно-правовые нормы новыми правовыми нормами. Это хорошо известный традиционный подход. Так, В. Д. Зорькин отмечал: «Новизна состоит не в изменении сути права, его природы, а в обогащении его содержания, связанного с принципиальной новизной самого средства передачи информации» [2, с. 9]. Во-вторых, можно пойти по пути создания принципиально новой модели правового (в том числе конституционно-правового) регулирования цифрового пространства. Анализ сложившихся механизмов правового регулирования цифровизации позволяет сделать вывод о том, что пока развитие правового регулирования

цифровизации идет по первому пути, хотя сторонники второго направления имеются. В частности, речь идет «о создании основного закона цифрового общества, качественные особенности которого поменяют все базовые институты в системе государственной власти, конституционном праве» [6, с. 1077]. Сторонники такого подхода свою позицию обосновывают масштабностью и радикальной новизной изменений, происходящих в киберпространстве. Пока такая позиция находит последователей только в научной среде. Недостатки у первого подхода имеются, и они очевидны сразу, поскольку до настоящего времени отсутствуют даже многие легальные определения терминов, возникших и возникающих в рамках цифровых технологий. Так, в законодательстве даже содержание термина «цифровизация» не раскрывается. И это вполне объяснимо, поскольку многие термины виртуального мира появляются и внедряются в жизнь быстрее, чем законодатель успевает их осознать и урегулировать. Термин «цифровизация» в законодательство пришел из научно-технической сферы, вышел за границы информационно-коммуникационных технологий и приобрел за последние годы гораздо более широкую сферу применения, обеспечивая повышение качества жизнедеятельности людей, различных сфер жизни общества и деятельности государства. Видится обоснованным представление о «цифровизации» как о процессе преобразования информации (аналоговой) в цифровую форму (в узком смысле), а также как о перспективном направлении «мирового развития, охватывающем все сферы жизнедеятельности личности, общества и государства для повышения ее качества и развития экономики (в широком смысле)» [3, с. 32]. Задаваясь вопросом о том, как могут соотноситься нормы Конституции РФ и цифровизация, поначалу может сложиться впечатление, что это совершенно несовместимые категории. Но первое впечатление обманчиво. Помимо общих принципов, закрепленных в Конституции РФ, в ее содержании есть два важных правовых института, имеющих непосредственную связь с цифровизацией. Это конституционный статус личности и российское государство.

Несмотря на отсутствие в настоящее время достаточно четкого понимания закономерностей и механизма воздействия цифровизации на конституционный статус личности, ее права и свободы, для исследователей становятся очевидны масштабы и глубина влияния, которое оказывает цифровизация на конституционные права и свободы человека и гражданина. Причем осуществляется влияние не только на те права, реализация которых непосредственно связано с информационной средой, но и практически на все остальные права и свободы в статусе личности. К первой группе можно отнести право на свободу и личную неприкосновенность (ст. 22 Конституции РФ), право на неприкосновенность частной жизни, личную и семейную тайну (ч. 1, ст. 23); право на тайну переписки... и иных сообщений (ч. 2, ст. 23), право на ознакомление с документами и материалами, непосредственно затрагивающими... права и свободы (ч. 2, ст. 24), свобода слова (ч. 1, ст. 29), право свободно искать, получать, передавать, производить и распространять информацию (ч. 4, ст. 29). Ко второй группе имеются основания отнести конституционные права и свободы личности, реализация которых может найти свое виртуальное выражение в киберпространстве. Например, реализация избирательного права в формате электронного голосования, право интеллектуальной собственности в электронных носителях, свобода вероисповедания, реализуемая с использованием цифровых книг и иных подобных матери-

алов и т. д. В связи с таким масштабным влиянием цифровых форм как на содержание, так и на практику реализации конституционных прав и свобод личности перед наукой и практикой встает несколько проблем.

Во-первых, следует ли дополнительно с использованием конституционного и законодательного регулирования осуществлять нормативно-правовое развитие содержания имеющейся конституционной основы статуса личности? Предложения по дополнению норм, содержащихся в главах 1 и 2 Конституции РФ, уже вносились [5, с. 179–180]. Однако внесение поправок в эти главы Конституции РФ влечет необходимость принятия новой Конституции РФ. Очевидно, что при всей значимости таких поправок их недостаточно, чтобы возникла необходимость разработки и принятия новой Конституции РФ. Законодатель на это не пойдет. Да и сами авторы предложений признают, что «всего этого явно недостаточно для того, чтобы адаптировать Конституцию РФ к реалиям информационного общества». И далее: некоторые предложения «вполне могут быть реализованы на уровне текущего законодательства путем включения соответствующих положений в Федеральный закон “Об информации, информационных технологиях и о защите информации”» [5, с. 180]. С такой позицией исследователей следует согласиться. Второй компонент развития нормативно-правового регулирования цифровизации, при котором осуществляется дополнение существующей нормативно-правовой базы и принятие новых правовых актов на основе Конституции РФ, представляется более реальным и практичным. Именно по этому пути сегодня идут субъекты правотворчества. В последние годы принято большое количество нормативных актов различной правовой природы, развивающих регулирование цифровизации: от Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы [8] до значительных дополнений федеральных законов [9, 10]. Кроме того, план мероприятий по направлению «Нормативное регулирование» программы «Цифровая экономика Российской Федерации» предусматривает принятие федеральных законов по 38 сферам правового регулирования, которыми предусмотрено внесение изменений в более чем в 50 действующих федеральных законов [11].

Вторая проблема, на которую следует обратить внимание, – это обоснованность стремления дополнить перечень субъективных прав и свобод личности постоянно возникающими новыми цифровыми по своей природе правами человека. Конституционное право, находящееся под воздействием цифровизации, объективно испытывает необходимость содержательного наполнения и определения места цифровых прав в общей системе прав и свобод человека и гражданина. Нормативное закрепление таких развивающих положений осуществляется в актах текущего законодательства, в том числе в источниках конституционного права и решениях Конституционного суда РФ. Так, например, на основе ст. 3 и 32 Конституции РФ происходит развитие цифровых прав граждан в избирательной системе. В соответствии с избирательным законодательством в настоящее время на базе электронной системы ГАС «Выборы» активно развивается и достаточно подробно регламентируется процедура дистанционного голосования при проведении выборов или референдума [12]. Другим примером развития конституционного права личности является активное использование цифровой формы реализации конституционного права на обращение (ст. 33 Конституции РФ). Согласно ст. 5 федерального закона «Об организации

предоставления государственных и муниципальных услуг» граждане имеют право на «получение государственных и муниципальных услуг в электронной форме, если это не запрещено законом, а также в иных формах, предусмотренных законодательством Российской Федерации, по выбору заявителя, за исключением случая, если на основании федерального закона предоставление государственной или муниципальной услуги осуществляется исключительно в электронной форме» [13]. Через интернет стало возможным направить электронное обращение на официальный сайт органа публичной власти, обратиться через федеральную государственную информационную систему «Единый портал государственных и муниципальных услуг». Причем появились новые виды обращений – электронные общественные инициативы, отзывы о качестве предоставления государственных и муниципальных услуг и др. В качестве цифровой формы реализации конституционной свободы труда (ст. 37 Конституции РФ) в последние годы получила широкое распространение такая форма трудовой деятельности, как дистанционная трудовая деятельность с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Еще одной наглядной иллюстрацией развития конституционного права личности выступает появление и активное использование новых цифровых форм реализации конституционного права на образование (ст. 43 Конституции РФ). В образовательных учреждениях формируется электронная информационно-образовательная среда, в рамках которой активно используются цифровые формы дистанционного обучения с применением информационно-телекоммуникационных технологий при проведении занятий и подготовке к ним. Обучающиеся имеют право пользоваться электронными образовательными и информационными ресурсами. В современный период получают широкое распространение новые цифровые формы реализации конституционных прав личности в области медицинской помощи (ст. 41 Конституции РФ), а также право на участие в культурной жизни и пользование учреждениями культуры, на доступ к культурным ценностям (ст. 44 Конституции РФ). К сожалению, специальные правовые нормы, регулирующие такие формы реализации прав личности, в достаточном виде в российском законодательстве пока отсутствуют.

К категории третьих проблем, возникающих при реализации конституционных прав и свобод личности с использованием цифровых форм, можно отнести проблемы совершенствования механизмов защиты прав личности в условиях цифровизации с учетом появления новых рисков и угроз нарушения прав личности в виртуальной среде, поскольку в цифровом мире, как и в реальном, должны соблюдаться основные конституционные права и свободы человека и гражданина. На подобный подход ориентирует Резолюция Совета ООН по правам человека от 16 июля 2012 г. «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете», в которой подтверждено, что те же самые права, которые человек имеет в офлайновой среде, должны также защищаться в онлайн-среде права» [14]. Как и во многих других странах, в России имеются проблемы, связанные с «нарушениями прав человека и противоправными действиями в отношении лиц, осуществляющих свои права человека и основные свободы в Интернете, и безнаказанностью лиц, виновных в совершении таких нарушений и противоправных действий» (там же). За последние годы в России в несколько десятков раз увеличилась доля мошенничества с использованием методов социальной инженерии в сети Интернет. По данным МВД России, с

начала 2025 г. более 424,9 тыс. преступлений – около 40 % от их общего числа – совершено с использованием информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), при этом почти половина таких преступлений – 48 % – тяжкие и особо тяжкие. Финансовые потери граждан огромны: ущерб от дистанционных хищений приблизился к 200 миллиардам рублей, тогда как потерпевшим возвращено лишь 8,8 миллиарда» [4, с. 9]. По оценкам специалистов, масштабы правонарушений в интернете будут расти. Для характеристики механизмов защиты прав личности в условиях цифровизации необходимо иметь в виду, что в российской практике отсутствуют примеры полного вытеснения традиционных способов реализации прав человека цифровым способом. Поэтому правомерно сделать вывод о возможности и необходимости использования механизмов защиты прав личности в условиях цифровизации таких же, как и при нарушении прав личности при использовании традиционных, реальных способов реализации прав человека. В то же время в современный период уровень технологического развития общества влияет на доступность и эффективность защиты прав личности. Конституция РФ в ст. ст. 45, 46 и 125 установила систему государственной защиты прав человека, которая также должна использоваться при применении информационных технологий и обороте цифровых данных. Важнейшими элементами системы государственной защиты прав человека являются создание информационных банков данных правоохранительных органов, возможность направления в эти органы процессуальных документов по электронной почте, право граждан получать информацию и извещения в электронной форме, право дистанционного участия в процессуальных мероприятиях и др. Государство постоянно усиливает защиту прав граждан. Так, распоряжением Правительства РФ № 4154-р от 30.12.2024 утверждена Концепция государственной системы противодействия киберпреступлениям [15]. Она закладывает основу для создания специализированной цифровой платформы по оперативному обмену информацией между правоохранительными органами, Банком России, кредитными организациями и операторами связи. Однако все эти меры носят «догоняющий» характер. Поэтому на практике граждане самостоятельно дополняют механизмы защиты своих прав на основе положений ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, установившей право личности защищать свои права всеми способами, не запрещенными законом. Одним из таких способов становится публичная огласка нарушений прав личности в сети Интернет или использование сетевых инструментов защиты нарушенных прав.

Второй правовой институт в Конституции РФ, испытывающий воздействие цифровизации, – это российское государство. Влияние цифровизации на российское государство осуществляется как трансформацией некоторых конституционных характеристик государства, так и введением новых цифровых форм осуществления функций государства.

Основные конституционные характеристики российского государства (правовое, демократическое, федеративное, суверенное государство с республиканской формой правления) остаются неизменными, поскольку такие принципиальные нормы-принципы обеспечивают стабильность и долговременную практику применения законодательства. Эти основные характеристики должны меняться крайне редко. Однако подобное отношение к основным характеристикам не исключает корректировку их содержания в новых, постоянно изменяющихся условиях.

Одной из проблем, возникающих для современных государств, стало определение границ распространения государственного суверенитета, в связи с тем, что интернет как сфера осуществления государственной власти является трансграничным и не признает государственных границ. С другой стороны, классическое представление о государственном суверенитете не знает киберпространства и не может определить своих границ в нем. Поэтому государственной власти не просто установить сферу распространения суверенитета в интернет-среде, не имеющей географической определенности. Ситуация осложняется тем, что находящиеся под воздействием суверенитета субъекты имеют не физические характеристики, а идентифицируемые электронные адреса, и могут находиться в любой точке мира, где есть интернет. Некоторые зарубежные страны, руководствуясь принципом мирового преследования, распространяют свой суверенитет на все киберпространство, когда уголовное право своей страны подлежит применению за преступления, совершенные с использованием интернета, на любой территории и любым лицом, если лицо уже не привлечено к ответственности. При подобном подходе цифровизация воспринимается как комплексная угроза, которая может нарушить государственный суверенитет. Решение этой проблемы не является простым и очевидным, поскольку тогда привлечение к ответственности становится возможным за деяния, совершенные через интернет где угодно и кем угодно, если этими действиями причинен ущерб государственным интересам России. Например, если кто-либо где-либо через Интернет призывает к действиям, направленным на отчуждение части территории Российской Федерации (запрещено ст. 67 Конституции РФ). Развитие цифровых технологий актуализировало проблему соотношения государственного суверенитета с новыми, потенциально опасными социальными явлениями, связанными с массовым присутствием граждан в цифровом пространстве, которое может иметь угрозу для безопасности. Такими явлениями могут быть массовые нарушения прав личности, когда в цифровом пространстве распространяется информация, противоречащая традиционным российским духовно-нравственным ценностям или наносящая ущерб безопасности государства, создается «эффект толпы» на общенациональном или региональном уровне, в противоправных целях используется передача информации и др.

Еще одна проблема, которая обозначилась в характеристиках российского государства в связи с цифровизацией, это обеспечение демократического характера российского государства при расширяющемся использовании электронных форм участия граждан в осуществлении публичной власти. С одной стороны, дистанционные формы участия граждан в этом приводят к обезличенности участия, сомнениям в результативности и, как следствие, обозначают проблему легитимности публичной власти. С другой стороны, попытки решения гражданами этой проблемы с использованием киберпространства приводят к вытеснению традиционных форм демократии облачными формами демократии, не имеющими нормативно-правового регулирования и не признаваемого государством, но пользующегося признанием части общества. Проблема также не имеет однозначного решения, хотя очевидно, что оно может быть найдено за счет конституционно-правового регулирования общественных инициатив, реализуемых в цифровых формах.

Особого внимания заслуживает одна из конституционных новаций 2020 г. Это дополнение предметов ведения Российской Федерации функциями в сфере информа-

ционных технологий, а также обеспечения безопасности личности, общества и государства при применении информационных и цифровых технологий (п. п. «и», «м» ст. 71 Конституции РФ). Цифровые технологии интегрируются в практику осуществления публичной власти, охватывая все более широкие сферы деятельности как самого государственного аппарата, так и сферу его взаимодействия с другими субъектами права. Цифровизация, первоначально начавшаяся в сфере осуществления публичной власти с усовершенствования профессиональной деятельности, постепенно привела к качественным изменениям во многих аспектах государственной деятельности. Во-первых, цифровизация способствует ускорению административных процессов. Во-вторых, она повышает качество реализации публично-властных функций и эффективность работы аппарата публичной власти. В основу этих процессов в России положена концепция государства-сервиса, где приоритетом является открытое и эффективное взаимодействие государственных структур с гражданами и бизнесом [16]. В связи с этим в качестве одной из национальных целей установлено «достижение к 2030 году «цифровой зрелости» государственного и муниципального управления, ключевых отраслей экономики и социальной сферы, в том числе здравоохранения и образования, предполагающей автоматизацию большей части транзакций в рамках единых отраслевых цифровых платформ и модели управления на основе данных с учетом ускоренного внедрения технологий обработки больших объемов данных, машинного обучения и искусственного интеллекта» [17]. Важный этап в этом направлении представляли собой усилия по переводу предоставления публичных услуг в электронный формат, что значительно улучшило доступность и удобство пользования государственными и муниципальными услугами [18]. К настоящему времени цифровизация деятельности российского государства включает пакет технологий и набор сопутствующих организационных мер, нормативно-правового обеспечения для организации цифрового взаимодействия между органами государственной власти различных ветвей, гражданами, организациями и другими субъектами права. В рамках такого взаимодействия обеспечивается эффективный способ предоставления информации о деятельности органов государственной власти, оказании государственных услуг гражданам, бизнесу, другим органам публичной власти и их чиновникам, при котором личное взаимодействие между органом власти и заявителем минимизировано и максимально используются возможности, предоставляемые информационными технологиями, мобильными технологиями и сетью Интернет. На развитие такого взаимодействия направлено постановление Правительства РФ от 24 октября 2011 г. № 861 «О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций)» [7]. Развитие цифровизации в деятельности российского государства позволило специалистам и исследователям поставить вопрос о необходимости законодательного закрепления функционирования цифрового государства. Так, при разработке проекта поправок к Конституции РФ в 2020 г. рабочая группа Н. Касперской создала целую главу для Конституции, нормы которой призваны обеспечивать защиту прав граждан в цифровом пространстве и суверенитет страны [1]. На такие масштабные изменения законодатель не пошел, но инициатива законодательного регулирования получила поддержку. В результате к 2023 г. начинается процесс реализации идеи создания Цифрового кодекса Российской Федерации, разработкой ко-

того занимается рабочая группа в Министерстве цифрового развития, связи и массовых коммуникаций РФ.

По итогам проведенного анализа можно сделать следующие выводы.

1. Современные процессы цифровизации общественных отношений неизбежно трансформируют как частную жизнь людей, так и публичный сектор, где осуществляется государственная и муниципальная деятельность.

2. Цифровизация оказывает влияние на конституционное право, предопределяя как изменение и дополнение Конституции РФ, появление конституционно-правовых норм в иных источниках конституционного права, так и процесс перевода информации с аналоговой формы в цифровую форму при реализации норм конституционного права.

3. Цифровизация процесса реализации норм конституционного права носит дополняющий, иногда развивающий характер и не исключает классического механизма реализации норм права, хотя и порождает в силу новизны и отсутствия урегулированности отношений в достаточной степени негативные проявления, опасности и риски.

Библиографический список

1. Газета.RU. 30 июня 2020 г.
2. Зорькин В. Д. Providentia или о праве будущего в эпоху цифровизации // Государство и право. 2020. № 6. С. 7–19.
3. Киричёр Е. В. Цифровизация в конституционно-правовом измерении // Вестник Восточно-Сибирского института МВД России. 2020. № 4 (95). С. 29–41.
4. Российская газета. № 248 (9787) 30 окт. 2025 г.
5. Федотов М. А. Конституционные ответы на вызовы киберпространства // LEX RUSSIA. Исследование российской государственности. 2016. № 3 (112). С. 164–185.
6. Шахрай С. М. Цифровая конституция. Основные права и свободы личности в тотально информационном обществе // Вестник Российской академии наук. 2018. Т. 88, № 12. С. 1075–1082.
7. О федеральных государственных информационных системах, обеспечивающих предоставление в электронной форме государственных и муниципальных услуг (осуществление функций) : постановление Правительства РФ от 24 октября 2011 г. № 861 // Информационно-правовой портал «Гарант.ру». URL: base.garant.ru (дата обращения 22.11.2025).
8. Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы : утв. указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203 // <https://kremlin.ru> (дата обращения: 22.11.2025).
9. Об информации, информационных технологиях и о защите информации : федер. закон от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ (ред. от 08.06.2020) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448; 2020. № 24. Ст. 3751.
10. Об обеспечении доступа к информации о деятельности государственных органов и органов местного самоуправления : федер. закон от 9 февр. 2009 г. № 8-ФЗ (ред. от 28.12.2017) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2009. № 7. Ст. 776; 2018. № 1 (ч. 1). Ст. 7.
11. Программа «Цифровая экономика Российской Федерации : утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2017. № 32. Ст. 5138.
12. Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации : федер. закон от 12.06.2002 № 67-ФЗ (ред. от 23.05.2025). Ст. 64.1 // Сайт «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/ (дата обращения 22.11.2025).

13. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг : федер. закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ. URL: <https://kremlin.ru> (дата обращения: 22.11.2025).

14. Резолюция Совета по правам человека 20/8 «Поощрение, защита и осуществление прав человека в Интернете». URL: documents.un.org/doc/undoc/ltd/g16/131/91 (дата обращения: 22.11.2025).

15. План мероприятий по реализации Концепции государственной системы противодействия противоправным деяниям, совершаемым с использованием информационно-коммуникационных технологий : утв. распоряжением Правительства РФ от 14 августа 2025 г. № 2207-р. URL: <https://government.ru/docs/55975> (дата обращения: 22.11.2025).

16. Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 9 мая 2017 г. № 203. URL: <https://kremlin.ru> (дата обращения: 22.11.2025).

17. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024. № 309. URL: <https://kremlin.ru> (дата обращения: 22.11.2025).

18. Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг : федер. закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ. URL: <https://kremlin.ru> (дата обращения: 22.11.2025).

ТРАНСФОРМАЦИЯ СУДЕБНОЙ СИСТЕМЫ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ: ОНЛАЙН-СУДОПРОИЗВОДСТВО

О. Д. Созинова

Студентка, Западно-Уральский институт экономики и права,
Пермь, Россия, sozinova143@mail.ru

Научный руководитель: Е. Н. Федосеева, ст. преподаватель,
Западно-Уральский институт экономики и права, Пермь, Россия

Аннотация. В статье рассматриваются современные тенденции трансформации судебной системы в условиях цифровизации, особое внимание уделяется развитию онлайн-судопроизводства. Анализируются ключевые аспекты внедрения цифровых технологий в судебную деятельность, такие как автоматизация процессов, использование электронных документов и видеоконференцсвязи, а также их влияние на эффективность, прозрачность и доступность правосудия. В работе также рассматриваются проблемы и риски, связанные с переходом к онлайн-судопроизводству, вопросы обеспечения безопасности данных и соблюдения прав участников процесса. Подчеркивается необходимость формирования нормативно-правовой базы и механизмов контроля для успешной интеграции цифровых решений в судебную систему, а также определяются перспективы развития и потенциальные направления дальнейших исследований в области цифрового правосудия и необходимость баланса между технологическими прогрессом и сохранением гуманистических принципов права.

Ключевые слова: трансформация, цифровизация, судопроизводство, видеоконференцсвязь, автоматизация

TRANSFORMATION OF THE JUDICIAL SYSTEM IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION: ONLINE LEGAL PROCEEDINGS

O. D. Sozinova

West Ural Institute of Economics and Law, Perm, Russia, sozinova143@mail.ru

Scientific supervisor: E. N. Fedoseeva, Senior Lecturer,
West Ural Institute of Economics and Law, Perm, Russia

Abstract. The article examines the current trends in the transformation of the judicial system in the context of digitalization, with a focus on the development of online legal proceedings. It analyzes the key aspects of the introduction of digital technologies into judicial activities, such as the automation of processes, the use of electronic documents and video conferencing, and their impact on the efficiency, transparency, and accessibility of justice. The article also addresses the challenges and risks associated with the transition to online legal proceedings, as well as the issues of data security and the rights of participants in the process. The article emphasizes the need to establish a regulatory framework and control mechanisms for the successful

integration of digital solutions into the judicial system, and identifies the prospects for development and potential areas for further research in the field of digital justice. The article also highlights the importance of striking a balance between technological advancements and the preservation of humanistic principles in the legal system.

Keywords: transformation, digitalization, legal proceedings, video conferencing, and automation

Судебная система – это совокупность всех судов государства, где каждое из звеньев представляет собой совокупность судов одинаковой компетенции и устанавливается Конституцией РФ и федеральным конституционным законом [6].

Основные принципы судебной системы получили свое закрепление и развитие в Конституции Российской Федерации 1993 г. [1] и федеральном конституционном законе от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 23.07.2025) «О судебной системе Российской Федерации» [2].

Перечислим основные принципы, которые действуют на сегодняшний день:

1) судебная защита прав и свобод человека – ст. 46 Конституции РФ;
2) равенство всех перед судом и законом – ст. 7 федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 23.07.2025) «О судебной системе Российской Федерации».

3) самостоятельность судов и независимость судей – ст. 5 федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 23.07.2025) «О судебной системе Российской Федерации».

4) равноправие и состязательность сторон – ст. 35 федерального конституционного закона от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 23.07.2025) «О судебной системе Российской Федерации».

Исходя из вышесказанного, стоит отметить, что судебная система РФ строится на фундаментальных демократических и правовых принципах, закрепленных в качестве неизменных основ государственной власти.

Отметим, что в Российской Федерации принимаются значимые шаги касательно цифровизации правовой системы. В данном контексте под цифровизацией понимается переход на цифровой способ связи, записи и передачи данных с помощью цифровых устройств [7].

Периодизацию цифровой правовой системы можно представить в два этапа:

1) первый этап предполагает использование онлайн-сервисов и внедрение системы электронного документооборота;

2) второй этап включает внедрение блокчейна и других цифровых технологий, что приводит к качественной трансформации.

В качестве примера рассмотрим один из ключевых проектов – «Цифровое правосудие», основной целью которого является создание единого информационно-правового пространства практически для всех судебных органов.

В 2024 г. был запущен проект «Правосудие-онлайн», который позволяет пользователям определять подсудность дел, рассчитывать и оплачивать госпошлину, а также получать готовые судебные решения в электронном виде. Разработка данного проекта должна была завершиться к 31 декабря 2024 г., однако в ответе Судебного департамента не указаны конкретные даты начала промышленной эксплуатации

сервиса по всей стране. Это означает, что запуск будет поэтапным и во многом зависит от регионов [8].

Проанализируем ключевые аспекты внедрения цифровых технологий в судебную деятельность, такие как автоматизация процессов, использование электронных документов и видеоконференцсвязи, а также их влияние на эффективность, прозрачность и доступность правосудия.

Автоматизация процессов подразумевает под собой внедрение информационных технологий для оптимизации различных аспектов работы судебной системы. Это может быть регистрация дел или вынесение судебных решений.

Порядок использования электронных документов в ходе судебного производства прописан в ст. 474.1. Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации [3], а также установлен перечень документов, которые принимаются в электронном виде.

Одним из приоритетных направлений концепции развития информационно-коммуникационных технологий судебной системы являлось обеспечение деятельности Верховного Суда Российской Федерации и судов общей юрисдикции системами видеоконференцсвязи (ВКС) (распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2012 г. №1735-р «Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы»») [4].

Верховный Суд России 25 лет назад впервые в мире стал применять видеоконференцсвязь (ВКС) для дистанционного участия в судебных заседаниях.

Самое первое судебное заседание с использованием видеоконференцсвязи (ВКС) прошло 18 ноября 1999 г. при рассмотрении кассационной жалобы осужденного в Челябинском областном суде.

Первые слушания в удаленном режиме посредством ВКС состоялись в Верховном Суде РФ по трем уголовным делам 19 апреля 2000 г. Непрерывный сеанс связи был установлен с СИЗО-77/3 Главного управления исполнения наказаний г. Москвы и продолжался около трех часов. «...Никаких срывов связи, заметных коллизий в изображении и качестве звука отмечено не было. С этого времени в Российской Федерации началось формирование видеоконференцсвязи федерального уровня для проведения дистанционных судебных заседаний», – рассказал представитель аппарата Верховного Суда [8]. Он напомнил, что до этого во всем мире видеоконференция в судопроизводстве применялась только в судебно-пенитенциарной системе в основном для заслушивания свидетельских показаний и общения осужденных с адвокатами и родственниками. Именно в России ВКС была впервые применена непосредственно в ходе судебных заседаний.

Именно с того времени в России проведен большой объем работы по оснащению судов федерального уровня системами ВКС для проведения судебных заседаний в режиме видеоконференции.

В настоящее время ВС РФ может работать с любым из федеральных судов. С 2018 г. к системе ВКС стали также подключаться судебные участки мировых судей.

На примере ВС РФ можно наблюдать весь спектр эффективного применения систем ВКС: так, существующая в ВС РФ возможность подключения многоточечной связи одновременно позволяет провести видеоконференции более чем с 250 абонентами с онлайн-трансляцией на тысячи абонентов.

С помощью ВКС проводятся совещания с президентом РФ, членами Правительства РФ, с главами министерств и ведомств, совещания внутри судебной системы, а также мероприятия по вопросам международного взаимодействия.

В большинстве регионов уже внедрены электронные сервисы, предназначенные для подачи исков и обращений, что ускоряет процессы взаимодействия между гражданами и судебными органами.

В 2024 г. количество обращений через ГАС «Правосудие» превысило 5 млрд. Сервис предназначен для подачи электронных обращений в суды общей юрисдикции. Среди возможных категорий дел – обжалование бездействий местных чиновников, защита прав потребителей, обжалование штрафов за нарушение ПДД, зафиксированное камерой, а также уголовное судопроизводство [5].

Эти изменения служат шагом к созданию более прозрачной и оперативной правовой системы, где автоматизация позволяет снизить нагрузку на суды и минимизировать человеческий фактор при работе с документами.

Стоит отметить преимущества онлайн-судопроизводства:

1. Повышение доступности правосудия – возможность участвовать в судебных процессах удаленно.

2. Ускорение рассмотрения дел.

3. Удобство для участников процесса.

Однако онлайн-судопроизводство сопряжено с некоторыми рисками:

1. Безопасность данных. Вероятен риск утечки и взлома доступа к конфиденциальной информации участников процесса.

2. Технические сбои. Как и в любых программах и информационных системах, могут происходить неполадки: к примеру, плохое качество связи, сбои в работе программного обеспечения.

3. Этические вопросы. Проблемы взаимодействия и коммуникации в виртуальной среде.

Несмотря на имеющиеся недостатки, онлайн-судопроизводство представляется перспективным направлением, в рамках которого предполагается:

1) создание единой платформы для разных видов судопроизводства;

2) внедрение более современных технологий;

3) развитие мобильных приложений для удобства участников;

4) обучение судей и участников для более эффективной работы.

Подводя итог вышесказанному, сделаем вывод о том, что цифровизация судебной системы, внедрение и развитие онлайн-судопроизводства открывают новые возможности для повышения эффективности, доступности и прозрачности правосудия. Использование современных технологий способствует сокращению времени рассмотрения дел.

Библиографический список

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Сайт «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/ (дата обращения: 14.12.2025).

2. «О судебной системе Российской Федерации : федер. конституц. закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ (ред. от 23.07.2025) // Сайт «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_12834/ (дата обращения: 14.12.2025).
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2025). Ст. 474.1. // Сайт «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/ef9354ffd3244cfc7ad8dab6b2a7bc2032740f39/ (дата обращения: 01.02.2025).
4. Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие судебной системы России на 2013–2020 годы» : распоряжение Правительства РФ от 20 сентября 2012 г. № 1735-р. // Гарант.ру : информ.-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70130940/> (дата обращения: 30.11.2025).
5. Гарант.ру : информ.-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru/news/1361912/> (дата обращения: 30.11.2025 г.).
6. Юридический словарь. URL: https://www.klerk.ru/tool/slovar/law/51330/?srsltid=AfmBOoqsuLGwFTAbPCh_9Ap3Qub7JbR0Dz__ErLH9GF1PYeFwqfJrGZS (дата обращения: 02.12.2025).
7. Словарь. URL: <https://kartaslov.ru/значение-слова/цифровизация> (дата обращения: 02.12.2025).
8. Центр поддержки цивилизованного рынка взыскания. URL: <https://rvzrus.ru/blog/3027> (дата обращения: 03.12.2025).

ЦИФРОВОЙ РУБЛЬ: ПРАВОВЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

М. А. Тишонкова

Студентка, Пермский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации,
Пермь, Россия, tishonkovarita@gmail.com

Научный руководитель: Л. Г. Петрунькина, преподаватель бухучёта,
Пермский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации, Пермь, Россия

Аннотация. Экономика не стоит на месте и постоянно развивается, одним из направлений ее развития является цифровизация всех экономических процессов, происходящих в обществе. Внедрение цифрового рубля, разработанного Центральным банком Российской Федерации, предполагает создание новой формы денежных средств, которая способна оказать существенное влияние на финансово-экономические отношения в стране. Цель работы: изучить особенности внедрения и влияния цифровых денег на российскую финансовую систему, выявляя при этом преимущества, недостатки и прогнозы по реализации данного финансового инструмента. Проанализированы система контроля государства над сбережениями, ставки кредитования над цифровыми деньгами, проведено их сравнение с криптовалютой. Затрагиваются нормативно-правовые акты, экономическое влияние на общество, государство, возможные пути реализации структуры цифровой валюты. Установлена высокая потенциальная эффективность цифрового рубля для оптимизации расчетов и снижения транзакционных издержек, определен положительный экономический эффект от внедрения цифрового рубля для бизнеса и государства.

Ключевые слова: цифровая валюта, цифровой рубль, централизация, криптовалюта, транзакция, информированность

DIGITAL RUBLE: LEGAL AND ECONOMIC ASPECTS

M. A. Tishonkova

Student, Perm Branch of the Financial University under the Government
of the Russian Federation, Perm, Russia, tishonkovarita@gmail.com

Scientific supervisor: accounting teacher L.G. Petrunkina
Perm Branch of the Financial University under the Government
of the Russian Federation, Perm, Russia

Abstract. The economy is constantly evolving, and one of the areas of its development is the digitalization of all economic processes in society. The introduction of the digital ruble, developed by the Central Bank of the Russian Federation, involves the creation of a new form of currency that has the potential to significantly impact the country's financial and economic relations. The purpose of this research is to explore the implementation and impact of digital money in the Russian financial system, identifying its advantages, disadvantages, and potential future developments. Based on the work, the state's control over savings, a comparison of similarities with cryptocurrency, and lending rates over digital money were examined. Regulatory acts, the economic impact on society, the state, and possible ways of implementing the structure of digital currency

were addressed. The high potential effectiveness of the digital ruble for optimizing settlements and reducing transactions was established.

Keywords: digital currency, digital ruble, centralization, cryptocurrency, transaction, awareness

Сегодня в России есть две формы национальной валюты – наличная и безналичная. Цифровой рубль же представляет собой третью форму национальной валюты в виде цифрового кода, который внедряется Центральным банком Российской Федерации.

Использование цифрового рубля регламентируется целым рядом нормативных актов, основным среди которых является Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». Этот нормативно-правовой акт закрепляет основные термины и принципы оборота цифровых финансовых активов и регламентирует юридические аспекты их оборота в России. Кроме того, в нем сформулированы требования к эмиссии и использованию цифрового рубля – официальной цифровой валюты Российской Федерации.

Согласно данным ЦБ РФ, объем транзакций с использованием цифрового рубля в России на март 2024 г. составлял приблизительно 24 тыс., в то время как банковских карт – 7,2 млрд. Это свидетельствует о постепенном внедрении данного финансового инструмента. Нельзя не учитывать и консервативность общества: длительный период внедрения электронных денег и расчетов пластиковыми картами показал большую инертность основной массы населения в отношении использования новой формы денег. Несмотря на существенное повышение уровня знаний в сфере информационных технологий у граждан страны, непонимание особенностей эмиссии и обращения цифровых денег, недоверие к надежности формы их хранения и недостаточная информированность в отношении самой процедуры их использования существенно тормозят внедрение цифрового рубля как средства обращения на рынке товаров потребления [1, с. 70].

23 июля 2025 г. президент России Владимир Путин подписал закон о массовом внедрении цифрового рубля с 1 сентября 2026 г. Внедрение новой формы валюты будет происходить поэтапно. С 1 сентября 2026 г. подключаться к платформе цифрового рубля начнут самые крупные банки и продавцы. Они будут использовать универсальный платежный QR-код, посредством которого можно будет переводить в том числе цифровые рубли. Получить код можно будет бесплатно – его будет предоставлять Национальная система платежных карт. С осени 2026 г. системно значимые банки и крупнейшие торговые точки (с выручкой более 120 млн руб. за предыдущий год) будут обязаны проводить операции с цифровыми рублями. С 1 сентября 2027 г. эта норма распространится на банки с универсальной лицензией и продавцов с выручкой свыше 30 млн руб. в год, а с 1 сентября 2028 г. – на все остальные кредитные организации и торговые точки с меньшей выручкой [2].

Преимущества и потенциал. Одно из главных преимуществ цифровой валюты – цифрового рубля – заключается в его способности функционировать автономно, без использования интернета. Однако реализация этой возможности представляет собой некоторые трудности, связанные с созданием необходимой инфраструктуры. Введение цифрового рубля в доктрине исходит из стремления публичной власти усилить государственный контроль над функционированием национальной платежной си-

стемы, а также ограничить распространение денежных суррогатов и криптовалют. Цифровой рубль, являющийся исключительным обязательством ЦБ, является идеальным инструментом для решения данной задачи.

В современной России цифровой рубль может найти свое перспективное применение в выделении бюджетных средств для реализации различных проектов. Он открывает новые возможности и облегчает процесс контроля за исполнением бюджетных программ, повышая прозрачность и эффективность государственного финансирования. Главным фактором, способствующим этому, является прозрачность и возможность отслеживания транзакций с помощью цифрового рубля [4, с 102].

Основные преимущества использования цифрового рубля для физических лиц включают отсутствие комиссий за переводы и транзакции, связанные с унифицированной платформой ЦБ РФ. Транзакции могут проводиться даже без доступа к интернету, благодаря высокой стабильности и безопасности, обеспечиваемой хранением всех цифровых рублей на платформе Центробанка. Для юридических лиц и государства важно использование смарт-контрактов для автоматизации сделок и прозрачности операций, а также борьба с незаконным оборотом денег посредством прозрачности информации о транзакциях.

Также новая форма денег не подвержена инфляции, формально эмитентом данной валюты может быть любой гражданин, валюта защищена от фальсификации самой технологией ее эмиссии и обращения (в отличие от наличных денег) [3, с 843].

Цифровой рубль, по аналогии с криптовалютой, может быть построен с использованием технологии блокчейн. Благодаря децентрализации и криптографическому шифрованию блокчейн обеспечит высокий уровень безопасности и прозрачности для транзакций. Упомянутые в работе нормативно-правовые акты, доклад ЦБ РФ и концепция Правительства РФ являются основой, но не полноценной системой, как такого ФЗ «О цифровом рубле» пока нет, однако можно предположить, что соответствующий закон будет принят в ближайшем будущем [5].

Риски цифровых денег. Исследование Moscow Digital School также выявило правовые риски, которые могут возникнуть при использовании цифрового рубля в международных транзакциях. Большинство юристов (81,4 %) указали на ограничения со стороны других стран, 50,8 % – несоответствие международным стандартам. Также был отмечен риск потери контроля над движением денежных средств (44,1 %). Кроме того, ряд респондентов обратили внимание на такой риск, как отсутствие встречного интереса со стороны контрагентов – других стран, например, таких как Дания, Египет, Эквадор. В случае Эквадора страна запустила проект еще в 2014 г., но свернула его из-за низкой востребованности со стороны населения.

Таким образом, по словам заместителя министра финансов России Алексея Моисеева, цифровой рубль будет играть важную роль в международной торговле, поскольку его использование может сократить издержки и риски внешнеторговых операций. При этом использование цифровых валют будет возможно только в случае их стандартизации, работа над которой сейчас пока находится на начальном этапе. По мнению юристов, наиболее эффективно цифровой рубль может сочетаться с цифровыми финансовыми активами (74,6 %), криптовалютами (37,3 %), утилитарными цифровыми правами (25,4 %) и NFT (23,7 %). При этом юристы подчеркнули, что такие сочетания могут быть подвергнуты регулированию и контролю со стороны государства [6].

Из-за конкуренции с банками может происходить отток ликвидности с расчетных счетов. Если крупный бизнес или физлица начнут хранить значимые суммы в кошельках ЦБ, банки потеряют дешевую базу фондирования. Это может снизить их кредитоспособность и поднять ставки по кредитам.

Ожидается централизованный контроль, при котором все операции записываются в платформе Банка России. В будущем это может использоваться для заморозки транзакций, налоговых проверок, блокировок. Платежная инфраструктура станет менее нейтральной.

Большинство россиян уже привыкли к СБП и картам, а переход к цифровому рублю потребует дополнительных усилий. Если не будет значимых стимулов, таких как кэшбек, уровень введения цифрового рубля будет низким.

ЦБ уже озвучил меры по снижению системных рисков: лимиты на объемы хранения, запрет на начисление процентов, постепенное внедрение. Но эти меры могут носить временный характер.

Способы регулирования цифровой валюты. Можно утверждать, что внедрение цифрового рубля в финансовую систему РФ является довольно рискованным шагом на пути к модернизации финансовой системы страны. В правовом же аспекте основные проблемы заключаются в потенциальном нарушении конституционных прав граждан, а именно права на неприкосновенность частной жизни, в которую входят сведения о финансах гражданина. В свою очередь с. 26 федерального закона № 395-1 «О банках и банковской деятельности» закрепляет следующее: «Кредитная организация, Банк России, организация, осуществляющая функции по обязательному страхованию вкладов, гарантируют тайну об операциях, о счетах и вкладах своих клиентов и корреспондентов. Все служащие кредитной организации обязаны хранить тайну об операциях, о счетах и вкладах ее клиентов и корреспондентов, а также об иных сведениях, устанавливаемых кредитной организацией, если это не противоречит федеральному закону».

Как видится, увеличение монополизма ЦБ в области эмиссии и оборота цифровой валюты напрямую может повлечь за собой нарушение данного права. Основных путей решения существующих проблем, при условии, что цифровой рубль так или иначе будет введен, несколько.

Первый вариант предполагает заимствование опыта союзных держав, а именно Китая, где цифровая валюта (цифровой юань) повсеместно используется гражданами и государственными структурами. По этому поводу некоторые авторы пишут: «Наиболее успешным в выпуске CBDC (Цифровая валюта центрального банка) оказался Китай». Поскольку в существующей геополитической обстановке Китай выступает центральным союзником, резонно предполагать, что Россия может перенять некоторые механизмы регулирования цифровой валюты, как правовые, так и экономические. Помимо этого, уместно предположить, что в будущем Россия и Китай могут выстроить совместную цифровую валюту или систему оборота валюты.

Второй вариант предполагает подход, который своевременно ограничивал бы ЦБ РФ в ходе распространении цифрового рубля, во избежание ликвидации конкуренции между коммерческими банками и потенциальной потери их ликвидности. Речь идет о мониторинге рынка и финансовой сферы России с последующим своевременным изданием и принятием «точечных» нормативных актов, которые предотвращали бы чрезмерное усиление позиций ЦБ РФ в финансовой сфере страны.

Третий же вариант выступает в качестве амбициозного шага, способствующего укреплению доминирующей позиции государства на внутреннем финансовом и экономическом рынке, то есть предоставление ЦБ РФ «исключительных» полномочий в области оборота цифровой валюты (НПА, предоставляющие ЦБ возможность диктовать свои условия, для коммерческих банков). Подобный метод решения проблем, специфичен и оспорим, но может использоваться для укрепления цифрового рубля, как новой формы цифровой валюты на территории РФ несмотря на то, что косвенно он нарушает права граждан [7, с. 27].

Для лучшего понимания выделим произошедшие события и прогнозы по цифровому рублю (события цифрового рубля) – таблица [8].

Стадии внедрения цифрового рубля

Дата/период	Что происходит с цифровым рублем
Дек. 2021 г.	Создан прототип платформы цифрового рубля
2022 г.	Тестирование прототипа платформы цифрового рубля, разработка дорожной карты по внедрению цифрового рубля, разработка законодательства для внедрения цифрового рубля
15 авг. 2023 г.	Старт пилота с реальными деньгами: 13 банков, 600 клиентов, 30 компаний
Сент. 2024 г.	Расширение пилота: до 9000 физлиц и 1200 юрлиц
1 окт. 2025 г.	Начало ограниченного использования в бюджетной сфере (как минимум социальные выплаты и капрестроительство)
1 янв. 2026 г.	Полное применение в рамках исполнения федерального бюджета
1 сент. 2026 г.	Обязательные операции для крупнейших банков и компаний с выручкой более 120 млн руб. за прошедший год
1 сент. 2027 г.	Подключение остальных банков и бизнеса с выручкой более 30 млн рублей
1 сент. 2028 г.	Завершение подключения: цифровой рубль распространится на прочие банки и продавцов (кроме торговых точек, где нет интернета, а также с выручкой до 5 млн руб.

Исходя из вышеизложенного, можно отметить, что финансовый инструмент более всего полезен для реализации задач государственного управления экономикой: как средство антиинфляционного регулирования, налоговой и бюджетной политики, управления денежно-кредитной системой, внешнеэкономическими торговыми операциями, а также как средство борьбы с теневой экономикой.

Инновации могут принести значительные выгоды, но только при условии, что они будут действовать в рамках устойчивой правовой системы, способствующей справедливости и защите прав личности.

Библиографический список

1. Беззатеева В. С. Социально-экономические и правовые аспекты использования цифрового рубля в Северо-Западном федеральном округе Российской Федерации. 2025. С. 69–72
2. НПФ ВТБ. URL: <https://www.vtbnpf.ru/press/articles/pensii-v-cifrovyyh-rublyah-pravdamify/> (дата обращения: 12.12.2025).
3. Абрамова М. В., Хрулёвава О. Д. Внедрение цифрового рубля: социально-экономический и правовой аспекты. 2025. С. 837–845.
4. Михайлинский Г. О. Цифровой рубль в РФ: проблемы и перспективы внедрения. 2023. С. 99–103.

5. Иванов В. В. Перспективы Развития цифрового рубля в Российской Федерации. 2024. С. 84–89.
6. Радио РБК. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/655228a89a79472e3926eb3d> (дата обращения: 15.12.2025)
7. Бруева А. Е., Лиханов М. С. Перспективы правового регулирования криптовалюты в россии: проблемы реализации. 2025. С. 24–28.
8. Банки.ру. URL: <https://www.banki.ru/news/daytheme/?id=11016299> (дата обращения: 15.12.2025).

КОНФИДЕНЦИАЛЬНОСТЬ И ПЕРСОНАЛЬНЫЕ ДАННЫЕ: ВЛИЯНИЕ УГРОЗ ЦИФРОВОЙ СРЕДЫ НА ЧУВСТВО БЕЗОПАСНОСТИ ЧЕЛОВЕКА

М. С. Усольцев

Студент, Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Пермь, Россия, usolmisha@mail.ru

Научный руководитель: Э. Р. Кузнецова, д-р экон. наук, профессор,
Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Пермь, Россия

Аннотация. Статья посвящена изучению влияния современных цифровых угроз на субъективное чувство безопасности личности. На основе анализа актуальных рисков (масштабные утечки данных, скрытое отслеживание, алгоритмическое профилирование, социальная инженерия и коммерциализация персональной информации) выявляются механизмы разрушения контроля человека над собственной цифровой идентичностью. Особое внимание уделено психологическим последствиям утраты конфиденциальности: росту тревожности и цифрового стресса, формированию параноидальных установок, феномену цифрового выгорания и снижению общего уровня доверия к институтам и технологиям. Рассматриваются социально-психологические эффекты, включая сокращение цифровой вовлеченности населения и усиление общественной напряженности. Предлагается система мер противодействия: развитие цифровой и психологической грамотности, усиление ответственности операторов данных, а также создание механизмов психологической поддержки пользователей в условиях постоянной угрозы приватности.

Ключевые слова: конфиденциальность, персональные данные, цифровая безопасность, цифровая среда, угрозы, цифровая идентичность, утечки данных

ECONOMIC CONSEQUENCES OF THE VOLATILITY OF MONETARY POLICY INSTRUMENTS

M. S. Usoltsev

Student, Perm Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Perm, Russia, usolmisha@mail.ru

Scientific supervisor: E. R. Kuznetsova, Doctor of Economics, Professor,
Perm Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Perm, Russia

Abstract. This article examines the impact of modern digital threats on individuals' subjective sense of security. Based on an analysis of current risks (large-scale data leaks, covert tracking, algorithmic profiling, social engineering, and the commercialization of personal information), the mechanisms by which individuals' control over their digital identity is eroded are identified. Particular attention is paid to the psychological consequences of the loss of privacy: increased anxiety and digital stress, the development of paranoid attitudes, the phenomenon of digital burnout, and a

decline in overall trust in institutions and technologies. Socio-psychological effects are considered, including a decline in digital engagement and increased social tension. A system of countermeasures is proposed: the development of digital and psychological literacy, increased accountability for data operators, and the creation of mechanisms for psychological support for users in the face of constant threats to privacy.

Keywords: privacy, personal data, digital security, digital environment, threats, digital identity, data leaks

Цифровая трансформация общества привела к стремительному росту объемов собираемых, обрабатываемых и передаваемых персональных данных, что существенно изменило характер взаимодействия человека с информационно-коммуникационной средой. Современные цифровые платформы, государственные информационные системы, социальные сети и корпоративные сервисы формируют глобальную инфраструктуру, в которой личная информация становится одним из ключевых ресурсов

Персональные данные выступают важнейшим элементом цифровой идентичности человека. Потеря контроля над ними, в том числе вследствие утечек, неправомерного доступа, слежки или автоматизированного профилирования, оказывает прямое влияние на чувство безопасности индивида, его психологическое состояние и социальное поведение. Усиление цифровых угроз, связанных с использованием технологий больших данных, алгоритмов машинного обучения и развивающихся методов кибератак, формирует новые риски, требующие комплексного анализа.

Актуальность исследования обусловлена быстрым ростом числа киберинцидентов, повышением сложности методов обработки данных и расширением коммерческого и государственного интереса к сбору информации о пользователях. В условиях напряженной геополитической и информационной обстановки уязвимость цифровой среды становится фактором, способным оказывать влияние на уровень доверия граждан к государственным структурам, организациям и технологическим сервисам. Снижение приватности может вызывать тревожность, формировать цифровую настороженность и ограничивать участие личности в цифровой экономике.

Целью данной статьи является анализ влияния угроз цифровой среды, связанных с обработкой и защитой персональных данных, на субъективное чувство безопасности человека. В рамках исследования рассматриваются основные типы угроз, их психологические и социальные последствия, а также оцениваются современные подходы к минимизации рисков, возникающих в условиях цифровой трансформации.

Теоретические основы конфиденциальности и защиты персональных данных. Конфиденциальность в цифровой среде представляет собой совокупность правовых, технических и социально-психологических механизмов, обеспечивающих контроль индивида над распространением, обработкой и использованием его персональных данных. В условиях ускоряющейся цифровизации данные становятся стратегическим активом, а управление ими – ключевым фактором безопасности личности, определяющим уровень доверия человека к цифровым технологиям и организациям, осуществляющим обработку информации.

Персональные данные, согласно действующим нормативным актам, включают сведения, прямо или косвенно относящиеся к конкретному физическому лицу. Однако в современной информационной среде формируются и новые категории ин-

формации – поведенческие данные, контекстуальные метаданные, биометрические параметры, данные об активности в сети. Совокупность этих сведений формирует цифровой профиль пользователя, позволяя компаниям и государственным структурам анализировать особенности поведения, прогнозировать действия и принимать автоматизированные решения.

Развитие технологий больших данных, алгоритмов машинного обучения и систем искусственного интеллекта привело к тому, что объемы собираемой информации стремительно растут. Многие цифровые платформы внедряют практики скрытого сбора данных: отслеживают геолокацию, историю просмотров, контакты, взаимодействие с контентом, а также технические параметры устройств. Пользователь, как правило, осознает лишь небольшую часть таких процессов, что снижает прозрачность цифровой среды и усиливает субъективное чувство уязвимости [1].

Проблема конфиденциальности усложняется тем, что современные информационные системы становятся взаимосвязанными: данные, собранные одним сервисом, могут передаваться партнерам, аналитическим платформам и рекламным сетям. В результате информация о человеке формируется не в одном источнике, а в распределенных экосистемах, где контроль над ее обработкой практически отсутствует. Это повышает риск утечек, несанкционированного доступа и последующего неправомерного использования данных.

Основные угрозы цифровой среды. Развитие цифровых технологий привело не только к расширению возможностей обработки и передачи данных, но и к росту количества угроз, ориентированных на получение, искажение или неправомерное использование персональной информации. Усложнение информационных систем, увеличение числа цифровых платформ и усиление зависимости общества от онлайн-сервисов создают условия, при которых риски нарушения конфиденциальности становятся практически неизбежными. Данные угрозы могут затрагивать технические, организационные и психологические аспекты безопасности личности, формируя новые вызовы для защиты прав пользователей в информационном пространстве [2].

Современные цифровые угрозы отличаются высокой динамичностью: методы злоумышленников постоянно совершенствуются, а организации не всегда успевают обновлять механизмы защиты. Кроме того, масштабный сбор данных различными сервисами часто происходит непрозрачно для пользователя, что усиливает ощущение неопределенности и снижает субъективное чувство безопасности. В результате конфиденциальность перестает быть лишь техническим параметром – она становится важнейшим компонентом цифрового благополучия человека. Наиболее распространенные и значимые угрозы рассмотрены в таблице.

Представленные в таблице данные демонстрируют, что угрозы цифровой среды носят комплексный характер и затрагивают как технические аспекты безопасности, так и психологическое состояние пользователя. Наиболее опасными являются те угрозы, которые приводят к утрате контроля над персональными данными и цифровой идентичностью, поскольку они способны вызвать долгосрочные последствия – от финансовых потерь до устойчивого чувства тревожности и снижения доверия к цифровым технологиям. Классификация угроз позволяет структурировать основные риски и определить направления разработки эффективных мер защиты персональной информации.

Классификация основных угроз цифровой среды

Категория угрозы	Содержание угрозы	Последствия для личности
Утечки персональных данных	Взломы баз данных, ошибки защиты, компрометация сервисов	Потеря цифровой идентичности, мошенничество
Цифровое отслеживание	Сбор данных о поведении через cookies, приложения, сети	Нарушение приватности, ощущение слежки
Автоматизированное профилирование	Алгоритмический анализ поведения, прогнозирование действий	Манипуляции, дискриминация, снижение автономии
Социальная инженерия	Фишинг, поддельные сайты, психологические манипуляции	Хищение данных, доступ к аккаунтам
Коммерциализация данных	Передача информации рекламным сетям и партнёрам	Потеря контроля над использованием данных
Угрозы биометрическим данным	Компрометация отпечатков, лица, голоса	Подделка личности, невозможность смены биометрии

Составлено по данным официального сайта Wikipedia. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Угрозы_информационной_безопасности/ (дата обращения: 25.11.2025).

Психологические и социальные последствия утраты конфиденциальности. Утрата конфиденциальности оказывает комплексное влияние на личность, сочетая в себе как психологические, так и социальные последствия. Основным психологическим эффектом является рост тревожности, возникающей на фоне распространенных сообщений о взломах, утечках данных и несанкционированном доступе к личной информации. Пользователь испытывает неопределенность относительно того, кто и в каких целях использует его персональные данные, что формирует ощущение уязвимости и снижает цифровое благополучие.

Дополнительным фактором выступает цифровой стресс – состояние эмоционального напряжения, вызванное необходимостью постоянного контроля над своими учетными записями, паролями и настройками приватности. Поддержание кибергигиены требует значительных усилий, что может приводить к эмоциональному истощению, выгоранию и ограничению цифровой активности. В ряде случаев это приводит к формированию цифровой настороженности – избыточно осторожного поведения, при котором человек избегает использования онлайн-сервисов, ограничивает обмен информацией и сознательно уменьшает присутствие в цифровом пространстве.

Социальные последствия утраты конфиденциальности проявляются прежде всего в снижении уровня доверия к цифровым платформам, государственным сервисам и организациям, осуществляющим обработку персональных данных. Недоверие может распространяться и на цифровые инициативы государства, что снижает эффективность электронного документооборота, онлайн-услуг и других элементов цифровой инфраструктуры. Следствием является уменьшение цифровой вовлечен-

ности населения: отказ от отдельных сервисов, ограничение активности в социальных сетях, избегание предоставления данных.

Кроме того, утрата конфиденциальности способствует росту социальной напряженности. Сообщения о масштабных утечках или слежке формируют общественное беспокойство и усиливают дискуссии о границах цифровых прав и необходимой степени государственного контроля. Возникает поляризация общества: часть пользователей поддерживает жесткое регулирование обработки данных, тогда как другие видят в этом угрозу личной свободе [2].

Пути минимизации угроз и повышение цифровой безопасности. Снижение рисков, связанных с утратой конфиденциальности, требует комплексного подхода, включающего технические, образовательные и организационно-правовые меры. Одним из ключевых направлений является повышение уровня цифровой грамотности пользователей. Осведомленность о методах фишинга, безопасных практиках работы с паролями и способах защиты персональных данных значительно снижает вероятность успешных атак, основанных на человеческом факторе.

Технические меры включают использование многофакторной аутентификации, шифрования данных, безопасных протоколов передачи информации, а также регулярное обновление программного обеспечения. Важную роль играет минимизация собираемых данных: сервисы должны ограничивать запрос информации только теми сведениями, которые действительно необходимы для работы.

Организационно-правовой аспект предусматривает совершенствование политики обработки данных, повышение прозрачности пользовательских соглашений и введение дополнительных механизмов контроля за использованием персональной информации. Государственное регулирование, включая законодательные нормы о защите данных, также должно развиваться с учетом появления новых технологий и угроз. Важным направлением является создание независимых механизмов аудита и мониторинга безопасности цифровых сервисов.

Результаты применения мер. Введение комплексных мер цифровой защиты уже демонстрирует положительные результаты в российской практике. Согласно данным Минцифры, внедрение многофакторной аутентификации в государственных сервисах сократило число несанкционированных входов в аккаунты граждан более чем на 42 % за период 2021–2023 гг., а повышение требований к безопасности инфраструктуры позволило уменьшить объем успешных атак на государственные информационные системы на 30 %. Количество крупных утечек данных в коммерческом секторе после ужесточения регуляторных требований снизилось на 18 % в 2024 г., что свидетельствует об эффективности организационно-правовых мер. Вместе с тем рост цифровой грамотности населения – по оценкам аналитического центра НАФИ, уровень базовой киберграмотности вырос с 27 % в 2019 г. до 46 % в 2024 г. – способствует снижению числа успешных фишинговых атак и уменьшению уязвимости пользователей перед социальными манипуляциями [3–5].

Представленное исследование позволяет заключить, что угрозы цифровой среды оказывают комплексное воздействие на психологическое состояние личности, социальные процессы и уровень доверия к цифровым технологиям. Утрата конфиденциальности приводит к росту тревожности, снижению цифровой активности и усилению общественной напряженности, что делает проблему защиты персональ-

ных данных значимой не только в техническом, но и в социально-психологическом аспекте. Анализ основных рисков показал, что современные угрозы отличаются высокой динамичностью и требуют системного подхода к обеспечению безопасности.

Использование комплекса мер – от повышения цифровой грамотности и внедрения технологий защиты до совершенствования нормативно-правовой базы – способствует снижению вероятности утечек данных, уменьшению числа киберинцидентов и укреплению доверия граждан к цифровым сервисам. Российский опыт демонстрирует, что сочетание технических и регуляторных решений позволяет существенно повысить устойчивость цифровой инфраструктуры и снизить уязвимость пользователей. Формирование защищенной и прозрачной цифровой среды является необходимым условием для обеспечения безопасности личности и стабильного развития цифрового общества.

Библиографический список

1. Соловых В. В. Информационная безопасность личности в цифровом обществе. СПб. : Питер, 2021. 256 с.
2. Кузнецов А. А., Кузнецова Е. Р. Цифровая безопасность: риски и механизмы защиты. М. : Юрайт, 2022. 310 с.
3. Отчёт о кибербезопасности и защите данных в Российской Федерации за 2021–2023 гг. / Минцифры России. М., 2024.
4. Аналитический центр НАФИ. Уровень цифровой грамотности населения России: аналитический доклад. М., 2024.
5. Зубофф Ш. Эпоха капитализма наблюдения. М.: КоЛибри, 2020. 704 с.
6. Угрозы информационной безопасности // Википедия. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Угрозы_информационной_безопасности (дата обращения: 25.11.2025).

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВАНИЯ:
ОТ КЛАССИЧЕСКОЙ ПАРАДИГМЫ
К LIFELONG LEARNING**

В. Н. Фёдорова

Студентка, Пермский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Пермь, Россия,
vf14806@gmail.com

Научный руководитель: Э. Р. Кузнецова, д-р экон. наук, профессор,
Пермский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Пермь, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу перехода от традиционной, унифицированной образовательной парадигмы к концепциям непрерывного обучения (lifelong learning) и персонализированных образовательных траекторий в контексте вызовов и возможностей XXI в. Целью работы является определение ключевых факторов, обуславливающих необходимость трансформации образования, анализ преимуществ и рисков внедрения моделей lifelong learning, а также предложение перспективных направлений развития образовательных систем. В статье проведен анализ модели непрерывного образования в условиях быстро меняющегося мира. Рассмотрены концептуальные основы и практические аспекты lifelong learning, включая роль цифровых технологий, гибких образовательных форматов и микроквалификаций. Результаты исследования могут быть применены в разработке образовательной политики и стратегий корпоративного обучения и развития человеческого капитала в организациях.

Ключевые слова: образование, цифровизация, непрерывное обучение, традиционное образование, longlifelearning, корпоративное обучение

**TRANSFORMING EDUCATION:
FROM THE CLASSICAL PARADIGM
TO LIFELONG LEARNING**

V. N. Fedorova

Student, Perm Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Perm, Russia, vf14806@gmail.com

Scientific supervisor: E. R. Kuznetsova, Doctor of Economics, Professor,
Perm Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Perm, Russia

Abstract. This article is devoted to the analysis of the transition from the traditional, unified educational paradigm to the concepts of lifelong learning and personalized educational trajectories in the context of the challenges and opportunities of the 21st century. The aim of the work is to identify the key factors that determine the need for educational transformation, analyze the advantages and risks of implementing lifelong learning models, and propose promising areas for the develop-

ment of educational systems. The article provides a critical analysis of the classical model of education in a rapidly changing world. The conceptual foundations and practical aspects of lifelong learning are considered, including the role of digital technologies, flexible educational formats and microqualifications. The research results can be applied in the development of educational policies and strategies for corporate training and human capital development in organizations.

Keywords: education, digitalization, continuous learning, traditional education, longlife learning, and corporate training

В XXI в. большое количество людей, обучаясь в высших учебных заведениях, дополнительно проходят различные курсы, мастер-классы, тренинги по смежным или совершенно разным профессиям. Эпоха, когда студенты после получения образования всю жизнь работали по полученной специальности, прошла. Раньше редкими были случаи, когда кто-то переходил в другие отрасли или просто менял место работы. Сейчас, чтобы быть востребованными на рынке труда, молодым людям недостаточно иметь только лишь одну специальность – необходимо иметь знания и навыки в смежных сферах. Это связано с несколькими причинами.

Исследование среди студентов от 20 до 30 лет показало, что 75 % опрошенных ответили, что не работают по профессии и 56 % проходили курсы дополнительно к основному обучению в вузе. При этом большая часть участников опроса меняли вид своей деятельности за последние 10 лет, и 78 % из них работали более чем в двух разных направлениях. Делаем вывод, что молодые люди заинтересованы в получении знаний и освоении не одной профессии, и на это влияют определенные внешние факторы реалий нашего времени [1].

По данным Всемирного экономического форума (WEF), к концу 2025 г. около 85 млн рабочих мест могут быть вытеснены автоматизацией, в то время как появится 97 млн новых ролей, требующих иных навыков [2]. Поэтому концепция lifelong learning – «образование в течение всей жизни» – становится для молодого поколения не просто философской идеей, но методом выживания на рынке труда. Именно быстроте адаптации, непрерывной учебе и мгновенному применению знаний на практике должна научиться традиционная школа образования, которая основывается на передаче в основном теоретических знаний.

К ключевым факторам, ускорившим институционализацию lifelong learning, относятся:

- сокращение «срока жизни» профессиональных знаний – в ряде отраслей (ИТ, биотехнологии) компетенции устаревают за 3–5 лет;
- рост мобильности трудовых ресурсов – необходимость быстрой переквалификации при смене работы или региона проживания;
- структурные изменения рынка труда – автоматизация и глобализация привели к исчезновению одних профессий и появлению других;
- демократизация доступа к информации – развитие интернета и цифровых платформ сделало обучение доступным вне зависимости от возраста и локации.

«Старая школа» перестает быть актуальной, выпускники выходят из учебных заведений без практических навыков и им иногда непросто найти свое место на рынке труда. Время, когда были необходимы специалисты с глубокими энциклопедическими знаниями, когда людей готовили к однообразной работе, прошло. Сейчас

информация стала более доступной, и знания теорий и правил уходит на второй план. На первое место выходит softskills – «мягкие навыки». А стремительное развитие технологий во всех сферах деятельности требует от специалиста метапредметных компетенций, которые позволяют эффективно работать с информацией, а не просто хранить ее.

Согласно исследованию McKinsey Global Institute, в будущем работникам придется значительно активнее задействовать когнитивные способности: время, затрачиваемое на критическое мышление, креативность и принятие решений, вырастет на 55 % по сравнению с нынешними показателями [2].

Современная система, сохраняющая акцент на механическом заучивании и прохождении стандартизированных тестов, не обеспечивает должной подготовки учащихся к грядущим профессиональным вызовам.

Образовательной системе необходимо осознанно фокусироваться на формировании у учащихся метакогнитивных компетенций. Речь идет о развитии целого ряда ключевых умений:

- способности к саморефлексии – осмыслению собственных мыслительных процессов и способов познания;
- навыка целеполагания в учебной деятельности – умения формулировать четкие, достижимые образовательные цели;
- умения планировать собственную работу – распределять время и ресурсы, выстраивать последовательность действий;
- способности анализировать собственные таланты – объективно выявлять сильные стороны и зоны роста;
- навыка выбора оптимальных стратегий обучения – подбирать методы и приемы, максимально эффективные для решения конкретных учебных задач.

Такой подход позволяет учащимся не просто усваивать информацию, а осознанно управлять собственным процессом познания, становясь автономными и ответственными субъектами обучения.

Аналитики VK Education изучили взгляды молодежи на дополнительное образование и пришли к таким выводам: «По результатам опроса, проведенного в марте 2025 года среди 1,2 тыс. студентов и выпускников российских вузов и ссузов, 60 % опрошенных уже начали обучение на дополнительных программах. Из них 39 % выбрали обучение вне вуза или колледжа, а 21 % – на факультативах. 36 % респондентов пока не решили, будут ли брать дополнительные курсы в этом году, а 4 % – не планируют».

Почему же такой большой процент опрошенных стремится получить дополнительные знания? Некоторые цели, с которыми студенты записываются на курсы:

- выйти на стажировку или трудоустроиться (39 %);
- углубить знания и навыки в профессии (33 %);
- развить новые компетенции (22 %) [3].

Рассмотрим пример: маркетолог, который получил образование по специальности «Реклама и связь с общественностью», будет невостребован на рынке, если он не будет постоянно следить за изменениями в отрасли, новыми инструментами продвижения и алгоритмами площадок, обучаться работе искусственного интеллекта и получать практические знания у лидеров отрасли. Это касается не только IT или

творческих профессий, но и любых других. Таким образом, в наши дни учителя осваивают новые образовательные сервисы, врачи – постоянно следят за последними исследованиями, препаратами и медицинскими открытиями, менеджеры – должны быть в курсе преобразований в отрасли и новым рискам внешней среды.

Наиболее интересными направлениями для дополнительного обучения студенты назвали анализ данных (62 %), искусственный интеллект (61 %), разработку (53 %), машинное обучение (50 %) и управление продуктом или проектом в IT (37 %) [3].

По сравнению с предыдущими поколениями у сегодняшних студентов больше возможностей для работы: как с точки зрения выбора направлений, так и с точки зрения форматов и форм занятости. А работодатели в большей степени смотрят не на оценки в дипломе, а на практические навыки работников. В связи с этим многие компании организуют для своих сотрудников корпоративные обучения. Некоторые причины такого решения:

- обучение дает сотрудникам актуальные знания и навыки, что напрямую влияет на эффективность выполнения задач;
- инвестиции в развитие персонала повышают лояльность: сотрудники видят заботу компании и перспективы роста;
- в условиях цифровой трансформации и конкуренции компании вынуждены обновлять компетенции команды.

Например, Сбер активно развивает культуру *longlife learning* (LLL) – непрерывного обучения, делая ее неотъемлемой частью корпоративной ДНК. Как крупнейший финансовый институт страны, компания системно инвестирует в профессиональный рост сотрудников, выстраивая комплексную образовательную среду [4].

Также в компании МТС система корпоративного обучения выступает ключевым инструментом профессионального развития персонала. Она позволяет систематически наращивать компетенции сотрудников и создает условия для их карьерного роста [5].

Основные направления обучающих инициатив

1. Корпоративный университет: представляет собой масштабную образовательную платформу, в рамках которой сотрудники осваивают прикладные навыки.
2. Интеграция автоматизации в рабочие процессы: сотрудники профильных отделов совмещают основную деятельность с задачами по автоматизации и роботизации бизнес-процессов. Это позволяет внедрять инновации непосредственно в операционную деятельность.
3. Экспертные мастер-классы: внутренние специалисты центра регулярно проводят тематические сессии.
4. Партнерство с вузами: компания финансирует высшее образование для перспективных кадров.

Для максимальной эффективности обучения применяются различные методы передачи знаний и навыков:

- интерактивные ролевые игры;
- практические семинары (практикумы);
- тренинговые программы;
- онлайн-курсы;
- вебинары;
- переговорные поединки (симуляции деловых переговоров).

Такой комплексный подход обеспечивает гибкость обучения, учитывает разные стили восприятия информации и позволяет адаптировать программы под конкретные профессиональные задачи сотрудников.

Таким образом компании понимают, что обучение помогает:

- осваивать новые инструменты (например, ИИ, аналитические платформы);
- соответствовать отраслевым стандартам;
- быстро реагировать на изменения спроса.

Непрерывное образование выступает катализатором не только карьерного прогресса, но и личностного роста: оно обогащает мировоззрение, открывает неожиданные сферы интересов, создает условия для самореализации.

Результаты совместного исследования Университета креативных индустрий Universal University и Аналитического центра НАФИ показывают: «74 % российской молодёжи уверены: освоить новую профессию или получить специализацию без окончания вуза, колледжа или техникума можно, если пройти онлайн-курсы или программы обучения у работодателя» [6]. Эти результаты еще раз доказывают, что на концепцию *lifelong learning* влияет цифровизация и создание технологий. Пару десятков лет назад мы и представить не могли, что обучение может быть дистанционным, однако сейчас это не кажется недостижимым.

Концепция LLL является мощным инструментом для стимулирования профессионального роста и поддержания конкурентоспособности специалиста на динамичном рынке труда. Среди наиболее значимых позитивных эффектов можно выделить следующие:

- гибкость и адаптивность: постоянное обновление знаний и развитие навыков формирует у индивида способность к быстрой адаптации к новым требованиям, технологиям и задачам, облегчая переключение между различными профессиональными областями и освоение инновационных методик;
- ускорение карьерного развития: приобретение актуальных компетенций, как через формальные образовательные программы, так и посредством самообразования, что значительно повышает шансы на вертикальное и горизонтальное продвижение по карьерной лестнице;
- повышение продуктивности: освоение новых методов работы, инструментов и концепций способствует оптимизации рабочих процессов, что приводит к увеличению личной и командной эффективности, а также более быстрому достижению поставленных целей;
- расширение интеллектуального кругозора: систематическое обучение открывает доступ к новым парадигмам, идеям и перспективам, способствуя формированию более глубокого и многостороннего взгляда на мир и профессиональную сферу;
- развитие профессиональной сети: участие в образовательных программах, конференциях и семинарах способствует расширению круга профессиональных контактов (нетворкингу), что создает возможности для обмена опытом, менторства и формирования коллаборативных сообществ.

Помимо профессиональных аспектов, LLL оказывает существенное положительное влияние на личностное развитие и общее благополучие индивида.

Несмотря на неоспоримые преимущества, внедрение и реализация концепции LLL сопряжены с рядом потенциальных рисков и вызовов, требующих систематического учета:

- риск когнитивной перегрузки и переутомления: постоянное стремление к освоению новой информации без адекватного планирования периодов отдыха и восстановления может привести к интеллектуальной перегрузке, снижению эффективности обучения;
- риск институционального барьера: внедрение принципов LLL в традиционные образовательные системы, такие как высшие учебные заведения, может столкнуться с серьезными институциональными вызовами. Это требует глубинных преобразований организационной структуры, разработки новых педагогических подходов, ориентированных на принципы непрерывного образования, и адаптации учебных планов, что сопряжено со значительными административными и ресурсными затратами;
- риск преемственности и валидации знаний: на стыке формального и неформального образования часто возникает проблема отсутствия четких механизмов признания ранее полученных знаний и практического опыта. Например, ценные навыки, приобретенные вне официальных образовательных программ, могут не учитываться при трудоустройстве или поступлении на обучение – может возникнуть необходимость повторного изучения уже освоенных дисциплин. Это снижает мотивацию и создает избыточную нагрузку.

Эффективная реализация парадигмы непрерывного обучения (lifelong learning, LLL) требует глубокой трансформации существующих образовательных систем. Выделяются несколько стратегических направлений, которые позволяют адаптировать процесс обучения к современным вызовам и потребностям индивида, обеспечивая его актуальность и конкурентоспособность.

На сегодняшний день есть несколько стратегических направлений, которые позволяют адаптировать процесс обучения к современным вызовам и потребностям индивида, обеспечивая его актуальность и конкурентоспособность.

Развитие метакогнитивных компетенций. Одним из фундаментальных векторов является развитие у обучающихся метакогнитивных компетенций, или «навыков обучения». Это включает в себя способности к саморефлексии, формулированию четких учебных целей, эффективному планированию собственной образовательной деятельности, объективной самооценке сильных и слабых сторон, а также выбору оптимальных стратегий освоения знаний и навыков. Развитие этих метакогнитивных способностей критически важно для формирования автономного и мотивированного субъекта обучения, способного к непрерывному самосовершенствованию.

Формирование гибких навыков. Особое внимание следует уделить развитию так называемых гибких, или трансверсальных, навыков (soft skills), которые являются критически значимыми в условиях динамичного рынка труда. К ним относятся критическое мышление, креативность, эффективная коммуникация и способность к кооперации. Эти компетенции позволяют эффективно применять их в разнообразных профессиональных контекстах и предметных областях, независимо от специфики деятельности.

Формирование способности к саморефлексии. Образовательная среда должна способствовать восприятию ошибок не как неудачи, а как неотъемлемого и ценного

элемента процесса обучения, стимулирующего рефлексию, корректировку стратегий и личностный рост. Такой подход снижает страх перед неудачей и поощряет экспериментальный поиск решений.

Интеграция цифровизации и адаптивных технологий. Современные стратегии непрерывного обучения невозможно представить без эффективного использования цифровых инструментов, платформ и ресурсов, которые, в свою очередь, могут обеспечивать персонализированные и динамичные обучающие траектории, максимально соответствующие индивидуальным потребностям.

Персонализация образовательного контента. Принцип персонализации образовательного контента становится центральным для повышения эффективности обучения. Учет индивидуальных потребностей, стилей и темпов освоения материала каждым обучающимся способствует не только оптимизации результатов, но и повышению внутренней мотивации и удовлетворенности процессом обучения, что является ключевым для поддержания LLL.

Внедрение игровых механик и симуляций. Эффективный инструмент для повышения вовлеченности и практической применимости знаний. Эти подходы позволяют создать интерактивную среду для освоения сложных концепций, тренировки навыков и приобретения опыта в условиях, максимально приближенных к реальным, при этом снижая риски возможных ошибок.

Развитие кросс-дисциплинарных подходов. Интеграция знаний и методологий из различных предметных областей (например, информационных технологий и психологии, медицины и event-менеджмента, естественных наук и связей с общественностью, проектного управления и организационной психологии) способствует формированию более целостного мировоззрения, развитию системного мышления и способности решать комплексные задачи современного мира.

Таким образом, в современном мире непрерывное обучение перестало быть модным веянием – это объективная потребность. Оно дает инструменты для быстрой адаптации к переменам, расширяет горизонты возможностей и наполняет жизнь глубоким содержанием. Полученные компетенции становятся надежным капиталом в будущем, а концепция lifelong learning превращается в главный фактор профессиональной конкурентоспособности в эпоху стремительных технологических изменений.

Библиографический список

1. Форма для сбора данных (Google Forms). URL: https://docs.google.com/forms/d/1x5-01DDEhP_qWmkTgyHyl-QZyGnAF5bEG3pk-n8yylk/edit#responses (дата обращения: 08.12.2025).
2. Образование в течение всей жизни (lifelong learning): новая парадигма и миссия современной школы. URL: <https://www.fa.ru/university/structure/university/uso/press-service/press-releases/obrazovanie-v-techenie-vsey-zhizni-lifelong-learning-novaya-paradigma-i-missiya-sovremennoy-shkoly> (дата обращения: 01.12.2025).
3. Российские студенты рассказали о целях и критериях выбора дополнительного образования. URL: <https://www.forbes.ru/education/533645-rossijskie-studenty-rasskazali-o-celah-i-kriteriah-vybora-dopolnitel-nogo-obrazovania> (дата обращения: 01.12.2025).
4. Комфортные условия: Сбер развивает культуру обучения сотрудников. URL: https://perm.aif.ru/economic/komfortnye_usloviya_sber_razvivaet_kulturu_obucheniya_sotrudnikov (дата обращения: 01.12.2025).

5. Обучение сотрудников ОЦО. Опыт ЕЦО ПАО «МТС». URL: <https://ssc-pro.ru/stati/obuchenie-sotrudnikov-otso-opyt-etso-pao-mts/> (дата обращения: 01.12.2025).

6. 74 % молодых россиян считают, что онлайн-курсы позволяют освоить новую профессию. URL: <https://nafi.ru/analytics/74-molodykh-rossiyan-schitayut-cto-onlayn-kursy-razvolyayut-osvoit-novuyu-professiyu/> (дата обращения: 01.12.2025).

7. Трансформация образования: от классической парадигмы к lifelong learning и персонализированным траекториям. URL: [https://yandex.ru/search/?text=причины+ Трансформация+образования +%3A+От+классической+парадигмы+к+lifelong+learning+и+ персонализированным+траекториям&lr=50&clid=2270457&win=633](https://yandex.ru/search/?text=причины+Трансформация+образования+%3A+От+классической+парадигмы+к+lifelong+learning+и+персонализированным+траекториям&lr=50&clid=2270457&win=633) (дата обращения: 01.12.2025).

УПРОЩЕННАЯ СИСТЕМА НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ: АНАЛИЗ ПРАКТИКИ, ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ ИХ РЕШЕНИЯ В РФ

А. Д. Хохрякова

Студентка, Нытвенский многопрофильный техникум
Нытва, Россия, e4847965@gmail.com

Научный руководитель: Н. С. Ишбаева, преподаватель,
Нытвенский многопрофильный техникум, Нытва, Россия

Аннотация. Упрощенная система налогообложения (УСН) – специальный налоговый режим, предусмотренный гл. 346.20–346.23 Налогового кодекса РФ и направленный на снижение налоговой нагрузки и упрощение отчетности для малого и среднего бизнеса.

Ключевые слова: упрощенная система налогообложения, УСН, малый бизнес, налоговая нагрузка, лимиты, кассовый метод, расходы, НДС, региональные льготы, цифровизация

THE SIMPLIFIED TAXATION SYSTEM IN THE RUSSIAN FEDERATION: PRACTICE ANALYSIS, CHALLENGES, AND APPROACHES TO OVERCOMING THEM

A. D. Khokhryakova

Student, Nyтва Multidisciplinary Technical School,
Perm, Russia, e4847965@gmail.com

Scientific supervisor: N. S. Ishbaeva, Instructor,
Nyтва Multidisciplinary Technical School, Perm, Russia

Abstract. The Simplified Taxation System (STS; *Uproshchennaya Sistema Nalogoblozheniya*, USN) is a special tax regime established under Articles 346.20–346.23 of the Russian Tax Code. Its primary goals are to reduce the tax burden and simplify reporting requirements for small and medium-sized businesses (SMBs).

Keywords: Simplified Taxation System, STS, small and medium-sized business, tax burden, thresholds, cash method, expenses, VAT, regional incentives, digitalization

Упрощенная система налогообложения (УСН) – это значимый инструмент поддержки малого и среднего бизнеса в России. Благодаря простоте и удобству она помогает снизить административную нагрузку, упрощает ведение учета и уменьшает налоговые выплаты для предпринимателей. В условиях экономических изменений, растущих требований к прозрачности бизнеса и необходимости стимулирования малых предприятий использование УСН становится особенно важным.

Актуальность исследования связана с тем, что специальные налоговые режимы, включая УСН, предлагают существенные льготы большинству предпринимателей малого бизнеса, позволяя улучшить их финансовое состояние за счет снижения налогов. Налоговая система – один из ключевых инструментов государственного регулирования экономики. Налоги играют важную роль в экономических отношениях с момента возникновения государства. От того, насколько правильно построена налоговая система, зависит ее эффективность, а также активность предпринимательского сектора и функционирование экономики в целом.

Сроки уплаты налога по УСН: за 1 квартал – до 25 апреля, за полугодие – до 25 июля, за 9 месяцев – до 25 октября, за год: для ИП – до 30 апреля, для организаций – до 30 марта. Ежеквартальная подача деклараций отменена.

Цель работы – провести всесторонний анализ применения УСН в РФ, выявить основные проблемы и предложить пути их решения для повышения эффективности и справедливости этого режима.

Задачи исследования:

1. Изучить особенности упрощенной системы налогообложения.
2. Проанализировать последние изменения в УСН.
3. Рассмотреть специфику налогообложения при использовании УСН налогоплательщиками в современной России.

Исследование направлено на совершенствование правовых и экономических условий для малого бизнеса, а также на повышение прозрачности и устойчивости налоговой системы РФ.

Объект налогообложения – доходы или доходы за вычетом расходов (в зависимости от выбранного варианта УСН). Предмет налогообложения – конкретные налоговые ставки и базы, например, доходы (6 %) или доходы минус расходы (15 %).

Пример из практики. Сельскохозяйственное потребительское общество применяет УСН по схеме «доходы минус расходы» (15 %). Доходами здесь считается выручка от продажи товаров и услуг, поступающая в кассу (счет 50) или на расчетный счет (счет 51), а также проценты по депозитам, арендная плата, полученные кредиты и проценты по ним, товары, переданные в кредит (табл. 1).

Таблица 1

Основной журнал хозяйственных операций сельского потребительского общества

Поступила в кассу выручка	50	90.01
Поступила оплата от покупателей	50	62
Оплата по кредиту	50	73.3
Проценты за кредит	50	91.1
Оплата от покупателей по картам	51	57
На расчетный счет оплата от покупателей	51	62
Поступил процент по депозиту	51	91.1

Расходы – услуги банка, процент по заемным средствам, оплата за товар поставщикам, налоги/имущество, земельный, арендная плата за землю (табл. 2).

Таблица 2

Бухгалтерская корреспонденция счетов по расходам
сельское потребительское общество

60	51	Оплата за товар поставщиком
60	50	
70	50	Выплата заработной платы
70	51	Выплата заработной платы по расчетному счету
68 налоги	51	Перечислены налоги с заработной платы
69 взносы	51	
76	51	Оплата услуг
10	51	Закуп материалов

Товары и материалы – 267 600,00 руб.

Услуги сторонних организаций (примеры услуг сторонних организаций приведены на рис. 1) – 3 323 792,35 руб.

Оплата труда – 5 611 243,65 руб.

Налоги, взносы – 1 990 597,24 руб.

Все формируется в Книге доходов и расходов. Учет ведется в программе «1С: Бухгалтерия».

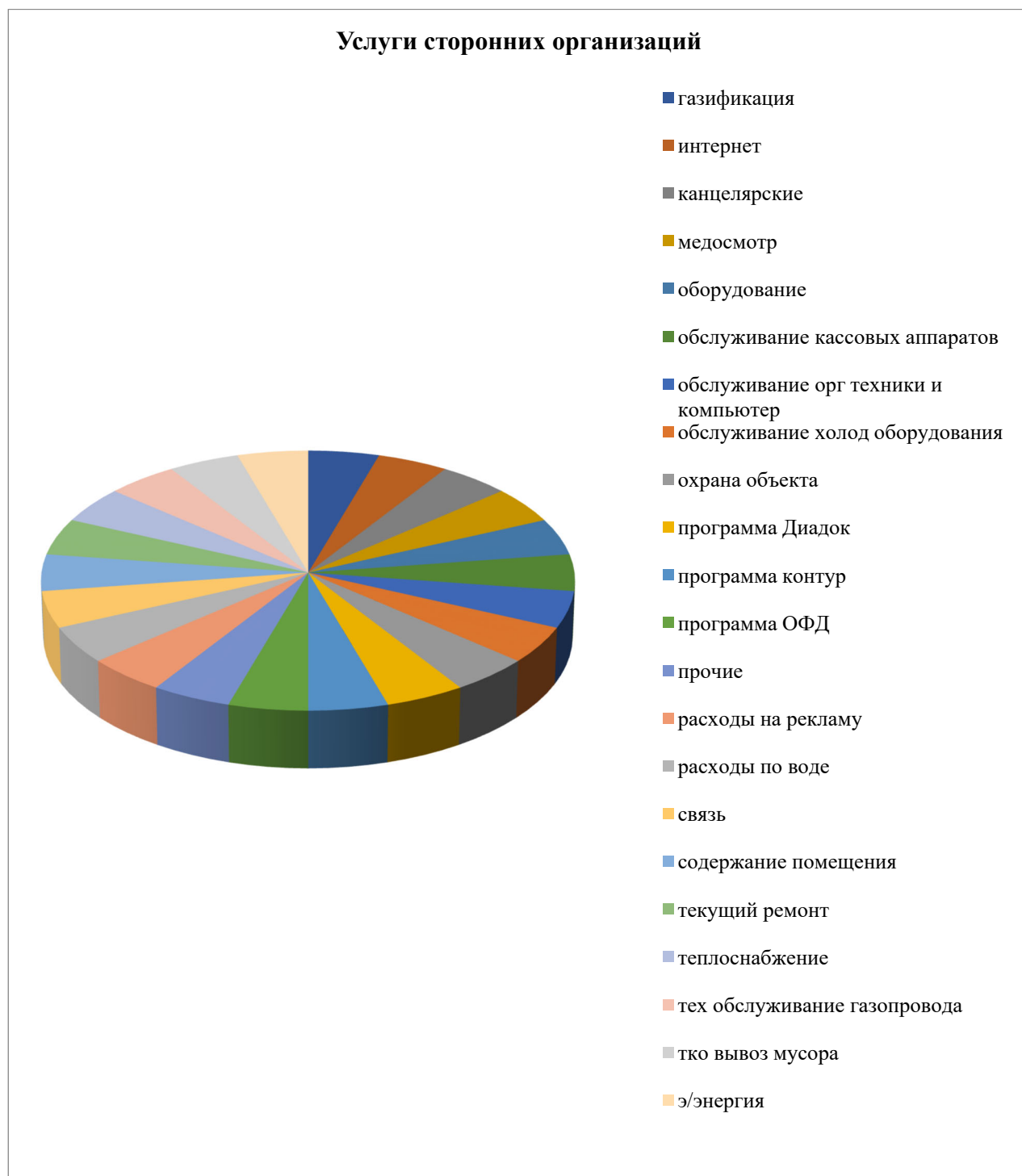

Рис. 1. Услуги сторонних организаций за 2024 г.

Налог платится ежеквартально авансовыми платежами согласно уведомлениям, которые подаются в электронном виде в ИФНС России.

Декларация по УСН подается один раз в год до 31 марта.

Доходы по Нытвенскому сельпо за 2024 г. – 56 652 303 руб.

Расходы за 2024 г. – 57 548 054 руб.

В целом по году получился убыток – 895 751 руб.

Налог минимальный (1 % с дохода) – 566 523 руб.

Анализ по УСН за 2024 г. из 1С приведен в рис. 2.

Все доходы и расходы собираются в книге доходов и расходов. Они формируются поквартально, затем в целом за год. На основании данных составляется декларация годовая.

Рис. 2. Анализ по УСН за 2024 г.

Упрощенная система налогообложения представляет собой один из специальных налоговых режимов, действующих на территории Российской Федерации. В настоящее время этот режим является наиболее популярным среди налогоплательщиков. УСН служит альтернативой общей системе налогообложения, для которой характерно множество различных налогов и сложность их расчета. Одной из задач внедрения данного режима стало упрощение процедуры исчисления налогов для субъектов малого предпринимательства. В настоящий момент налогоплательщик вправе самостоятельно принять решение о переходе на упрощенную систему, так как ее использование носит добровольный характер.

Применение УСН обладает рядом преимуществ, существенно облегчающих ведение налогового и бухгалтерского учета как для организаций, так и для индивидуальных предпринимателей. Ключевым достоинством остается замена нескольких налогов одним – единым налогом, уплачиваемым в рамках использования упрощенной системы. Также важным преимуществом является снижение налоговой нагрузки за счет уплаты единого налога.

В ходе подготовки работы автором были изучены теоретические основы организации налогового контроля, рассмотрены его формы и методы, а также приобре-

тены практические навыки работы с налоговой документацией, специализированным программным обеспечением, используемым инспекциями для взаимодействия с налогоплательщиками, и порядком проведения мероприятий налогового контроля в рамках камеральных и выездных проверок.

Должностные лица налоговых органов в рамках своих полномочий осуществляют налоговый контроль путем проведения проверок, истребования пояснений у налогоплательщиков, проверки данных учета и отчетности, осмотра помещений и территорий, используемых для получения дохода, а также в иных формах, предусмотренных Налоговым кодексом Российской Федерации. Налоговые проверки подразделяются на два вида, каждый из которых имеет свои особенности и набор применяемых мероприятий.

В результате анализа контрольной работы ИФНС России в отношении Сельского потребительского общества г. Нытвы по вопросам корректности исчисления и полноты уплаты налога при применении УСН было установлено следующее. Усиление контроля за правильностью расчета налога в рамках УСН обусловлено постоянными изменениями в законодательстве Российской Федерации. Таким образом, возникает необходимость своевременно отслеживать и корректно применять обновляющиеся нормы, регулирующие налоговый контроль в данной сфере. Изучение этих изменений, безусловно, позволит усовершенствовать систему государственного налогового контроля и повысить ее эффективность.

Согласно прогнозу сумм доначисленных налоговых платежей по результатам налогового контроля с учетом предложенных рекомендаций на 2024 г., выявлена положительная динамика, что является благоприятным фактором. Прогнозируемый рост налоговых доначислений свидетельствует о повышении результативности контрольной деятельности налогового органа.

Библиографический список

1. Упрощённая система налогообложения: проблемы и перспективы / В. А. Лукинов, Р. Б. Хапсаева, Л. А. Бязрова, М. З. Атаева. М., 2022. 122 с. URL: <https://aeterna-ufa.ru/portfolio/978-5-00177-551-5#> (дата обращения: 19.12.2025)
2. Сивков Е. В. УСНО-2025: всё, что нужно знать от А до Я. В вопросах и ответах. М. : Евгений Сивков, 2025.
3. Гартвич А. Упрощенка с нуля. 3-е изд. СПб.: Питер, 2017. URL: <https://mybook.ru/author/andrej-gartvich/uproshenka-s-nulya-nalogovyy-samouchitel/read/> (дата обращения: 19.12.2025)

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ УЧАСТКОВОГО УПОЛНОМОЧЕННОГО ПОЛИЦИИ ПО ПРОТИВОДЕЙСТВИЮ БЫТОВОМУ НАСИЛИЮ

В. Н. Цуканов

Канд. юрид. наук, доцент, Западно-Уральский институт
экономики и права, Пермь, Россия, viktortsukanov62@gmail.ru

Ст. преподаватель, Пермский институт Федеральной службы
исполнения наказаний России, Пермь, Россия

Доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте России, Пермь, Россия

Аннотация. Исследование посвящено деятельности участковых уполномоченных полиции в области противодействия бытовому насилию. Автор, используя многолетний опыт, полученный в результате профессиональной деятельности в службе участковых уполномоченных, заострил внимание на некоторых проблемах правоприменительной деятельности по предупреждению правонарушений в семейно-бытовых отношениях. Кроме того, даны практические предложения по совершенствованию действующего законодательства РФ.

Ключевые слова: бытовое насилие, домашнее насилие, агрессор, семейно-бытовая безопасность, участковый уполномоченный полиции

ORGANIZATION OF WORK OF THE POLICE STATION COMMISSIONER FOR COUNTERING DOMESTIC VIOLENCE

V. N. Tsukanov

Candidate of Law, Associate Professor,

West Ural Institute of Economics and Law, Perm, Russia, viktortsukanov62@gmail.ru
Senior Lecturer, Perm Institute of the Federal Penitentiary Service of Russia, Perm, Russia

Associate Professor, Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Perm, Russia

Abstract. This study is devoted to the activities of district police officers in the field of combating domestic violence. The author, using many years of experience gained as a result of professional activities in the service of district commissioners, drew attention to some problems of law enforcement activities to prevent offenses in family and domestic relations. In addition, practical proposals are given to improve the current legislation of the Russian Federation.

Keywords: domestic violence, domestic violence, aggressor, domestic security, district police officer

С нашей точки зрения, на сегодняшний день уделяется недостаточно внимания профилактической активности по предупреждению бытового насилия. Это направление является перспективным как в практическом, так и научном значении. По

данным МВД России, только за первое полугодие 2025 г. в нашей стране было зарегистрировано 27 тыс. бытовых преступлений. Среди негативных социальных явлений бытовое насилие приобрело широкое распространение во всех группах гражданского общества. Бытовое насилие напрямую затрагивает личные права и свободы человека, к которым обычно относят: право на жизнь и достоинство, свободу и личную неприкосновенность, а также неприкосновенность частной жизни, жилища; свободу передвижения и выбора места жительства; свободу совести; свободу вероисповедания; свободу совести, выбора национальности и языка общения [1, с. 9].

Достаточно длительная профессиональная деятельность автора в службе участковых дает полную уверенность считать, что склонны к бытовому насилию не только криминальные лица, но и те, кто не попадал в поле зрения правоохранительных органов. В силу специфики рассматриваемой социальной сферы, недостаточного освещения ее в средствах массовой информации и количества качественных научных работ по данной проблематике, а также по иным причинам мы делаем вывод и предположение о значительном уровне поражения бытовых общественных отношений рассматриваемым социальным заболеванием.

Как показывает практика, население страны на фоне информации, которая доводится до граждан, лишь изредка обращает внимание на имеющиеся проблемы в области профилактики бытового насилия, и часто только в тех случаях, когда дело связано с резонансными проявлениями жестокого обращения в быту с гражданами, в данном случае это касается как взрослых людей, так и несовершеннолетних детей.

В условиях требований, предъявляемых к данной категории исследований, мы не стремимся к полному анализу организации деятельности участковых уполномоченных полиции в указанной области, а лишь заострим внимание на тех направлениях служебной деятельности, которые, с нашей точки зрения, характеризуются большим количеством проблемных аспектов и, как показывает повседневная жизнь общества, выпадают из поля зрения законодателей, правоприменителей и исследователей.

Во-первых, для бытового насилия, которое сопровождается определенными правонарушениями, в основе которых находятся гражданское, семейное, административное и уголовное законодательства, характерна некоторая противоречивость. Часто пострадавшие от бытового насилия в силу определенных причин (например, стыд перед родственниками, знакомыми или боязнь за свою жизнь и здоровье, материальное положение) не заинтересованы напрямую обращаться в территориальные органы внутренних дел или к своему участковому уполномоченному полиции по месту жительства. Однако, согласно ст. 33 конституции РФ в некоторых случаях, при реализации человеком своего права на обращение, которое соответствует естественным потребностям и личным интересам, а также социальной свободе гражданина, происходит огласка частной жизни, часто в очень подробных деталях, с затрагиванием иногда и интимной жизни граждан [2, с. 91]. Официально зарегистрированное заявление гражданина о совершенном в отношении него бытовом насилии автоматически запускает необходимость проведения публичных мероприятий в условиях полицейского дознания, что напрямую затрагивает и права бытового агрессора. В данном случае он, как и жертва бытового насилия, находится под защитой ст. 23 Конституции РФ, которая направлена на неприкосновенность частной жизни. С одной стороны, в этих условиях

офицеры полиции службы участковых должны понимать, что факт обращения жертвы в правоохранительные органы не дает основания предвзятого отношения к лицу, на которое жалуется пострадавший от бытового насилия. С другой стороны, участковый уполномоченный полиции, согласно п. 3 ст. 55 Конституции РФ, используя меры государственного принуждения к правонарушителю, которые ограничивают его права, должен ориентироваться только на федеральное законодательство, но в пределах, позволяющих защитить жертву насилия.

Во-вторых, участковые уполномоченные полиции, являясь представителями государственной власти, должны осознавать возможные последствия семейно-бытовых неурядиц, обусловленные тем, что конфликтные ситуации в случае несвоевременного принятия мер к их разрешению часто приводят к совершению тяжких преступлений против личности [3, с. 180].

Особая роль в области противодействия бытовому насилию принадлежит офицерам полиции службы участковых уполномоченных, которые обслуживают территорию сельских поселений. В условиях проживания в собственном доме в определенной удаленности от соседей и от районных центров, где размещены территориальные органы внутренних дел, домашний насильник может себя чувствовать достаточно комфортно в силу боязни жертвы, не опасаясь наказания. В этой связи также возрастает роль представителей местного самоуправления, особенно в лице сельских старост. С нашей точки зрения, назрела необходимость внести изменения в федеральный закон № 33 «Об общих принципах организации местного самоуправления в единой системе публичной власти» от 20.03.2025, которые бы обязывали представителей муниципалитета на уровне сельских поселений по аналогии с персоналом медучреждений, куда обращаются с травмами жертвы бытового насилия, сообщать в правоохранительные органы или участковому уполномоченному полиции о фактах бытового насилия, что обеспечит спасение жизни многих наших сограждан.

Данное правило будет работать только в том случае, если уставом муниципального образования смогут предусматриваться основания, виды и процедуры ответственности должностных лиц местного самоуправления [4, с. 259].

В-третьих, назрела необходимость единообразного определения терминов, обозначающих противоправные проявления в данной сфере. Используемые понятия «бытовое насилие», «домашнее насилие», «домашний тиран» не позволяют в полной мере раскрыть характер взаимоотношений бытового правонарушителя и его жертвы.

В конечном итоге успех профилактического воздействия зависит от умения участкового уполномоченного прогнозировать поведение профилактируемого [5, с. 268]. Неопределенность и двойственность понятий в контексте данного направления не служит консолидации усилий государства и общества в области противодействия одному из позорных социальных явлений, каковым является бытовое насилие в нашей стране.

В этой связи мы считаем необходимым дать новое развернутое и полное определение, отражающее суть происходящего на рассматриваемом социальном уровне. Как видится, понятие «семейно-бытовая безопасность» более полно отражает суть имеющихся проблем в общественной жизни на бытовом уровне.

Таким образом, правотворческая и правоприменительная деятельность государственных структур в области защиты прав и интересов населения страны далека от совершенства. Деятельность участковых уполномоченных полиции, отдельных

институтов гражданского общества и исследователей, представляющих юридическую науку, должны своевременно обобщаться, анализироваться, и на основе этого должна обеспечиваться возможность достаточно оперативно и настойчиво внедрять передовые формы и методы противодействия абсолютному злу, каковым является бытовое насилие.

Библиографический список

1. Цуканов А. Н. Обеспечение прав и свобод человека и гражданина в деятельности органов внутренних дел / Перм. филиал НА МВД России. Пермь, 2007. 137 с.
2. Ширококов С. Э. Демократический механизм взаимодействия личности и государства, как общеправовой феномен» / Перм. филиал Академии права и управления. Пермь, 2007. 293 с.
3. Вестник Юридического института. Проблемы становления современного гражданского общества и современного правового государства Дюяков Г. В., Кузнецова Е. С. Проблемы административно-правового регулирования семейно-бытовых отношений // Вестник Юридического института. Проблемы становления современного гражданского общества и современного правового государства. 2000. Вып. 4. С. 180.
4. Гранкин И. В. Муниципальное права Российской Федерации : курс лекций. М. : Проспект, 2012. 320 с.
5. Черепанов А. В. Организация деятельности участкового уполномоченного милиции : учеб. пособие / Челяб. юрид. ин-т М-ва внутр. дел Рос. Федерации. Челябинск : ЧЮИ, 2006. 286 с.

РЕГУЛИРОВАНИЕ ЦИФРОВОГО РУБЛЯ: ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ТЕХНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ ДЕНЕГ

Г. С. Чепуштанова

Студентка, Западно-Уральский институт экономики и права,
Пермь, Россия, gchepushtanova@internet.ru

Научный руководитель: О. М. Палкина, канд. экон. наук, доцент,
Западно-Уральский институт экономики и права, Пермь, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу процесса правового регулирования цифрового рубля как новой формы денег Банка России. Цель работы – исследовать, как правовые нормы создают среду для функционирования технологически сложного финансового актива. Рассматриваются ключевые аспекты формирующейся правовой модели: определение правового статуса цифрового рубля, роль и полномочия Банка России как оператора платформы, вопросы защиты прав пользователей и обеспечения кибербезопасности. В конечном итоге можно сказать, что право выступает не пассивным регистратором, а активным конструктором новой денежной реальности, вынужденным балансировать между инновациями, финансовой стабильностью и защитой суверенитета. Результаты исследования могут быть применены в дальнейшей научной разработке проблем финансового права, а также в учебном процессе при подготовке юристов и экономистов.

Ключевые слова: цифровой рубль, CBDC, правовое регулирование, Банк России, финансовые технологии, цифровая трансформация, денежное обращение, кибербезопасность

REGULATION OF THE DIGITAL RUBLE: LEGAL ASPECTS OF THE TECHNOLOGICAL REALITY OF MONEY

G. S. Chepushtanova

Student, West Ural Institute of Economics and Law,
Perm, Russia, gchepushtanova@internet.ru

Scientific supervisor: O. M. Palkina, Candidate of Economics, Associate Professor,
West Ural Institute of Economics and Law, Perm, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of the process of legal regulation of the digital ruble as a new form of money of the Bank of Russia. The purpose of the work is to explore how legal norms create an environment for the functioning of a technologically complex financial asset. The key aspects of the emerging legal model are considered: determining the legal status of the digital ruble, the role and powers of the Bank of Russia as a platform operator, issues of protecting user rights and ensuring cybersecurity. In the end, we can say that law is not a passive registrar, but an active designer of a new monetary reality, forced to balance innovation, financial stability and the protection of sovereignty. The results of the research can be applied in the further scientific development of financial law problems, as well as in the educational process in the training of lawyers and economists.

Keywords: digital ruble, CBDC, legal regulation, Bank of Russia, financial technologies, digital transformation, money circulation, cybersecurity

В России с 1 августа 2023 г. официально начал действовать цифровой рубль (далее – ЦР), что актуализирует его правовое регулирование. Это не просто техническая модернизация платежных систем, это комплексная трансформация самой природы денег, требующая адекватного правового оформления. Право в данном контексте выполняет функцию «переводчика» между технологической инфраструктурой и социально-экономическими отношениями, создавая предсказуемые и легитимные правила для новой реальности.

Что касается правового статуса цифрового рубля, то первостепенной задачей регулятора стало определение юридической природы цифрового рубля. В соответствии с разрабатываемым законодательством ЦР признается безналичным денежным средством в российской валюте, выпускаемым Банком России [1]. Это ключевое решение позволяет интегрировать ЦР в существующую правовую систему, распространяя на него нормы гражданского законодательства о денежных обязательствах (ст. 140, 317 ГК РФ). Однако правовой режим ЦР обладает спецификой: он сочетает свойства наличных (возможность прямых переводов между кошельками, программами) и безналичных денег (электронная форма). Таким образом, право создает гибридный правовой объект, который формально подпадает под классические категории, но требует новых правил обращения, учета и защиты.

Уникальной чертой модели ЦР является совмещение Банком России функций эмитента, оператора платформы и регулятора. Эмитент цифрового рубля – Банк России, который проводит эмиссию цифровых рублей и обладает собственным эмиссионным онлайн-кошельком. Он обеспечивает зачисление и списание цифровых рублей для финансовых организаций и Федерального казначейства, а также открывает им кошельки на платформе цифрового рубля. Это создает принципиально новую институциональную реальность. С одной стороны, обеспечивает максимальную надежность и контроль над системой, с другой – порождает комплекс правовых вопросов:

- разграничение ответственности: Банк России выступает и как сторона, предоставляющая услуги (оператор платформы), и как надзорный орган. Требуется четкое законодательное закрепление процедур рассмотрения претензий пользователей и механизмов возмещения убытков, например, в случае технических сбоев или несанкционированного доступа;

- доступ кредитных организаций: банки становятся посредниками (операторами), открывающими и обслуживающими кошельки клиентов. Закон должен детально регулировать их взаимодействие с платформой ЦР, определяя права, обязанности и тарифную политику, чтобы избежать недобросовестной конкуренции и обеспечить финансовую стабильность банковского сектора [2].

С развитием цифровых валют (ЦВ) вопросы кибербезопасности становятся ключевыми и требуют правового регулирования. Законодательство должно гарантировать стабильную работу платформ ЦВ, устанавливая стандарты отказоустойчивости и порядок действий при форс-мажорных обстоятельствах. Законодательство должно предусматривать:

- гарантии стабильной работы: установление правовых стандартов отказоустойчивости платформы и порядка действий при форс-мажорных обстоятельствах;
- защиту персональных и финансовых данных: обработка данных в рамках платформы ЦР должна соответствовать не только общему закону о персональных данных, но и специальным, более строгим отраслевым стандартам финансовой тайны и кибербезопасности [3]. Возникает правовая дилемма между анонимностью (присущей наличным) и необходимым уровнем контроля для противодействия противоправным деяниям;
- механизмы восстановления прав: четкие процедуры восстановления доступа к цифровому кошельку при утере ключей или иных непредвиденных ситуациях, что является аналогом правовой защиты владельца наличных средств.

Правовое регулирование ЦР не ограничивается внутренним правопорядком. Оно является инструментом обеспечения финансового суверенитета. Создание собственной независимой платежной инфраструктуры, не подверженной экстерриториальным санкциям, – прямая задача, решаемая через национальное законодательство. Кроме того, право должно заранее предусматривать рамки для возможного межгосударственного взаимодействия платформ CBDC, регулируя вопросы конвертации, идентификации и надзора в трансграничных платежах. Вопросы влияния CBDC на денежно-кредитную политику, поднятые в международных исследованиях [4], также требуют отечественного правового осмысления.

Формирование российской правовой модели цифрового рубля происходит в контексте глобального тренда на исследование и внедрение CBDC. Сравнительный анализ подходов различных юрисдикций позволяет выявить общие вызовы и специфические правовые решения. В отличие от полностью децентрализованных криптоактивов, CBDC повсеместно рассматриваются как суверенный финансовый инструмент, что предопределяет активную роль государства в их регулировании [1, 4]. Европейский подход, формируемый в рамках проекта цифрового евро (Digital Euro), делает значительный акцент на защите приватности граждан. Предполагается, что Центральный банк Евросоюза не будет иметь доступа к персональным данным пользователей для повседневных платежей, делегируя эти функции уполномоченным посредникам. Эта модель стремится найти компромисс между контролем и правами личности, создавая сложную архитектуру распределения данных и ответственности. В Китае, где пилотные проекты цифрового юаня (e-CNY) наиболее продвинуты, регулятивная рамка, напротив, в большей степени ориентирована на эффективность контроля за денежными потоками и интеграцию с системами социального рейтинга и государственных услуг, что отражает иные общественно-правовые приоритеты. Российская модель, как следует из проекта законодательства, занимает промежуточное положение. С одной стороны, она наследует принцип жесткого контроля, характерный для существующего финансового регулирования (включая борьбу с отмыванием доходов). С другой – вынуждена технически и юридически обеспечивать определенный уровень конфиденциальности для массового принятия населением. Это порождает уникальную правовую задачу: создать цифровой инструмент, который был бы прозрачен для регулятора, но достаточно защищен для пользователя. Разрешение этого противоречия лежит в области детального правового закрепления уровней доступа к данным, оснований для их предоставления государственным органам и гарантий неразглашения.

Текущий этап правового оформления цифрового рубля можно охарактеризовать как рамочный. Принятые и обсуждаемые законы задают базовые принципы, статус и архитектуру. Однако за ними последует массив подзаконных актов Банка России и иных регуляторов, которые составят «плоть» регулятивной системы. К ним можно отнести:

- технические регламенты платформы, определяющие стандарты безопасности, протоколы взаимодействия и требования к устойчивости;
- инструкции по идентификации и аутентификации пользователей, дифференцирующие процедуры для физических лиц, индивидуальных предпринимателей и юридических лиц с разными лимитами операций;
- правила тарификации услуг операторов (банков) и порядок урегулирования споров, которые станут практическим инструментом защиты прав потребителей финансовых услуг.

Ключевым направлением дальнейшего развития права в этой сфере станет гармонизация норм. Регулирование цифрового рубля должно быть интегрировано в налоговое, таможенное, валютное, гражданское и процессуальное законодательство. Например, потребуются четкое регулирование порядка обращения взыскания на цифровые рубли в кошельке должника, их наследования или включения в конкурсную массу при банкротстве. Эти вопросы выводят правотворчество из сугубо финансовой сферы в общецивилистическое поле.

Подводя итоги, можно сказать, что правовое оформление цифрового рубля – это динамичный процесс конструирования, в ходе которого право не просто фиксирует технологические изменения, а активно формирует их траекторию, расставляя правовые «ограничители» и «стимулы». Создаваемая правовая модель пытается решить сложную задачу: обеспечить технологический прогресс и эффективность, сохраняя при этом финансовую стабильность, защиту прав граждан и государственный суверенитет. Успех внедрения цифрового рубля будет в значительной степени зависеть от того, насколько сбалансированной и гибкой окажется эта правовая конструкция, способная адаптироваться к вызовам быстро меняющейся цифровой экономики, что подтверждается и анализом новых ролей кредитных организаций [5].

Библиографический список

1. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации : федер. закон от 31.07.2020 № 259-ФЗ (ред. от 02.07.2021) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5018.
2. Основные направления развития финансовых технологий на период 2024–2026 годов : утв. Банком России 16.12.2023. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/156273/on_fintech_2024-2026.pdf (дата обращения: 10.11.2025).
3. О персональных данных : федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 14.07.2022) // Собр. законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.
4. Гейл У., Холмс Т. Цифровые валюты центральных банков: принципы проектирования и последствия для денежно-кредитной политики : пер. с англ. // Вопросы экономики. 2023. № 5. С. 5–24.
5. Кредитные организации в эпоху цифрового рубля: новые роли и бизнес-модели / под ред. А. В. Шамраева. М. : Финансы и кредит, 2024. 187 с.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО ВЗЫСКАНИЮ АЛИМЕНТОВ В РФ: НОВЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ И ПРАВОВЫЕ РИСКИ

Е. А. Шерстобитов

Студент, Пермский филиал Финансового университета
при Правительстве РФ, Пермь, Россия sherstobitoviegor@yandex.ru
Научный руководитель: Е. А. Шистерова, канд. пед. наук, доцент,
Пермский филиал Финансового университета
при Правительстве Российской Федерации, Пермь, Россия

Аннотация. В статье исследуется процесс цифровой трансформации принудительного исполнения алиментных обязательств в России. Предметом анализа выступают ключевые инструменты цифровизации, внедряемые Федеральной службой судебных приставов: система межведомственного электронного взаимодействия, Единый реестр исполнительных производств, электронный исполнительный лист и автоматизированные системы принятия решений. Цель работы – выявить и оценить новые возможности для повышения эффективности взыскания, а также систематизировать правовые риски, сопутствующие технологическим изменениям. В ходе исследования применялись общенаучные методы анализа и синтеза, а также специально-юридические методы сравнительного и формально-логического анализа. В результате определены основные противоречия между эффективностью цифровых инструментов и необходимостью защиты прав участников процесса, в частности, конфликт оперативного доступа к данным и неприкосновенности частной жизни, проблема «чрезмерной автоматизации» и риски взыскания с доходов в цифровой экономике. Делается вывод о необходимости законодательного закрепления гарантий защиты персональных данных, сохранения гуманитарного контроля в автоматизированных процедурах и адаптации правовых норм к новым формам занятости и доходов.

Ключевые слова: цифровизация, исполнительное производство, взыскание алиментов, Федеральная служба судебных приставов, межведомственное электронное взаимодействие, персональные данные, правовые риски

DIGITALIZATION OF ENFORCEMENT PROCEEDINGS FOR ALIMONY RECOVERY IN THE RUSSIAN FEDERATION: NEW OPPORTUNITIES AND LEGAL RISKS

E. A. Sherstobitov

Student, Perm Branch of the Financial University under the Government
of the Russian Federation, Perm, Russia, sherstobitoviegor@yandex.ru
Scientific supervisor: E. A. Shisterova, Candidate of Pedagogic Sciences,
Associate Professor, Perm Branch of the Financial University
under the Government of the Russian Federation, Perm, Russia

Abstract. The article examines the process of digital transformation of the enforcement of alimony obligations in Russia. The subject of the analysis is the key digitalization tools implemented by the Federal Bailiff Service: the system of interdepartmental electronic interaction, the Unified Register of Enforcement Proceedings, the electronic writ of execution and automated decision-making systems. The purpose of the work is to identify and evaluate new opportunities to improve recovery efficiency, as well as to systematize the legal risks accompanying technological changes. The research used general scientific methods of analysis and synthesis, as well as special legal methods of comparative and formal logical analysis. As a result, the main contradictions between the effectiveness of digital tools and the need to protect the rights of participants in the process have been identified, in particular, the conflict between prompt access to data and the inviolability of private life, the problem of «excessive automation» and the risks of recovering from income in the digital economy. It is concluded that it is necessary to legislate guarantees for the protection of personal data, preserve humanitarian control in automated procedures and adapt legal norms to new forms of employment and income.

Keywords: digitalization, enforcement proceedings, alimony recovery, Federal Bailiff Service, interdepartmental electronic interaction, personal data, legal risks

Проблема взыскания алиментов в Российской Федерации сохраняет свою острую социальную значимость. Несмотря на широкий арсенал законодательно закрепленных мер принудительного исполнения [2], система долгое время сталкивалась с фундаментальными вызовами: сокрытием должниками реальных доходов, их переходом в неформальный сектор экономики, сложностями оперативного розыска имущества и счетов. Традиционные, «бумажные» и сильно бюрократизированные процедуры часто не «поспевали» за уклоняющимися плательщиками, что ставило под угрозу реализацию конституционного принципа защиты детства [7].

Ответом на эти системные проблемы стала масштабная цифровая трансформация деятельности Федеральной службы судебных приставов (ФССП России) [1]. Внедрение информационных технологий кардинально меняет парадигму исполнительного производства, превращая его из преимущественно реактивного в проактивное. Однако этот прогресс сопряжен с новыми сложными вопросами на стыке права, технологий и этики.

Целью данной статьи является комплексный анализ новых возможностей, которые цифровизация открывает для повышения эффективности взыскания алиментов, а также выявление и систематизация правовых рисков, порождаемых этим процессом. Достижение цели предполагает решение следующих задач: исследовать ключевые инструменты цифровизации в контексте исполнительного производства по алиментам; оценить их практическую эффективность; выявить основные правовые коллизии и риски; сформулировать предложения по минимизации выявленных рисков и дальнейшему развитию правового регулирования.

Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в процессе цифровизации принудительного исполнения алиментных обязательств. Предмет – нормы российского законодательства, регулирующие использование информационных технологий в исполнительном производстве, а также практика их применения ФССП России [8].

1. Новые возможности: цифровые инструменты в арсенале пристава-исполнителя. Цифровизация создала принципиально новую технологическую инфраструктуру для

взыскания алиментов, основу которой составляет система межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ). Данный инструмент позволяет судебному приставу-исполнителю в режиме реального времени направлять электронные запросы и получать ответы от ключевых государственных и финансовых информационных систем. Это радикально сократило сроки розыска активов должника. В частности, взаимодействие с Федеральной налоговой службой позволяет оперативно выявлять факты регистрации в качестве индивидуального предпринимателя или самозанятого. Интеграция с Росреестром дает мгновенный доступ к данным о правах на недвижимое имущество, а подключение к системе Банка России – информацию об открытых банковских счетах и движении средств. Как отмечает А. В. Савоськин, именно межведомственное взаимодействие стало краеугольным камнем, превратившим розыск из длительной процедуры в почти мгновенную операцию [4].

Вторым ключевым элементом является Единый реестр исполнительных производств (ЕРДИ), доступный в сети Интернет. Этот сервис обеспечивает беспрецедентную прозрачность процесса для взыскателя, который может в любое время отслеживать статус производства, действия пристава, сумму задолженности. Более того, через личный кабинет на портале госуслуг или сайте ФССП взыскатель может подавать ходатайства и заявления в электронной форме, что повышает доступность правовой защиты [6].

Важным шагом стала легализация электронного исполнительного листа (электронного документа, подписанного усиленной квалифицированной электронной подписью судьи). Его предъявление в ФССП или напрямую в банк или организацию-работодателю через «Систему межведомственного электронного документооборота» исключает бумажный носитель, ускоряя возбуждение производства и начало удержаний из заработной платы [2].

Наконец, происходит внедрение элементов автоматизации и прогнозной аналитики. Речь идет о создании автоматизированных систем, которые по заданным алгоритмам (например, при образовании задолженности свыше двух месяцев) могут самостоятельно формировать и направлять запросы, накладывать ограничительные меры (например, запрет на выезд) или готовить проекты постановлений. Это позволяет перераспределить ресурсы приставов с рутинных операций на сложные случаи, требующие индивидуального подхода [5].

2. Правовые риски и проблемы цифровой трансформации. Несмотря на очевидные преимущества, стремительная цифровизация порождает комплекс серьезных правовых рисков, требующих научного осмысления и законодательного реагирования.

2.1. Конфликт эффективности и права на неприкосновенность частной жизни. Широкомасштабный автоматический доступ государственного органа к массивам персональных данных граждан, аккумулированным в других ведомствах и банках, создает угрозу нарушения баланса, закрепленного в ст. 23, 24 Конституции РФ [7]. Правовым основанием такого доступа является исполнение публичной функции, однако необходима четкая законодательная регламентация его пределов, сроков хранения полученной информации и ответственности за ее неправомерное использование в рамках законов «О персональных данных» [3] и «Об исполнительном производстве» [2]. Существует риск создания «цифрового досье» на гражданина без надлежащих процессуальных гарантий.

2.2. Проблемы взыскания с доходов в «цифровой» и неформальной экономике. Цифровизация обнажила несовершенство материального права. Традиционные механизмы удержания из заработной платы слабо применимы к доходам, получаемым через цифровые платформы (фриланс, самозанятость через приложения, доход от контента в социальных сетях, криптоактивы). Хотя СМЭВ позволяет найти некоторые следы такой деятельности, механизм регулярного автоматического удержания алиментов с подобных нестабильных и диверсифицированных потоков доходов законодательно не отлажен [5]. Должник может оперативно выводить средства, что требует от пристава постоянного «цифрового преследования».

2.3. Риск «чрезмерной автоматизации» и дегуманизации процесса. Перекладывание решений на алгоритмы несет угрозу формального подхода. Автоматическая система, ориентированная на формальные признаки (сумма долга, срок), может не учесть исключительные жизненные обстоятельства должника (тяжелая болезнь, временная нетрудоспособность). Это противоречит принципу индивидуализации исполнительного производства и может привести к несправедливому применению жестких ограничительных мер, усугубляя и без того сложное положение должника и, парадоксальным образом, снижая возможность погашения задолженности [5, 6].

2.4. Технические уязвимости и проблема кибербезопасности. Централизация и цифровизация данных ФССП создают привлекательную цель для кибератак. Утечка информации об исполнительных производствах, доходах, имуществе миллионов граждан может иметь катастрофические последствия. Кроме того, существуют риски технических сбоев, ошибок в алгоритмах или при интеграции систем, которые могут привести к неправомерным действиям (например, ошибочному аресту счетов). Вопрос распределения ответственности за такие ошибки между разработчиком программного обеспечения и государственным органом остается дискуссионным.

2.5. «Цифровое неравенство» взыскателей. Эффективное использование электронных сервисов (ЕРДИ, личный кабинет) требует цифровой грамотности и постоянного доступа к интернету. Пожилые родственники, воспитывающие детей, или социально уязвимые граждане могут оказаться в неравном положении по сравнению с более технологически подкованными взыскателями, не имея возможности оперативно контролировать процесс и взаимодействовать с приставом онлайн [6].

Цифровизация исполнительного производства по взысканию алиментов – это объективный и необходимый процесс, доказавший свою эффективность в увеличении собираемости платежей и скорости реагирования [4]. Однако, как показывает проведенный анализ, он не является панацеей и создает новые «цифровые» вызовы для правового государства.

Для минимизации выявленных рисков и гармоничного развития системы представляется необходимым:

1. Закрепить на законодательном уровне гарантии защиты персональных данных в рамках межведомственного электронного взаимодействия при взыскании алиментов [2, 3]. Четко определить в законе перечень запрашиваемых сведений, цели их использования, сроки хранения и порядок уничтожения. Внедрить принцип «минимальной достаточности» запрашиваемых данных.

2. Адаптировать законодательство об исполнительном производстве и налоговое законодательство для эффективного охвата доходов от цифровой деятельности [5]. Рассмотреть возможность создания механизма прямого удержания алиментов

с поступлений на электронные кошельки и счета, открытые на маркетплейсах, при условии обеспечения гарантий для плательщика.

3. Сохранить гуманитарные контрольные точки в автоматизированных процедурах. Любое решение, существенно затрагивающее права граждан (например, наложение запрета на выезд), должно в обязательном порядке проходить утверждение судебным приставом-исполнителем, который обязан проверить отсутствие исключительных обстоятельств. Алгоритм должен носить вспомогательный, рекомендуемый характер [5, 6].

4. Развивать альтернативные и восстановительные практики в цифровой среде. Создать и популяризировать безопасные онлайн-платформы для медиации между взыскателем и должником, что может помочь разрешить конфликт и установить график платежей без применения жестких принудительных мер.

5. Обеспечить обязательное сохранение «аналоговых» каналов взаимодействия для граждан, не имеющих возможности или навыков использования цифровых сервисов. Доступ в офисы ФССП [1, 8] и возможность подачи бумажных документов должны оставаться гарантированными [6].

Таким образом, дальнейший путь цифровизации должен быть сбалансированным. Технологии должны служить инструментом для реализации права ребенка на содержание, а не превращаться в самоцель, создающую новые формы уязвимости и социальной несправедливости. Задача законодателя и правоприменителя – создать такую правовую экосистему, где эффективность цифровых инструментов будет сочетаться с надежными гарантиями прав и свобод всех участников исполнительного производства.

Библиографический список

1. О Федеральной службе судебных приставов: федер. закон Рос. Федерации от 21 июля 1997 г. № 118-ФЗ (в ред. от 04.08.2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 30, ст. 3590. С. 7201–7213.

2. Об исполнительном производстве: федер. закон Рос. Федерации от 2 окт. 2007 г. № 229-ФЗ (в ред. от 27.12.2023 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2007. № 41. Ст. 4849. С. 9871–10002.

3. О персональных данных: Федер. закон Рос. Федерации от 27 июля 2006 г. № 152-ФЗ (в ред. от 14.07.2022 г.) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2006. № 31 (1 ч.). Ст. 3451. С. 7001–7011.

4. Савоськин А. В. Цифровизация как фактор повышения эффективности взыскания алиментов // Исполнительное право. 2022. № 3. С. 28–35.

5. Амиров Р. Р. Проблемы эффективности принудительного исполнения исполнительных документов о взыскании алиментов // Исполнительное право. 2023. № 1. С. 12–16.

6. Федорова А. А. Доступность правосудия и эффективность исполнения: взыскание алиментов в цифровую эпоху // ЭЖ-Юрист. 2023. № 18. С. 45–52.

7. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 15.03.2024).

8. Официальный сайт Федеральной службы судебных приставов России. URL: <https://fssp.gov.ru> (дата обращения: 10.03.2024).

СИСТЕМА ПОВЫШЕНИЯ КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕПОДАВАТЕЛЕЙ КОЛЛЕДЖА В ОБЛАСТИ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ

Е. А. Шистерова

Канд. пед. наук, доцент, EAShisterova@fa.ru
Пермский филиал Финансовый университет
при Правительстве Российской Федерации

Аннотация. Предметом исследования служит система повышения квалификации преподавателей профессиональной образовательной организации. Цель работы – показать ретроспективу становления системы в Пермском филиале Финуниверситета в соответствии с быстро меняющимися требованиями цифровой экономики к подготовке современных специалистов со средним профессиональным образованием. Процесс синхронизации требований рынка труда и программ подготовки востребован постоянно. Поэтому система повышения квалификации преподавателей в области цифровых технологий остается актуальной и требует постоянного развития и совершенствования.

Ключевые слова: информационные технологии, цифровые компетенции, система повышения квалификации, искусственный интеллект

SYSTEM FOR ADVANCED TRAINING OF COLLEGE TEACHERS IN THE FIELD OF INFORMATION TECHNOLOGY

E. A. Shisterova

Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor,
Perm Branch of the Financial University under the Government of the Russian Federation,
Perm, Russia, EAShisterova@fa.ru

Abstract. The subject of this study is the professional development system for teachers at a professional educational organization. The aim of the paper is to provide a retrospective of the system's development at the Perm branch of the Financial University in line with the rapidly changing demands of the digital economy for the training of modern specialists with secondary vocational education. The process of synchronizing labor market requirements and training programs is constantly in demand. Therefore, the system for professional development of teachers in the field of digital technologies remains relevant and requires continuous development and improvement.

Keywords: information technology, digital competencies, advanced training system, artificial intelligence

В современном мире стремительно меняются технологии и методы обучения. Также стремительно меняется государственная политика в сфере образования. Утверждаются новые стандарты, появляются новые профессии и направления подготовки в соответствии с глобальными изменениями экономики.

Запросы на образование у обучаемых и их родителей также меняются. В такой ситуации принципиально важным становится вопрос о готовности и способности преподавателей соответствовать этим новым запросам и потребностям. Все это обуславливает повышенные требования к квалификации педагога СПО.

Изменения, происходящие в профессиональном образовании, требуют от преподавателей и руководителей образовательной организации постоянного самосовершенствования. Это потребовало изменить подходы к организации повышения квалификации работников филиала, перенести акцент на формирование цифровых компетенций.

Повышение квалификации педагогов в филиале реализуется на основании применения системного подхода. Он включает в себя три уровня организации профессиональной подготовки и переподготовки педагогов [1]:

1. Внутриорганизационный, объединяющий повседневную педагогическую работу, ориентированную на развитие профессионального мастерства преподавателя.

2. Самообразование, которое выражается в ознакомлении с педагогической литературой, инновационными направлениями педагогической деятельности, открытиями в области педагогики, освоении инновационных методов организации учебно-воспитательной работы, применении новых форм и технологий. Педагоги посещают семинары, вебинары, лекции, чтобы повысить уровень своих знаний и практических навыков в области ИТ. Самообразование играет большую роль в развитии профессионального мастерства педагога.

3. Прохождение курсов подготовки и переподготовки педагогических кадров. Педагог раз в три года должен пройти курсы по повышению квалификации. Кроме того, педагог сам может выбрать для себя курсы, способствующие углублению знаний и расширению педагогического опыта как через Кузницу кадров Финуниверситета, так и в других образовательных организациях.

Повышение профессионального мастерства педагогов реализуется в филиале также одним из следующих видов деятельности:

1. Прохождение стажировки для преподавателей профессионального цикла с периодичностью не реже чем раз в три года.

2. Профессиональная переподготовка. Для расширения спектра навыков педагога и сферы их применения.

3. Аспирантура. Это уровень получения научного образования и ученой степени. Педагог, желающий заняться научно-исследовательскими педагогическими работами, поступает в аспирантуру, обучение в которой предполагает проведение исследований и формирование выводов на их основе.

Сложившаяся в филиале система повышения квалификации педагогических работников в области ИТ включает следующие направления:

1. Обучение и повышение квалификации: прохождение профессиональных курсов и вебинаров, посвященных актуальным ИТ-технологиям, цифровым инстру-

ментам и платформам; самостоятельное изучение и освоение нового программного обеспечения и сервисов для улучшения учебного процесса.

Проведен анализ процессов повышения квалификации преподавателей филиала с 2022 г. Рассматривались только курсы, направленные на развитие таких компетенций, как информационная, коммуникативная, создание цифрового контента, цифровая безопасность и навыки решения проблем в цифровой среде.

В 2022 г. 42 % преподавателей прослушали два курса: «Разработка электронных ресурсов в СДО Moodle» и «Опыт разработки и применения ДОТ в высшем образовании».

В 2023 г. 77 % преподавателей изучили 7 курсов: «ИТ в профессиональной деятельности педагога СПО», «Симуляторы и нейрогаджеты в образовании», «Цифровая трансформация образовательного процесса», «Путь к интеллекту», «Основы информационной безопасности», «Инновационные методы преподавания в цифровую эпоху», «Элементы цифровой дидактики».

В 2024 г. 61 % преподавателей обучались на следующих курсах: «Создание электронных курсов: от теории к практике», «ИТ в подготовке специалистов финансово-экономической сферы», «Применение инструментов VR в учебном процессе», «Цифровой куратор: сопровождение обучающихся в цифровой образовательной среде», «Применение VR/AR в образовании, науке и киберспорте», «Цифровая трансформация экономики в реальной жизни», «ИИ на службе филологии: основы цифровой грамотности».

За 2025 г. 27 % преподавателей прослушали 2 курса: «ИТ в деятельности преподавателя: работа в электронной среде КонсультантПлюс» и «Школа академического совершенства: ИИ».

Анализ показал следующее:

- увеличивается количество курсов повышения квалификации в области цифровой экономики и дидактики;
- растет их разнообразие по тематике и по длительности;
- в содержании курсов меняются акценты от дистанционных образовательных технологий до ИИ и VR;
- быстрая смена кадрового состава требует постоянного обучения педагогов в области ИТ.

2. Методическая работа – вторая составляющая системы повышения квалификации педагогов в области ИТ и включает в себя участие в работе методических объединений и творческих групп для обмена опытом и наработками в области применения ИТ, проведение внутренних мастер-классов и тренингов для коллег [3].

За три учебных года педагоги филиала участвовали в обсуждении вопросов цифровой экономики, цифровой дидактики, развития ИТ, требований регионального рынка труда. Этим проблемам были посвящены три педагогических совета, шесть научно-методических советов, девять заседаний Школы педагогического мастерства.

Анализ методической составляющей системы повышения квалификации показал, что наиболее проблемным аспектом в цифровой дидактике является практико-ориентированность образовательного процесса. При этом мониторинг цифрового контента и цифровых следов преподавателей и обучаемых в LMS Moodle должен осуществляться системно.

3. Практическое применение и инновации – еще одна оставляющая системы повышения квалификации в филиале. Включает в себя интеграцию ИТ в повседневную преподавательскую деятельность, использование онлайн-платформ, мультимедийных презентаций, разработку и внедрение инновационных педагогических технологий, основанных на цифровых инструментах, а также проектную и исследовательскую деятельность, направленную на изучение и применение новых ИТ-решений в образовании. Результаты своей педагогической деятельности педагоги активно демонстрируют, участвуя в многочисленных конкурсах профессионального мастерства в области ИТ [4]. За три учебных года 60 % педагогов филиала приняли участие в трех международных, трех региональных и шести внутрифилиальных конкурсах. Большинство из них удостоены наград и призов победителей.

Анализ практического применения и инноваций показал:

- системное проведение профессиональных конкурсов позволяет обобщать и распространять передовой опыт в области ИТ в образовании. Большая часть педагогов филиала принимает активное участие в конкурсах;

- цели, формы конкурсов постоянно совершенствуются, привлекая все большее количество участников.

4. Четвертая составляющая системы повышения квалификации педагогов филиала в области ИТ – цифровая грамотность и безопасность. Состоит в развитии навыков безопасного использования цифровых ресурсов, включая соблюдение этических и правовых норм [3].

Реализация системы повышения квалификации сопровождается системным мониторингом и коррекционными мероприятиями. В филиале проведено исследование сформированности цифровых компетенций педагогов в контексте федерального проекта «Кадры для цифровой экономики» национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации».

Были применены шкалы для оценки и измерения данных компетенций, разработанные сотрудниками Университета Иннополис и Института перспективных исследований и цифровых решений в сфере науки и образования РУДН.

В целом подтвердилось предположение, что молодежь лучше разбирается в ИТ, чем более опытные педагоги. Чем старше педагог, тем ниже уровень владения цифровыми компетенциями. Однако резкий контраст наблюдается только между самыми молодыми и самыми опытными участниками исследования.

Если рассматривать отдельные компетенции, то наблюдаются следующие тенденции:

1. Уровень владения компетенциями в сфере «Применение цифровых продуктов и цифровых образовательных ресурсов»: максимальный – в 25–30 лет, снижается после 36 лет.

2. Уровень владения компетенциями в сфере «Воспитание личности в условиях цифровой экономики» достаточно высокий до 35 лет и максимальный в возрасте 36–50 лет, после 50 лет начинает снижаться.

3. Уровень владения компетенциями в сфере «Цифровая дидактика»: максимальный в возрасте 25–35 лет, после 65 лет остается на низком уровне.

4. Уровень владения компетенциями в сфере «Оценка и учебная аналитика»: наиболее высокий уровень в 36–50 лет. При этом компетенции сохраняются на достаточном уровне и после 65 лет.

5. Уровень владения компетенциями в сфере «Инклюзивность и индивидуализация»: максимальный в возрасте 36–50 лет, снижается после 65 лет.

6. Уровень владения компетенциями в сфере «Цифровая безопасность и культура работы с данными»: максимальный в возрасте 36–50 лет и сохраняется на достаточном уровне во всех возрастах.

Наиболее оптимальный возраст владения цифровыми компетенциями у педагогов филиала – от 25 до 50 лет.

Сложившаяся в филиале система повышения квалификации педагогов в области ИТ эффективна, постоянно развивается и совершенствуется, охватывает большинство членов педагогического коллектива.

Библиографический список

1. Цифровая переподготовка: обучение руководителей образовательных организаций / Э. Ф. Алиева, А. С. Алексеева, Э. Л. Ванданова, Е. В. Карташова, Г. В. Резапкина // Образовательная политика. 2020. № 1 (81). С. 54–61. URL: <https://edpolicy.ru/digital-retraining>.

2. Константинова Д. С., Кудаева М. М. Цифровые компетенции как основа трансформации профессионального образования // Экономика труда. 2020. Т. 7, № 11. С. 1055–1072. DOI 10.18334/et.7.11.111073

3. Колыхматов В. И. Профессиональное развитие педагога в условиях цифровизации образования : учеб.-метод. пособие. СПб.: ЛОИРО, 2020. 135 с.

4. Развитие цифровых компетенций педагогов (в том числе в условиях сельской школы) : учеб.-метод. пособие / А. А. Галиакберова, Э. Х. Галямова, М. И. Захарова [и др.]; под ред. И. М. Захаровой, З. М. Филатовой. Набережные Челны : Набережночелн. гос. пед. ун-т, 2021. 98 с. Текст: электронный // Цифровой образовательный ресурс IPR SMART : сайт. URL: <https://www.iprbookshop.ru/135581.html>.

5. Уваров А.Ю. Модель цифровой школы и цифровая трансформация образования. // Исследователь/Researcher. 2019. №1-2 (25-26). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/model-tsifrovoy-shkoly-i-tsifrovayatransformatsiya-obrazovaniya>

**ПРАВОВЫЕ И ЭТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ
ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ГЕНЕРАТИВНОГО ИИ
В СОЗДАНИИ МЕДИАКОНТЕНТА: НА ПРИМЕРЕ
DEEPFAKE-ТЕХНОЛОГИЙ И АВТОРСКОГО ПРАВА**

В. Ю. Щукина

Студентка, Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Пермь, Россия, viktorina.shche25@gmail.com

Научный руководитель: Э. Р. Кузнецова, д-р экон. наук, профессор,
Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Пермь, Россия

Аннотация. Статья посвящена комплексному анализу правовых и этических вызовов, связанных с использованием технологий генеративного ИИ и дипфейков в создании медиаконтента. Цель работы – выявить пробелы в российском законодательстве, оценить масштаб этических угроз (дезинформация, нарушение прав личности) и предложить сбалансированные рекомендации для формирования эффективной системы регулирования. В исследовании анализируются правовая неопределенность статуса синтетического контента, проблемы обучения нейросетей на охраняемых материалах, а также актуальные судебные прецеденты и статистика, демонстрирующая рост рисков. Практическая значимость заключается в применимости результатов для совершенствования правоприменения, разработки корпоративных стандартов и образовательных программ. Ключевой вывод: минимизация угроз требует скоординированного многоуровневого подхода, включающего развитие законодательства, формирование судебной практики, поддержку технологий детекции и просвещение общества.

Ключевые слова: искусственный интеллект, дипфейк, медиаконтент, правовое регулирование, авторское право, цифровая этика, дезинформация, кибербезопасность

**LEGAL AND ETHICAL ISSUES OF USING GENERATIVE AI
IN MEDIA CONTENT CREATION: A CASE STUDY
OF DEEPFAKE TECHNOLOGIES AND COPYRIGHT**

V. U. Shchukina

Student, Perm Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Perm, Russia, viktorina.shche25@gmail.com

Scientific supervisor: E. R. Kuznetsova, Doctor of Economics, Professor,
Perm Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Perm, Russia

Abstract. The article is dedicated to a comprehensive analysis of the legal and ethical challenges associated with the use of generative AI and deepfake technologies in the creation of media content. The aim of the work is to identify gaps in Russian legislation, assess the scale of ethical threats (disinformation, violation of personal rights), and propose balanced recommendations for

the formation of an effective regulatory system. The study analyzes the legal uncertainty of the status of synthetic content, issues of training neural networks on protected materials, as well as current court precedents and statistics demonstrating the growth of risks. The practical significance lies in the applicability of the results for improving law enforcement, developing corporate standards, and educational programs. The key conclusion is that minimizing threats requires a coordinated, multi-level approach, including the development of legislation, the formation of judicial practice, support for detection technologies, and public education.

Keywords: artificial intelligence, deepfake, media content, legal regulation, copyright, digital ethics, misinformation, cybersecurity

Активное развитие генеративного искусственного интеллекта (ИИ) в последние годы существенно трансформирует рынок медиаконтента. Одними из наиболее обсуждаемых технологий стали deepfake-технологии, позволяющие создавать реалистичные изображения, видео и аудиозаписи с подменой личности. Наряду с экономическими возможностями данные технологии создают серьезные правовые и этические риски, прежде всего связанные с нарушением авторских прав, права на изображение и деловой репутации [1–3, 5].

Использование таких технологий в медиасфере ставит новые вызовы, связанные также с влиянием на общественное мнение и личную безопасность граждан [9, 11]. Стремительный технологический прогресс в эпоху глобализации обнажает системное отставание существующих правовых норм от реальной практики и формирует в них значительные пробелы. При этом международный опыт регулирования этой сферы демонстрирует разнообразные, но не универсальные подходы [6, 9].

Все это делает особенно актуальным глубокий анализ ситуации для формирования адекватных и сбалансированных правовых механизмов. Учет как внутренних потребностей, так и мировых тенденций необходим для построения эффективной системы регулирования, способной защитить интересы личности и общества в цифровую эпоху [6, 9].

С точки зрения российского законодательства вопросы использования ИИ и deepfake-технологий регулируются нормами гражданского права, законодательства об интеллектуальной собственности и персональных данных [1, 3, 5]. Согласно Гражданскому кодексу РФ (ст. 1255, 1259) объектами авторского права являются произведения науки, литературы и искусства, созданные творческим трудом человека [1, 4, 6]. Контент, созданный исключительно ИИ, не имеет однозначного правового статуса, что создает правовую неопределенность в вопросах его создания, использования и ответственности за нарушение прав [1, 4, 6].

Проблема усугубляется тем, что при обучении нейросетей используются массивы данных, включающие охраняемые авторским правом произведения. По данным исследований, более 70 % генеративных моделей обучаются на контенте без прямого согласия правообладателей, что ставит под сомнение законность такой обработки данных в рамках действующего законодательства об интеллектуальной собственности (гл. 70 ГК РФ) [1, 4, 6]. Кроме того, создание deepfake с использованием изображения гражданина затрагивает его право на собственное изображение (ст. 152.1 ГК РФ) [1, 5], а распространение ложной или порочащей информации с помощью таких технологий может быть квалифицировано как нарушение права на

деловую репутацию (ст. 152 ГК РФ), или диффамация [1]. Не менее актуальны вопросы обработки биометрических персональных данных, подпадающие под регулирование федерального закона «О персональных данных» (№ 152-ФЗ) [3, 5].

Таким образом, существующие правовые нормы, отставая от технологической реальности, образуют значительные пробелы [4, 9]. Это делает особенно актуальным анализ сложившейся ситуации для выработки эффективных правовых механизмов. Учет как внутренних потребностей, так и международного опыта регулирования необходим для построения сбалансированной системы, способной защитить интересы личности, правообладателей и общества в цифровую эпоху [6, 9].

Этические риски, связанные с deepfake, выходят далеко за рамки правового поля и затрагивают основы общественного доверия и личной автономии [5, 11]. Эти технологии создают беспрецедентные возможности для манипуляции общественным мнением, целенаправленного распространения дезинформации и нанесения морального, репутационного или психологического вреда конкретным людям [9, 11]. Использование цифрового образа человека без его осознанного согласия грубо нарушает ключевые принципы цифровой этики, такие как автономия личности, приватность и уважение человеческого достоинства [5, 11].

Принципиально новую опасность представляет собой потенциальное объединение генеративных моделей в мультиагентные системы, способные проводить скоординированные кампании дезинформации практически без вмешательства человека. Такая сеть может включать агентов для анализа трендов, генерации текстов, создания фейкового видео и управления фейковыми аккаунтами [9, 11]. Максимальную эффективность этим кампаниям придает гиперперсонализация контента на основе больших данных: ИИ анализирует психологические профили и создает сообщения, идеально подстроенные под страхи, ценности и эмоциональное состояние целевой аудитории [11]. Это порождает феномен «перформативного предсказания», когда массово распространяемая ИИ ложная идея начинает формировать новую социальную реальность, провоцируя панические настроения или экономические решения [11]. Отдельным риском является идеологическая предвзятость крупных языковых моделей, которые, обучаясь на массивах данных, непреднамеренно начинают транслировать ценности и политические склонности своих создателей, что может незаметно смещать медийный и общественный дискурс [11].

Масштаб угрозы подтверждается статистикой: по данным исследовательской компании Home Security Heroes, количество обнаруженных случаев использования deepfake в интернете выросло с 14 678 в 2020 г. до 95 820 в 2023 г., то есть более чем в 6,5 раз за три года [9, 11]. Эта экспоненциальная динамика наглядно демонстрирует, как быстро технологические риски трансформируются в реальные социальные угрозы, требующие немедленного осмысления и системного реагирования [9, 11].

Глубина правовых и этических проблем становится особенно очевидной при анализе конкретных прецедентов, которые уже формируют практику применения deepfake-технологий в реальном мире.

Ярким примером нарушения личных прав стал вирусный deepfake-аккаунт, создававший контент от лица известного голливудского актера – Тома Круза – в соцсетях [7, 9]. Хотя сам актер не подавал официального иска, массовое распространение его цифрового двойника без какого-либо согласия спровоцировало публичную дискуссию о границах допустимого использования образа человека [5, 7]. По-

добные ситуации не единичны: в последнее время образы и голоса иных публичных фигур систематически использовались для продвижения финансовых пирамид, псевдомедицинских услуг и политической дезинформации, демонстрируя превращение технологии в инструмент массового обмана [7– 9].

В российском контексте значительный резонанс вызвали случаи, когда мошенники, используя нейросети для имитации голоса руководителя, похищали средства компаний [8]. Экспертные оценки указывают, что ежегодный совокупный ущерб от подобных атак для бизнеса в РФ исчисляется миллиардами рублей, что ставит вопрос о необходимости разработки специальных защитных протоколов и нормативного регулирования [8].

Однако технология имеет и легальное применение при условии соблюдения правовых норм. Отдельные медиахолдинги и рекламные агентства начинают заключать с актерами и знаменитостями специальные лицензионные соглашения, разрешающие создание и коммерческое использование их синтетических образов [5, 10]. Так, российский оператор связи «Мегафон» реализовал рекламную кампанию с использованием цифрового образа Брюса Уиллиса, заранее получив на это его официальное согласие [5]. Несмотря на правомерность, даже такие проекты вызывают этические дискуссии о природе цифрового наследия и допустимости «воскрешения» образов для коммерческих целей, что указывает на неочевидность многих возникающих вопросов даже в рамках легального поля [5, 10]. При этом российские суды уже сформировали важнейший прецедент, признавший дипфейки объектами авторского права. В 2024 г. Арбитражный суд Москвы, а затем и 9-й арбитражный апелляционный суд по делу № А40-200471/2023 обязали компанию «Бизнес-аналитика» выплатить 500 тыс. руб. компенсации за незаконное использование видеоролика с цифровым образом Киану Ривза, созданного по заказу «Рефейс Технолоджис» [10]. Суды последовательно указали, что технология deepfake является лишь «дополнительным инструментом обработки (технического монтажа)», а не способом создания видеоматериала, и что личный творческий вклад авторов (сценарий, съемка, работа со сценарием) является достаточным для охраны произведения по Гражданскому кодексу РФ [10]. Это решение, поддержанное позднее и Судом по интеллектуальным правам, создает фундаментальную основу для правоприменения, устанавливая принцип ответственности человека за контент, созданный с помощью ИИ [4, 10].

Эти примеры наглядно демонстрируют, насколько широко и глубоко технология уже интегрировалась в цифровую и деловую среду. Масштаб проблемы и парадоксальность текущего момента становятся полностью очевидными при рассмотрении количественных данных. Статистика высвечивает двойственную реальность: стремительное внедрение технологий бизнесом происходит на фоне растущей уязвимости рядовых пользователей.

Хотя 64 % потребителей уверены в своей способности распознать подделку, данные контролируемых исследований представляют совершенно иную картину. Так, по данным Mimecast, лишь 0,1 % участников смогли корректно идентифицировать все представленные им реальные и сгенерированные материалы [11]. В России ситуация аналогична: опрос MWS AI показал, что более 60 % граждан не смогли отличить сгенерированные нейросетью изображения лиц от реальных фотографий [11]. Это подтверждается и исследованием Аналитического центра НАФИ, согласно которому 43 % россиян признали, что не смогут распознать дипфейк-контент [11].

В то же время корпоративный сектор стремится не отстать от технологической гонки. Согласно исследованию СберАналитики, 40 % российских IT-компаний уже имеют полноценно внедренные проекты на основе генеративного ИИ [11]. В глобальном масштабе эта тенденция еще заметнее: 59 % компаний планируют инвестиции в автономные ИИ-системы, которые могут работать без постоянного контроля человека [11]. Однако здесь возникает парадокс: сотрудники начинают использовать ИИ-инструменты втрое чаще, чем предполагает руководство, что создает серьезные риски для конфиденциальности данных [11].

Представленная статистика выявляет критический дисбаланс: скорость внедрения технологий бизнесом и распространения синтетического контента опережает способность общества распознавать подделку. Это создает «питательную среду» для правовых и этических рисков – от мошенничества до манипуляции [8, 9, 11]. В итоге ключевой проблемой становится человеческий фактор, что делает системное просвещение и цифровую гигиену задачей не менее важной, чем разработка законов или детективных алгоритмов [9, 11].

Для противодействия возникающим угрозам необходимо комплексное развитие как технических, так и организационных мер. Обязательная маркировка контента, созданного ИИ, призвана помочь пользователям критически оценивать информацию [4, 6]. Параллельно ведется разработка алгоритмов детекции, включая такие инструменты, как Microsoft Video Authenticator, Intel FakeCatcher, а также отечественные системы «Вепрь» и «Зефир» [9]. Однако на российском рынке эксперты признают, что совершенствование технологий создания подделок часто опережает возможности их обнаружения, несмотря на наличие решений, основанных на мультимодальном анализе и глубоких нейросетях [9]. Важным организационным ответом является деятельность Альянса в сфере искусственного интеллекта в России, который объединяет вузы и IT-компании для разработки этических норм [9]. Внедрение подобных стандартов – необходимое дополнение к правовому регулированию [4, 6, 9].

При этом дипфейки создают новую, парадоксальную угрозу для самой правовой системы через феномен «галлюцинаций» генеративного ИИ [11]. В мировой и российской практике участились случаи, когда юристы, используя языковые модели, предоставляли суду вымышленные правовые нормы или ссылки на несуществующие судебные акты [11]. База данных, отслеживающая подобные инциденты, зафиксировала их резкий рост: с 10 случаев в 2023 г. до 73 за первые месяцы 2025 г. [11]. В России эти риски привлекли внимание на высшем уровне: Федеральная палата адвокатов предупреждает об утрате профессиональных навыков, а в Совете судей создана рабочая группа по вопросам использования ИИ [11]. Отдельный резонансный случай произошел в 2025 г., когда адвокат обжаловал обвинительный приговор, обнаружив в нем явные признаки машинного сгенерированного текста, что, по его мнению, нарушало принцип личного убеждения судьи [11]. Эта ситуация наглядно иллюстрирует, как технологии, призванные оптимизировать работу, могут подрывать основы правосудия при их нерегулируемом и непрозрачном применении [11].

Развитие генеративного ИИ и deepfake-технологий в медиасфере порождает системные правовые и этические вызовы [4, 5, 9, 11]. Ключевыми проблемами остаются неопределенный правовой статус синтетического контента, массовые нарушения авторских прав и уязвимость личности перед цифровыми манипуляциями [1, 4, 5, 8]. Решение требует комплексного подхода: синхронного развития законодательной ба-

зы, формирования взвешенной судебной практики и внедрения строгих отраслевых стандартов цифровой этики [4, 6, 9, 10]. На законодательном уровне приоритетом должно стать закрепление понятия «синтетический медиаконтент» и правил его маркировки, а также создание гибкого механизма лицензирования данных для обучения ИИ [4, 6]. В сфере правоприменения важно продолжить формирование прозрачной судебной практики, устанавливающей прецеденты ответственности за создание и распространение вредоносных дипфейков [1, 10]. Параллельно необходимо стимулировать разработку и внедрение отечественных технологий детекции, поддерживая отраслевые инициативы, подобные Альянсу в сфере ИИ [9]. Наконец, фундаментальной задачей является запуск масштабных образовательных программ по цифровой грамотности, нацеленных на все слои общества – от школьников до государственных служащих и судей [9, 11]. Только такой сбалансированный ответ позволит минимизировать риски, не подавляя инновационный потенциал технологий [4, 6, 9].

Библиографический список

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 24.02.2025) // Электронный фонд правовой и нормативно-технической документации «Техэксперт». URL: <https://docs.cntd.ru/document/902029607> (дата обращения: 15.12.2025).
2. Об авторском праве и смежных правах : закон Российской Федерации от 09.07.1993 № 5351-1 (утратил силу) // Сайт «КонсультантПлюс». URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_646/ (дата обращения: 15.12.2025).
3. «О персональных данных : федер. закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ» (ред. от 24.02.2025) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202402240010> (дата обращения: 15.12.2025).
4. ИИ и авторские права: кому принадлежит генерированный контент // Право.ru. 2025. 4 сент. URL: <https://pravo.ru/story/260252/> (дата обращения: 15.12.2025).
5. Пименов С. Этическое и юридическое руководство по ИИ-продюсированию контента // Персональный сайт Сергея Пименова. 2025. 5 авг. URL: <https://pimenov.ru/tpost/lxjsc0unh1-eticheskoe-i-yuridicheskoe-rukovodstvo-p> (дата обращения: 15.12.2025).
6. Митягин К. Авторские права на контент ИИ в 2025: риски, практика, регулирование // Nevsky Law. 2025. 13 июня. URL: <https://nevskylaw.ru/knowledge/avtorskie-prava-na-kontent-sozdannyj-s-pomoshchyu-ii> (дата обращения: 15.12.2025).
7. Шишкова Е. Топ-10 скандалов с участием нейросетей // vc.ru. 2024. 19 апр. URL: <https://vc.ru/id3039480/1135358-top-10-skandalov-s-uchastiem-neirosetei> (дата обращения: 15.12.2025).
8. Каждая пятая компания в РФ пострадала от дипфейков, самое опасное – подделка голоса начальника. Как защититься? // B1 Insights. 2025. 13 янв. URL: <https://b1.ru/insights/news/b1-materials-in-media/b1-rg-deepfake-and-spoofing-threats-for-business-13-january-2025/> (дата обращения: 15.12.2025).
9. Игнатьев А. Г., Курбатова Т. А. Дипфейки в цифровом пространстве: основные международные подходы к исследованию и регулированию: аналит. обзор / АНО «Центр глобальной ИТ-кооперации». М., 2023. 52 с. URL: <https://cgic.ru/upload/iblock/23f/67eesk6aig8owuk7brnrgwospccquaec.pdf> (дата обращения: 15.12.2025).
10. Апелляция согласилась с признанием дипфейка объектом авторского права // Право.ru. 2023. 28 февр. URL: <https://pravo.ru/news/252547/> (дата обращения: 15.12.2025).
11. Неренц Д. В. Дипфейк как одна из главных информационных угроз XXI века // Филология: научные исследования. 2025. № 9. С. 96–111. DOI: 10.7256/2454-0749.2025.9.75041. URL: https://www.nbpublish.com/library_read_article.php?id=75041 (дата обращения: 15.12.2025).

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В СОВРЕМЕННОМ ВУЗЕ

Р. И. Щукина

Канд. филос. наук, доцент,
Западно-Уральский институт экономики и права, Пермь, Россия,
raisa.schukina@mail.ru

Аннотация. Ключевой особенностью российской реальности в современных условиях являются трансформационные процессы социальной сферы, охватывающие и сферу вузовского образования. Трансформация российских вузов как приоритетных социальных институтов обусловлена рядом причин, в их числе усиливающаяся конкуренция, расширение функций клиентоориентированности с целью укрепления статуса Российской Федерации на международном уровне и привлечения в российские вузы иностранных студентов. Совершенствование межкультурных коммуникаций в вузовской среде является одним из ведущих факторов трансформационных процессов в системе высшего образования.

Ключевые слова: межкультурная коммуникация, трансформация коммуникативного пространства в вузе, социокультурная адаптация и интеграция, эффективные межкультурные технологии, социальные практики, трансформационные процессы

INTERCULTURAL COMMUNICATION AS A FACTOR IN TRANSFORMATION PROCESSES IN A MODERN UNIVERSITY

R. I. Shchukina

Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor,
West Ural Institute of Economics and Law,
Perm, Russia, raisa.schukina@mail.ru

Abstract. A key feature of the Russian reality in the current context is the transformational processes in the social sphere, which also encompasses higher education. The transformation of Russian universities as priority social institutions is driven by a number of factors, including increasing competition and the expansion of customer-focused functions aimed at strengthening the status of the Russian Federation internationally and attracting international students to Russian universities. Improving intercultural communication within the university environment is one of the leading factors in the transformational processes in the higher education system.

Keywords: intercultural communication, transformation of the communicative space in the university, sociocultural adaptation and integration, effective intercultural technologies, social practices, transformation processes

Ключевой особенностью российской реальности в современных условиях являются трансформационные процессы социальной сферы, которые охватывают и сферу образования, в том числе вузовского. Термин «трансформация» (transformatio) в переводе с латинского языка означает «преобразование», «превращение». В этом контексте применительно к социуму суть трансформации возможно трактовать как значительные и системные изменения, влияющие на социальную систему в целом. Сущностное содержание трансформации включает базовые качественные изменения, происходящие под воздействием внешних и внутренних факторов. По сути, трансформация – неотъемлемое свойство и базовое основание социального развития, динамики социального пространства в целом. В нашем случае это сфера высшего образования. При этом традиционные и стабильные социальные институты данной сферы – высшие учебные заведения – вынуждены динамично реагировать на современные вызовы трансформационных процессов и, следуя модернизационным тенденциям, разрабатывать и внедрять инновационные технологии и практики социальных взаимодействий в рамках их профессионально-функционального предназначения.

Вузы России на современном этапе активно включаются в процессы трансформации и интернационализации сферы образования. Студенческая среда становится уникальным пространством межкультурного взаимодействия, где формируются не только профессиональные компетенции, но и навыки межкультурной коммуникации. Актуальность исследуемой проблемы обусловлена рядом факторов. Во-первых, усложнением коммуникативного пространства вузов, которое характеризуется многомерностью и изменчивостью коммуникативных структур, появлением и системным обновлением новых форм и каналов обмена информацией. Это связано с развитием технологий, глобализацией, «массовизацией» коммуникации и другими факторами, которые влияют на содержание коммуникативных процессов. Во-вторых, наблюдается рост числа иностранных студентов в российских вузах, в связи с чем актуализируется фактор обновления коммуникативно-образовательного пространства высшей школы за счет этого контингента студентов.

Согласно статистическим данным, в России отмечается устойчивая тенденция количественного роста иностранных студентов в российских вузах. Во исполнение указа Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 и в рамках национального проекта «Образование» (федеральный проект «Экспорт образования») поставлена задача увеличения количества иностранных граждан, обучающихся в российских вузах. По состоянию на предыдущий учебный год, в российских университетах, включая филиалы, училось 414 тыс. иностранных студентов [1]. В первой половине 2025 г. количество вновь прибывших иностранцев увеличилось примерно на 6 %, достигнув отметки в 170 тыс. Большинство иностранных студентов представляют регионы СНГ, Ближнего Востока и Азии.

В последующие годы их число должно увеличиваться в среднем на 20 тыс. ежегодно [2]. В Пермском крае иностранные студенты обучаются в большинстве вузов. В частности, в Пермском государственном национальном исследовательском университете (далее – ПГНИУ) количество иностранных студентов в текущем учебном году составляет 1054 человека. Это представители стран СНГ, Ближнего Востока и Азии [3]. Кроме того, общий контингент обучающихся отличается многонацио-

нальностью за счет представителей различных этносов из Пермского края и других регионов Российской Федерации. Таким образом, полиэтничность становится естественным признаком студенческой среды и вузовского пространства в целом. Этнокультурные особенности, языковые барьеры и различия в социальных нормах обучающихся обуславливают необходимость трансформации процессов обучения и воспитания в вузовской среде во избежание возникновения конфликтов и разногласий между студентами различных национальностей. В этом контексте особую актуальность приобретает межкультурная коммуникация как реальный и действенный механизм трансформационных процессов в вузе в условиях полиэтничности студенческого сообщества, а исследование специфики межкультурного взаимодействия в академической среде требует особого внимания. Отметим, что межкультурная коммуникация как вид взаимодействия в вузе – обоюдно зависимый процесс, в котором задействованы как местные, так и иностранные студенты. «Приезд иностранных граждан в Россию вносит изменения в их образ жизни, теряются налаженные годами коммуникативные связи, начинается адаптация, которая понимается как сложный, многосоставной процесс приспособления иностранного студента к условиям новой среды» [4]. По результатам опроса в 2025 г., большинство иностранных студентов (82 %) отметили, что до поступления в вузы не проживали в России: адаптация для них проходит «с нуля» [5]. И для местных студентов определенные нормы поведения обучающихся представителей из зарубежных стран часто непривычны и могут быть восприняты как конфликтогены. Данные факторы побуждают трансформировать систему вузовского образования в условиях глобализационных вызовов. Отсутствие опыта межкультурного общения и недостаточное развитие соответствующих компетенций, а также некоторая естественная настороженность местного сообщества могут провоцировать непонимание, асоциальные стереотипы поведения и возникновение конфликтных ситуаций, что, в свою очередь, может негативно влиять на образовательный процесс, психологический климат в студенческих группах и в целом на статус того или иного вуза. В связи с данными вызовами и рисками различные аспекты межкультурной коммуникации исследуются российскими учеными (М. А. Брылунова [6], Н. В. Михайлова [7] и др.). На наш взгляд, более полная трактовка этого понятия предложена Е. В. Шахасовой: «Межкультурная коммуникация – это речевое взаимодействие двух или более собеседников, отличающихся по национальному признаку, культурным, религиозным и иным особенностям, нацеленное на преодоление культурного различия между коммуникантами и подразумевающее владение символическими системами, принципами коммуникативного взаимодействия...» [8].

При этом в современной науке акцент делается на специфику межкультурной коммуникации, влияющей на формы и характер межкультурного взаимодействия в условиях трансформационных процессов глобализационного пространства. Межкультурная коммуникация обретает некоторые особенности в системе вузов. В их числе:

- формирование единого коммуникативного пространства, расширение и углубление межличностных контактов между вузовскими сообществами, представителями разных стран и культур;

- заимствование культурных ценностей, коммуникативных навыков и совершенствование образовательной и социокультурной среды вуза в целом;
- необходимость знания и учета специфики межкультурной коммуникации участников коммуникативного взаимодействия и т. д.

Умение конструктивно взаимодействовать, преодолевать культурные барьеры и разрешать конфликты становится критически важным для успешной коммуникации и обучения в многонациональных группах. К примеру, результаты исследования, проведенного платформой «Неравнодушный человек» в 2025 г. среди иностранных студентов российских вузов, показали, что «в первый год жизни в России иностранцы сталкиваются с рядом проблем. Так, 42 % отметили психоэмоциональные трудности, 32 % – культурную и языковую адаптацию, 31 % – учебные трудности» [9].

Иностранные обучающиеся, прибывая в новую для себя страну, часто не обладают достаточным уровнем языковой подготовки и не имеют четкого понимания культурных особенностей принимающей страны, что создает серьезные барьеры для межкультурной коммуникации. При этом студенты испытывают трудности не только в академической деятельности, но и в повседневном общении, что может приводить их к изоляции в студенческом сообществе. Подобное разделение естественным образом способствует формированию взаимных предубеждений и укреплению стереотипов, особенно в ситуациях, когда университет ограничивается лишь формальными мерами по приему и размещению иностранных студентов без реализации целенаправленной политики их интеграции в академическое сообщество. В этих условиях в процессе межкультурной коммуникации может возникать множество сложностей и рисков. К примеру, проблемы межкультурной коммуникации в вузовской среде заключаются в расхождении моделей поведения и восприятия действительности у студентов – носителей ценностей разных культур. В этом аспекте эффективность понимания коммуникантами друг друга может должна основываться на культивировании навыков межкультурной компетентности. «Умение понимать и принимать взгляды представителей другой культуры, корректировать свое поведение, преодолевать конфликты в процессе коммуникации.... становится максимально востребованным для современного студента» [10]. Развитие межкультурных компетенций позволяет, с одной стороны, минимизировать проблему непонимания между участниками коммуникации из-за различий в количестве, качестве, уместности и способе подачи информации, с другой – не допустить конфликты между участниками коммуникации. Сложность проявляется в том, что, как справедливо отмечает Т. Н. Персикова, информация передается и на вербальном, и на невербальном уровне, что создает дополнительные сложности в межкультурном взаимодействии [11]. В этом контексте одинаковые жесты, позы или интонационные паттерны могут иметь различное, а иногда и противоположное значение в разных культурах. Подобные расхождения в интерпретации сигналов часто становятся причиной коммуникативных барьеров в рамках межкультурного общения. Многокомпонентность межкультурной коммуникации проявляется и в умении слышать и слушать коммуниканта: «слушание – фундаментальный навык, который влияет на достижение взаимопонимания и, соответственно, на взаимодействие и качество коммуникации в целом» [12].

Таким образом, межкультурная коммуникация – это сложный, многокомпонентный процесс, эффективность которого зависит от учета вербальных и невер-

бальных аспектов взаимодействия, развития навыков активного слушания и реализации превентивных мер по совершенствованию коммуникативного пространства с активным участием студентов.

Позитивные тенденции трансформации межкультурной коммуникации возможно продемонстрировать на примерах опыта пермских вузов, в том числе Пермского государственного национального исследовательского университета. При этом межкультурное взаимодействие обучающихся представлено обновленными форматами общения, что свидетельствует о наличии интереса к данной тематике со стороны как административных структур вузов, так и студенческого сообщества. Анализ источников позволил выделить ряд приоритетных направлений и креативных коммуникативных практик в области межкультурной коммуникации. Например, культурно-событийные и фестивальные проекты. Это наиболее развитое публичное направление, представленное как локальными университетскими, так и межвузовскими городскими инициативами. К примеру, реализуемый при поддержке платформы «Росмолодёжь.Гранты» фестиваль иностранных студентов «We are» с программой, направленной на визуализацию культурного разнообразия через презентацию талантов, традиций и национальной кухни народов мира [13].

Межвузовский фестиваль «Открой мир», проходящий на площадке Пермского политехнического университета с участием студентов ПГНИУ, расширяет пространство взаимодействия пермского студенческого сообщества, способствуя формированию межкультурного диалога в городском сообществе и обмену опытом между вузами [14].

Значимы и клубные инициативы, ориентированные на углубленное и регулярное взаимодействие студентов вокруг общего интереса. Примером является языковой клуб по изучению китайского языка, организованный на базе факультета современных иностранных языков и литератур ПГНИУ [15]. Разработка и реализация международных образовательных программ, обмен студентами и преподавателями, проведение кросс-культурных исследований и т. д. позволяют трансформировать, совершенствовать систему обучения и воспитания, что, в свою очередь, повышает качество образовательного процесса в вузах.

Библиографический список

1. Паспорт федерального проекта «Экспорт образования»: приложение к протоколу заседания проектного комитета по национальному проекту «Образование» от 7 дек. 2018 г. № 3. URL: https://shkola2stroitel-r68.gosweb.gosuslugi.ru/netcat_files/30/66/eksport_obrazovaniia.pdf (дата обращения: 25.12.2025).
2. Иностранная молодежь все чаще выбирает Россию для получения образования URL: https://ruvek.mid.ru/news/inostrannaya_molodezh_vse_chashche_vybiraet_rossiyu_dlya_polucheniya_obrazovaniya/ (дата обращения: 18.12.2025).
3. Образовательная миграция в Россию: современное состояние и перспективы развития. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/policybriefs/obrazovatel'naya-migratsiya-v-rossiyu-sovremennoe-sostoyanie-i-perspektivy-razvitiya/> (дата обращения: 18.11.2025).
4. Число иностранных студентов выросло в три раза. URL: <https://www.business-class.su/news/2024/06/02/chislo-inostrannyh-studentov-v-prikame-vyroslo-v-tri-raza> (дата обращения: 25.12.2025).

5. Иностранные студенты в России: академические интересы и адаптация. URL: <https://www.xn--80aegbxtdbhq2bydyb.xn--plai/foreignstud> (дата обращения: 18.12.2025).
6. Дрожжина Д. С. Изучение адаптации иностранных студентов: дискуссия о методологии // Эмпирические исследования // Universitas. 2013. № 3. С. 35.
7. Брылунова М.А. Межкультурная коммуникация в студенческой среде // Символ науки. 2020. № 12-2. С. 176–178.
8. Михайлова Н. В. Межкультурная коммуникация и межкультурный диалог в жизни современного человека: к постановке проблемы // Гуманитарное пространство. 2019. № 7. С. 921–926.
9. Иностранные студенты в России: Академические интересы и адаптация URL: [https://www.xn--80aegbxtdbhq2bydyb.xn--plai/foreignstud /](https://www.xn--80aegbxtdbhq2bydyb.xn--plai/foreignstud/) (дата обращения: 25.11.2025)
10. Болотнов А. Д. Межкультурные коммуникации в студенческой среде // Академический журнал Западной Сибири. 2013. Т. 9, вып. 3 (46). URL: <https://sciup.org/140221011> (дата обращения: 19.12.2025).
11. Персикова Т. Н. Межкультурная коммуникация и корпоративная культура : учеб. пособие. М.: Логос, 2012. 224 с.
12. Михеева С. В. Активное слушание как средство достижения лучшего понимания и точного формулирования мыслей // Мир науки, культуры, образования. 2024. № 1(104). С. 76.
13. Фестиваль иностранных студентов «We are» возвращается! URL: https://vk.com/wall-219917309_1914 (дата обращения: 15.12.2025).
14. «Откроем мир» ВМЕСТЕ. URL: https://vk.com/wall-61225356_1911 (дата обращения: 15.12.2025).
15. Не торопись, всему своё время. URL: https://vk.com/wall-11605640_5220 (дата обращения: 15.12.2025).

ПРАВОВЫЕ ВЫЗОВЫ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ ИСКУССТВЕННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В ЦИФРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ: ПРОБЛЕМЫ ОТВЕТСТВЕННОСТИ И РЕГУЛИРОВАНИЯ

А. А. Якупов

Студент, Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации,
Пермь, Россия, artur.yakupovs@mail.ru

Научный руководитель: Э. Р. Кузнецова, д-р экон. наук, профессор,
Пермский филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Пермь, Россия

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовых вызовов, возникающих в условиях стремительного внедрения технологий искусственного интеллекта в цифровую экономику. Цель работы – проанализировать ключевые проблемы ответственности и регулирования, обусловленные ростом автономности алгоритмических систем, а также определить направления формирования эффективной нормативной среды для их применения. В статье рассматриваются такие аспекты, как правовой статус ИИ, особенности распределения гражданско-правовой ответственности, феномен «черного ящика», вопросы прозрачности и объяснимости алгоритмов, а также коллизии законодательства в сфере интеллектуальной собственности. Проанализированы российская нормативная база и международные модели регулирования, включая риск-ориентированный подход ЕС, децентрализованную модель США и директивную систему Китая. Результаты исследования могут быть использованы законодателями, регуляторами, разработчиками и операторами ИИ при разработке сбалансированной и адаптивной правовой политики. Автор приходит к выводу, что перспективная модель регулирования ИИ должна носить гибридный характер, сочетая стимулирование инноваций с надежными механизмами ответственности, прозрачности и защиты прав граждан.

Ключевые слова: искусственный интеллект, цифровая экономика, правовое регулирование, гражданско-правовая ответственность, алгоритмическая ответственность, автономные системы, Регламент ЕС об ИИ, правовые риски, правосубъектность электронных агентов

LEGAL CHALLENGES OF USING ARTIFICIAL INTELLIGENCE IN THE DIGITAL ECONOMY: PROBLEMS OF LIABILITY AND REGULATION

A. A. Yakupov

Student, Perm Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Perm, Russia, artur.yakupovs@mail.ru

Scientific supervisor: E. R. Kuznetsova, Doctor of Economics, Professor,
Perm Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration, Perm, Russia

Abstract. The article examines the legal challenges arising from the rapid integration of artificial intelligence (AI) technologies into the digital economy. The purpose of the study is to analyze the key issues of liability and regulation associated with the increasing autonomy of algo-

rithmic systems and to outline potential pathways for creating an effective and balanced legal framework. The paper discusses such phenomena as the legal status of AI, the allocation of civil liability for harm caused by autonomous systems, the “black box” problem and the need for algorithmic transparency, as well as unresolved questions of intellectual property in relation to AI-generated outputs. The study also provides a comparative analysis of international regulatory models, including the risk-based approach of the EU, the decentralized innovation-driven model of the United States, and China’s directive and security-oriented framework. The findings may be useful for legislators, regulators, developers, and AI operators in shaping a coherent regulatory environment that promotes innovation while ensuring adequate protection of citizens’ rights and interests. The author concludes that the future of AI regulation lies in a hybrid model that combines the flexibility and openness required for technological development with robust mechanisms of accountability, transparency, and legal certainty.

Keywords: artificial intelligence, digital economy, legal regulation, civil liability, algorithmic accountability, autonomous systems, EU AI Act, legal risks, electronic agents' legal personality

Стремительное развитие технологий искусственного интеллекта (ИИ) трансформирует современное общество, экономику и право, формируя принципиально новую среду для правового регулирования. Возникающие при этом новые общественные и гражданские отношения требуют адекватного и своевременного правового реагирования. Российская Федерация, признавая ИИ в качестве одного из стратегических направлений развития, активно формирует собственную модель его регулирования. Однако динамика технологий опережает скорость законотворческих процессов, что порождает значительные правовые пробелы и риски.

Актуальность темы обусловлена необходимостью создания сбалансированного правового поля, которое, с одной стороны, будет стимулировать инновации, а с другой – гарантировать защиту прав и законных интересов граждан, общества и государства. Центральной проблемой в данном контексте является вопрос об ответственности за вред, причиненный в результате действий (или бездействия) систем на основе ИИ, а также их правовой статус.

Целью данной статьи является комплексный анализ актуального состояния правового регулирования искусственного интеллекта в России и выявление системных проблем, требующих первоочередного законодательного решения. Для достижения этой цели поставлены следующие задачи: проанализировать действующую нормативную базу Российской Федерации в сфере ИИ, определить ключевые правовые изменения, связанные с его использованием, сформулировать предложения по преодолению выявленных коллизий.

Правовое регулирование искусственного интеллекта в России находится на начальной стадии формирования и характеризуется многоуровневым подходом, сочетающим стратегическое планирование, «регуляторные песочницы» и точечные законодательные инициативы.

Фундаментом государственной политики в данной сфере является указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации», которым утверждена Национальная стратегия развития искусственного интеллекта на период до 2030 г. Этот документ имеет концептуальное значение, задавая основные цели, принципы и направления развития ИИ.

Ключевым шагом на пути к созданию полноценного регулирования стал федеральный закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ «Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации». Данный закон ввел механизм «регуляторных песочниц» – особых условий для тестирования новых технологий, включая ИИ, в ограниченном пространстве с возможностью отступления от действующих норм права. Именно в ст. 2 данного закона содержится одно из первых легальных определений ИИ: «искусственный интеллект – это комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая обучение, анализ и прогнозирование) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые с результатами интеллектуальной деятельности человека».

Таким образом, в России создан определенный правовой каркас, однако он носит фрагментарный характер и пока не способен комплексно урегулировать весь спектр возникающих отношений.

Мировой опыт показывает разнообразие подходов к регулированию искусственного интеллекта. Наиболее продвинутой иерархической системой обладает Европейский союз.

Подходы к регулированию искусственного интеллекта в разных юрисдикциях

Юрисдикция	Основной нормативный акт	Ключевой подход
Европейский союз	Закон об ИИ (AIAct)	Риск-ориентированный: системы делятся на 4 категории (неприемлемого, высокого, ограниченного и минимального риска) с разным уровнем регулирования
США	План действий по ИИ (Исполнительный указ 14179)	Промо-инновационный: отмена барьеров для развития, акцент на лидерство США, отраслевое регулирование
Великобритания	Различные административные положения	Контекстно-зависимый и отраслевой: отказ от создания центрального регулятора ИИ в пользу гибких принципов, применяемых существующими органами
Китай	Апрель	Жёсткий контроль: обязательное предварительное одобрение алгоритмов, обеспечение их соответствия государственным идеологиям

Составлено по данным сайта Anecdotes. URL: <https://www.anecdotes.ai/learn/ai-regulations-in-2025-us-eu-uk-japan-china-and-more> (дата обращения: 30.12.2025).

Модель, представленная в таблице, наглядно демонстрирует ключевые подходы к регулированию искусственного интеллекта в ведущих мировых юрисдикциях. Сравнительный анализ позволяет выявить формирование трех основных моделей: жестко структурированной и риск-ориентированной в Европейском союзе, децентрализованной и ориентированной на инновации в США, а также директивной с акцентом на государственный контроль и безопасность в Китае.

Европейский союз реализует пионерскую и всеобъемлющую модель, основанную на классификации систем ИИ по уровням риска – от «неприемлемого», который подлежит запрету, до «минимального». Закон ЕС об ИИ (AI Act) устанавливает строгие обязательства для операторов высокорисковых систем, таких как необходимость проведения оценки соответствия, ведения технической документации и обеспечения человеческого надзора. Этот подход направлен на создание гармонизированных правил, обеспечивающих защиту фундаментальных прав граждан ЕС и одновременно стимулирующих доверие к технологии.

Соединенные Штаты Америки, в свою очередь, характеризуются децентрализованным и фрагментированным подходом. На федеральном уровне отсутствует единый комплексный закон, а регулирование формируется через исполнительные указы (такие как указ Президента Байдена о безопасном и надежном ИИ) и активную законодательную деятельность на уровне штатов. Акцент делается на разработке рекомендательных принципов (например, Билль о правах искусственного интеллекта) и поощрении инноваций, что создает гибкую, но сложную для навигации правовую среду.

Китайская Народная Республика применяет директивную модель, нацеленную на обеспечение национальной безопасности, идеологического контроля и технологического суверенитета. Регулирование требует обязательной предварительной проверки и регистрации генеративных моделей ИИ, цензуры контента и соблюдения социалистических ценностей. Китайский подход демонстрирует, как строгое государственное регулирование может сочетаться с взрывным ростом национального рынка ИИ, достигаемым за счет создания предсказуемых, хотя и жестких, правил игры для бизнеса.

Таким образом, представленные в таблице данные подчеркивают отсутствие универсального подхода к регулированию ИИ. Выбор юрисдикцией той или иной модели определяется ее правовой традицией, экономическими интересами и общественно-политическими ценностями. Для Российской Федерации анализ этих моделей является критически важным для разработки собственной сбалансированной стратегии, которая сможет эффективно стимулировать инновации, обеспечивая при этом надежную защиту прав граждан и национальных интересов.

Ключевые правовые проблемы и вызовы. Несмотря на формирующуюся нормативную базу, использование технологий ИИ порождает ряд фундаментальных правовых проблем, которые не нашли своего окончательного решения в действующем законодательстве.

1. Проблема субъекта права и гражданско-правовой ответственности. Наиболее острой является проблема деликтной ответственности за вред, причиненный действиями (бездействием) системы ИИ. К примеру, кто должен нести ответственность, если беспилотный автомобиль совершит ДТП? А если диагностическая система ИИ поставит неверный диагноз?

Действующий ГК РФ не содержит специальных норм об ответственности за вред, причиненный ИИ. Применяются общие положения о деликтной ответственности (гл. 59 ГК РФ).

Возникает классическая дилемма: ответственность может быть возложена на собственника, разработчика или оператора.

Разрабатываемый проект федерального закона «Об искусственном интеллекте» пытается решить эту проблему, закрепляя презумпцию виновности оператора. Согласно проекту оператор обязан возместить вред, если не докажет, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего. Данный подход заслуживает поддержки, так как он ставит ответственность в зависимость от контроля над технологией.

2. Проблема «черного ящика» и прозрачности. Сложность и автономность алгоритмов ИИ приводит к проблеме «черного ящика», когда даже разработчики не могут полностью объяснить логику принятия решений системой. Это прямо затрагивает принципы транспарентности и объяснимости (transparency and explainability), которые являются ключевыми компонентами международных регуляторных frameworks. Без обеспечения прозрачности невозможно эффективно реализовать право на обжалование решений, принятых с помощью ИИ.

Например, если система ИИ, используемая для скоринга в банке, отказала в кредите заемщику, то в силу «черного ящика» он не может оспорить решение, так как не существует прозрачных и понятных человеку критериев отказа. Это прямо нарушает право гражданина на справедливое рассмотрение его обращения.

3. Проблема интеллектуальной собственности. Актуальным остается вопрос: кто является автором и правообладателем произведения, созданного автономной системой ИИ без непосредственного творческого участия человека? Согласно ст. 1257 ГК РФ автором результата интеллектуальной деятельности признается гражданин, творческим трудом которого он создан, следовательно, сам ИИ не может быть признан автором. Действующее законодательство не дает четкого ответа, что создает правовую неопределенность для креативных индустрий.

Проведенный анализ показывает, что развитие искусственного интеллекта формирует новые правовые вызовы, которые существующее российское законодательство пока не способно полностью охватить. Основные проблемы связаны с неопределенностью распределения ответственности, недостаточной прозрачностью алгоритмов и отсутствием ясного правового режима для результатов, созданных ИИ.

Сравнение международных подходов демонстрирует, что универсальной модели не существует, однако элементы риск-ориентированного и гибридного регулирования могут быть наиболее эффективными для России. Дальнейшее развитие правовой базы должно быть направлено на повышение прозрачности, уточнение статуса участников и создание предсказуемых механизмов ответственности. Это позволит обеспечить безопасное и ответственное использование ИИ в цифровой экономике.

Будущее регулирования ИИ в России должно базироваться на балансе между инновационностью и надежной защитой прав граждан, что позволит создать устойчивую и эффективную правовую экосистему цифровой экономики.

Библиографический список

1. Ручий О. Р. Правовые аспекты регулирования искусственного интеллекта // Молодой учёный. 2025. № 39 (590). С. 219–221.
2. AI Regulations in 2025: US, EU, UK, Japan, China and More // Anecdotes. 2025. 24 November. URL: <https://www.anecdotes.ai/learn/ai-regulations-in-2025-us-eu-uk-japan-china-and-more> (дата обращения: 30.12.2025).
3. How to regulate AI // Harvard Gazette. 2025. September.
4. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 01.07.2024) // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.
5. Об экспериментальных правовых режимах в сфере цифровых инноваций в Российской Федерации : федер. закон от 31.07.2020 № 258-ФЗ» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 31 (ч. I). Ст. 5078.
6. Указ Президента РФ от 10.10.2019 № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2019. № 41. Ст. 5702.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Агафонова Н. Н.</i> Тренды развития высшего образования и ключевые смыслы	3
<i>Азанова Т. И.</i> Влияние цифрового рубля на будущее экономики и права	8
<i>Акулова Е. А.</i> Цифровой рубль России: правовые и экономические аспекты внедрения.....	13
<i>Бабарыкина Н. Е.</i> Проблемы психологической безопасности личности студентов	18
<i>Березина Е. И., Хайруллина А. Р.</i> Влияние цифрового рубля на финансовое состояние организации по данным бухгалтерской отчетности	23
<i>Березнева Н. С.</i> Диагностика сформированности логических универсальных учебных действий учащихся на уроках геометрии	28
<i>Братчикова С. А.</i> Телефонное мошенничество как социально-правовая проблема: причины распространения и меры противодействия	35
<i>Вербицкая С. И.</i> ИИ в творчестве: угроза или помощник? На примере нейросетей для генерации изображений (Midjourney, DALL-E)	41
<i>Волков А. С.</i> Особенности государственных закупок в сфере образования.....	47
<i>Дзараева Н. А., Трушкова И. О.</i> Стратегии и тактики речевого поведения государственных обвинителей в русском и английском судебно-процессуальном дискурсе	53
<i>Завьялова Ю. Э.</i> Оплата труда на предприятии: состояние и совершенствование учета.....	61
<i>Зуева П. Н.</i> Образ ИИ в массовой культуре и общественном сознании.....	65
<i>Каменских Е. Р.</i> Национальный проект «Семья» как механизм социальной поддержки семей в Российской Федерации	70
<i>Корж П. А.</i> Основные вехи развития криминалистики: ко Дню российской науки.....	74
<i>Кочура Н. В.</i> Интернет-зависимость детей-подростков	78
<i>Кузнецов Н. Д.</i> Сервитуты: понятие и виды	84
<i>Кылосова Ю. А.</i> Правовая грамотность населения как детерминанта противодействия квартирным мошенничествам	89
<i>Лапишина Т. Н.</i> Особенности применения в России цифрового рубля.....	93
<i>Мальцева А. А.</i> Изменение характера труда председателей и уполномоченных представителей собственников при осуществлении функций управления многоквартирного дома в условиях цифровой трансформации сферы ЖКХ с понятия «общественная работа» в обязательную квазитрудовую функцию	98
<i>Мардамышина Д. В.</i> Социальная поддержка семей с детьми в Российской Федерации: правовое регулирование и актуальные проблемы	102
<i>Метельская С. А.</i> Личность в условиях цифровой трансформации общества: формирование, вопросы безопасности	107
<i>Мкртчян Р. А.</i> Формирование цифровой идентичности подростка: баланс между самовыражением в социальных сетях и цифровой репутацией.....	112
<i>Морозова Е. В.</i> Будущее научных коммуникаций: вызовы цифровой эпохи в России	116

<i>Палкина О. М.</i> Бережливое производство и российская школа научной организации труда: преемственность и современность	121
<i>Патраков Е. А.</i> Цифровой рубль как инструмент финансовой инклюзии: правовые и экономические аспекты.....	126
<i>Пискунова В. В.</i> Игровая онлайн-аддикция в проблеме социальной безопасности личности.....	133
<i>Попкова А. В.</i> Права ребенка в цифровом пространстве: правовое регулирование и защита в российском законодательстве.....	138
<i>Попкова В. С.</i> Социальная поддержка инвалидов	144
<i>Рубцов Е. Н.</i> Особенности правового положения букмекерских контор в России	149
<i>Седусова В. С.</i> Влияние цифровой трансформации на рынок труда в современных условиях	153
<i>Сивкова А. В.</i> Цифровой маркетинг и трансформация потребительского поведения: вызовы и перспективы.....	159
<i>Сидоренко Д. С.</i> Почему дети-сироты вынуждены годами ждать свое жилье и как решить эту проблему?.....	166
<i>Советов И. К.</i> Конституционно-правовые основы цифровизации в России.....	172
<i>Созинова О. Д.</i> Трансформация судебной системы в условиях цифровизации: онлайн-судопроизводство	182
<i>Тишонкова М. А.</i> Цифровой рубль: правовые и экономические аспекты	187
<i>Усольцев М. С.</i> Конфиденциальность и персональные данные: влияние угроз цифровой среды на чувство безопасности человека	193
<i>Фёдорова В. Н.</i> Трансформация образования: от классической парадигмы к lifelong learning	199
<i>Хохрякова А. Д.</i> Упрощенная система налогообложения: анализ практики, проблемы и пути их решения в РФ	207
<i>Цуканов В. Н.</i> Организация работы участкового уполномоченного полиции по противодействию бытовому насилию	212
<i>Чепуштанова Г. С.</i> Регулирование цифрового рубля: правовые аспекты технологической реальности денег	216
<i>Шерстобитов Е. А.</i> Цифровизация исполнительного производства по взысканию алиментов в РФ: новые возможности и правовые риски.....	220
<i>Шистерова Е. А.</i> Система повышения квалификации преподавателей колледжа в области информационных технологий	225
<i>Щукина В. Ю.</i> Правовые и этические проблемы использования генеративного ИИ в создании медиаконтента: на примере deepfake-технологий и авторского права	230
<i>Щукина Р. И.</i> Межкультурная коммуникация как фактор трансформационных процессов в современном вузе	236
<i>Якупов А. А.</i> Правовые вызовы использования искусственного интеллекта в цифровой экономике: проблемы ответственности и регулирования.....	242

Научное издание

**ВОПРОСЫ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ:
ЭКОНОМИКА, ПРАВО, СОЦИАЛЬНЫЕ
КОМПЕТЕНЦИИ**

Сборник научных трудов

Редактор: Е. И. Герман
Компьютерная верстка: Е. И. Герман

Объем данных 19,1 Мб
Подписано к использованию 9.02.2026

Размещено в открытом доступе
на сайте <https://zuir.ru>
в разделе «Научная жизнь»

ЧОУ ВО «Западно-Уральский институт экономики и права»
614000, г. Пермь, ул. Сибирская, д. 35 литер Д